

European Journal of Humanities and Social Sciences

Nº 5 2022

European Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal

№ 5 2022

ISSN 2414-2344

Editor-in-chief

Maier Erika, Germany, Doctor of Philology

International editorial board

Abdulkasimov Ali, Uzbekistan, Doctor of Geography
Adieva Aynura Abduzhalalovna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Arabaev Cholponkul Isaevich, Kyrgyzstan, Doctor of Law
Barlybaeva Saule Hatiyatovna, Kazakhstan, Doctor of History
Busch Petra, Austria, Doctor of Economics
Cherniavska Olena, Ukraine, Doctor of Economics
Garagonich Vasily Vasilyevich, Ukraine, Doctor of History
Jansarayeva Rima, Kazakhstan, Doctor of Law
Karabalaeva Gulmira, Kyrgyzstan, Doctor of Education
Kvinikadze Giorgi, Georgia, Doctor of Geographical Sciences
Kiseleva Anna Alexandrovna, Russia, Ph.D. of Political Sciences
Khoutyz Zaur, Russia, Doctor of Economics
Kocherbaeva Aynura Anatolevna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Konstantinova Slavka, Bulgaria, Doctor of History

Lewicka Jolanta, Poland, Doctor of Psychology

Massaro Alessandro, Italy, Doctor of Philosophy

Marianna A. Balasarian, Georgia, Doctor of Philology

Meymanov Bakyt Kattoevich, Kyrgyzstan, Doctor of Economics

Serebryakova Yulia Vadimovna, Russia, Ph.D. of Cultural Science

Shugurov Mark, Russia, Doctor of Philosophical Sciences

Suleymanova Rima, Russia, Doctor of History

Fazekas Alajos, Hungary, Doctor of Law

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

Premier Publishing s.r.o. Praha 8
– Karlín, Lyčkovo nám. 508/7, PSČ 18600

E-mail:

pub@ppublishing.org

Homepage:

ppublishing.org

European Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the Premier Publishing s.r.o. home page at: <http://www.ppublishing.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the Premier Publishing s.r.o., the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Included to the open access repositories:

The journal has Index Copernicus Value (ICV) 72.42 for 2018.

The journal has the GIF impact factor .342 for 2019.

© Premier Publishing s.r.o.

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by Premier Publishing s.r.o., Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Journalism

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-22-5-3-8>

*Ismailova K. F.,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Uzbek State University of World Languages,
University of Journalism and Mass Communications of Uzbekistan*

ORIENTATION TO PERSONIFICATION OF RADIO MESSAGES AS AN IMPORTANT TREND IN MODERN RADIO BROADCASTING

Abstract. The article is devoted to the issues of personification of information, factors that actualize this phenomenon. The influence of personalized information on the listener is investigated, the main trends in the personification of programs in modern radio journalism are identified. The features of new specializations of radio presenters are considered from the point of view of individualization of their images and changes in the personified role in changing conditions. The analysis of various techniques, expressive means, speech tactics leading in the process of personification of radio messages is carried out.

Keywords: personification, presenter, air, author's program, listener.

*Исмаилова К. Ф.,
Кандидат филологических наук, доцент,
Узбекский государственный университет мировых языков,
Университет журналистики и массовых коммуникаций Узбекистана*

ОРИЕНТАЦИЯ НА ПЕРСОНИФИКАЦИЮ РАДИОСООБЩЕНИЙ КАК ВАЖНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ СОВРЕМЕННОГО РАДИОВЕЩАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена вопросам персонификации информации, факторам, актуализирующим этот феномен. Исследуется влияние персонифицированной информации на слушателя, выявляются основные тенденции персонификации передач в современной радиожурналистике. Рассматриваются особенности новых специализаций ведущих на радио с точки зрения индивидуализации их образов и изменения персонифицированной роли в меняющихся условиях. Проводится анализ различных приемов, выразительных средств, речевых тактик ведущих в процессе персонификации радиосообщений.

Ключевые слова: персонификация, ведущий, эфир, авторская программа, слушатель.

Введение. История развития радиовещания чётко демонстрирует эволюцию авторского самовыражения в эфире. Сегодня оно достигло своего пика. Это объясняется не только стремлением журналистов подчеркнуть собственное «я», но и желанием аудитории общаться с *личностью*. Почему именно сейчас возникла необходимость в особой персонификации информации? Во-первых, как утверждают специалисты, дело в человеческой природе. Психика человека устроена так, что сообщение не воспринимается отдельно от его носителя. Она сама постоянно порождает процесс очеловечивания [1, 17]. Во-вторых, в эпоху интенсивного развития информационных технологий, главным образом, Интернета, потребность в персонифицированной информации неукоснительно возрастает.

Основные выводы и результаты. *Информация, персонифицированная автором, легче воспринимается аудиторией.* Особенно это заметно при прослушивании информационно–развлекательно программ. В наш «сверхскоростной» век слушателю важно получить информацию по принципу «совместив приятное с полезным», получить заряд оптимизма. Человек хочет на время отойти от проблем, отвлечься от забот. Он желает получить информацию, особо не напрягаясь, ему не все равно, кому он доверяет свое свободное время. От автора передачи, его творческого потенциала, в немалой степени зависит уровень доверия радиослушателей не только к собственной персоне, но и к радиостанции в целом. *О ценности и важности информации слушатель судит по коммуникатору.* Журналист является своеобразным ориентиром в пестром мире окружающей действительности. От его профессиональных качеств во многом зависит решение аудитории о том, принимать ту или иную информацию к сведению или нет. От подхода автора к информации, полноты освещения им фактов, выразительности выступления зачастую зависит судьба его звукового опосредованного контакта со слушателями.

Особое значение это приобретает в случае с познавательно–просветительскими программами. Здесь слушателю каждый раз приходится заново делать выбор: доверять этому журналисту свое эстетическое и духовное воспитание или переключиться на другой канал.

Аудитории нужна личность. Эта причина обращения слушателей к персонифицированной информации, авторским программам, на наш взгляд, самая существенная. Журналиста ждут в эфире ради него самого, ждут как лидера мнения, истолкователя сложных проблем, как личность значительную в нравственном и духовном плане. Главным образом это касается авторов информационно–аналитических и публицистических программ. Слушатель уже располагает нужной информацией, ему необходимо услышать комментарий компетентного лица. Как правило, авторы этих программ – известные журналисты, авторы, которые «у всех на слуху». Зачастую люди слушают передачи этих журналистов, независимо от темы, жанра, направленности программы. И им даже не всегда важно, касается их разговор или нет. Аудитории интересен сам автор (как правило, он и ведущий своей передачи), его творчество. Именно от него слушателям хочется узнавать информацию, именно с ним разбираться в сути происходящих событий.

По нашему мнению, личность журналиста как автора персонифицированных передач складывается из следующих составляющих:

- прежде всего, это осознание журналистом своей социальной миссии, его четко выраженная мировоззренческая и гражданская позиция, способность грамотно работать с источниками информации, уметь фильтровать материал, облекать его в оригинальную, привлекательную форму.

- не менее важен, на наш взгляд, настрой радиожурналиста, как в процессе подготовки передачи, так и во время ее ведения. Существенна подлинная заинтересованность автора в раскрытии темы, ее подаче, умение сопереживать.

– радиожурналист должен обладать культурой поведения как в студии, так и вне ее. Важно, чтобы он умел увлечь аудиторию, вызвать у нее доверие, быть органичным и честным в общении со слушателями.

Личность журналиста как «персонификатора» характеризует и отношение к слушателям. Автор программ должен хорошо знать свою аудиторию, искренне уважать её, воспринимать не как некую безликую массу, а как конкретных людей. Анализ авторских программ показал, что они, как правило, являются социально значимыми. Более того, проявления авторских программ в отечественном радиоэфире разноплановы. Это и занимательная игра, и проблемный материал, и литературно–художественная композиция. Поэтому трудно согласиться с утверждением некоторых российских журналистов о том, что авторская программа является самостоятельным жанром [2]. Как показала практика, авторская программа может быть достаточно сложной формой, включающей в себя материалы ряда жанров одновременно. Её появление в современном радиоэфире обусловлено двумя основными причинами: стремлением журналистов проявить себя в эфире, высказать мнение, продемонстрировать профессионализм и потребностью слушателей в персонифицированной информации в лице авторитетного журналиста.

Авторская программа – это показатель современного состояния журналистики, её стремления к свободе слова. Главная особенность автора, творца – наличие собственной позиции в программе. В авторской программе журналист важен именно как личность. Если обычно журналист вещает в домах слушателей, то здесь автор, наоборот, как бы приглашает к себе в гости. Авторская программа – образец наиболее близкого, доверительного и дружественного отношения между журналистом и слушателем, вершина журналистского мастерства, и это в свою очередь, требует особой тональности общения.

В этой связи хотелось бы остановиться на ведении авторской программы «Фикрлар майдони» («Площадка мнений») на канале «O‘zbekiston 24» с Нозимой Тошпулатовой и Нилуфар Ахмедовой [3]. В немалой степени успешному функционированию этой авторской передачи общественно–социальной направленности способствовали личностные качества её авторов и ведущих: эрудиция, находчивость, умение заинтересованно слушать, глубоко вникать в обсуждаемую проблему, эфирное обаяние и т.д. Существенно также и то обстоятельство, что журналисты практически всегда выступают на стороне слушателей, обладают талантом предвидеть реакцию аудитории на то или иное высказывание приглашенного в студию должностного лица. Их речь характеризуется точностью и ёмкостью формулировок, умением побудить выступающего отвечать по существу.

Еще один журналист, сумевший, на наш взгляд, своей личностью возвести имидж своей программы до ранга брэнда своего канала – Дилшод Буриев. Его программа «Очик мулокот» («Открытый диалог») выходила в эфир с 2014 по 2016 год на радиоканале «Toshkent» и представляла собой радиовersion одноименной телевизионной программы, положившей начало «прямым линиям» власти и народа. Участниками радиопрограммы «Очик мулокот» являлись, как правило, ответственные работники различных ведомств, министерств, социальных служб. Выпуски вначале готовились по территориальному признаку (одна передача – проблемы одного района столицы, республики); впоследствии темы стали обозначаться, исходя из актуальности возникающих вопросов.

Главная особенность передачи «Очик мулокот» состояла в том, что её автору и ведущему удавалось добиться того, чтобы она не превращалась в очередной отчет руководящих лиц, чиновников об их работе «на благо народа», а выливалась в живой разговор о животрепещущих, насущных проблемах жителей республики. Одно из слагае-

мых успеха Дилшоода Буриева и его программы, на наш взгляд, заключается в том, что журналист обладает умением организовать эфирное время так, что ни одна секунда не тратится впустую, что особо ценится в современном коммерциализирующемся вещании.

Ввиду усиливающейся конкуренции, влияния новых информационных технологий на структуру и содержание радиопередач сегодня формируются новые требования к современному радиожурналисту, его творчеству, его гражданской позиции, к его речевой культуре. Это стало тем более актуально с появлением ведущих радиоэфира со слабо разработанным голосовым аппаратом, плохой дикцией, регулярно нарушающих нормы языка и речевого общения.

Радио лишено визуальности, слушатель получает здесь информацию посредством слухового восприятия. Поэтому на радио важно, чтобы речевая коммуникация обладала точностью, наглядностью, образностью, небанальностью. Наглядность и выразительность радиоречи проявляется, прежде всего, в умении применить те слова и образы, которые позволят слушателю наиболее ярко и точно представить событие, явление, ситуацию, о котором говорит ведущий. Для этого необходима неустанная работа над голосом, дыханием, дикцией, интонацией, развивать свое воображение.

Результаты и обсуждения. Многие зарубежные исследователи считают, что успешная речевая коммуникация на радио проявляется в индивидуальной манере ведения эфира, линии речевого поведения [4; 5]. По нашему мнению, помимо этого важно, чтобы каждый ведущий готовил музыкальное оформление передачи и вариант анонса программы в соответствии с собственной языковой манерой, так как в совокупности это повышает эффективность формирования «своей» аудитории.

Сегодня персонификация проявляется не только в авторских передачах, в усилении личностной составляющей контента, но и в расширяющемся

спектре специализаций журналистов и ведущих. Появились арджеи, шоумены, модераторы, продюсеры, стало больше диджеев. У каждого из них свои функциональные обязанности, свои стилевые особенности общения с аудиторией.

Типология ведущих радиоэфира в современной науке представлена с точки зрения их психологических черт. Так, Н. С. Барабаш, выделяет три типа: «ведущий–информатор», «ведущий–собеседник», «ведущий–наставник» [6]. В фокусе отечественной радиопрактики, нам представляется более приемлемой типология ведущих по их функциональной предназначенности. Это арджеи, диджей, шоумен, модератор. Учитывая, что в научной литературе до сих пор нет определения вышеназванных специализаций на радио, считаем целесообразным раскрыть их в срезе творческих характеристик.

Арджей – ведущий разговорного вещания. Первая часть аббревиатуры, на наш взгляд, производная от слова «артист». Именно артистизм, мастерство импровизации, умение использовать разные речевые стили в коммуникационном процессе определяют важные качества данного типа ведущего. Как правило, арджеи работают на радиостанциях форматов Talk, News, Talk / News, Talk / Music, Forallradio (радио для всех) и т.п.

Данное исследование показало, что наиболее успешные арджеи всегда готовы к общению на самых разных уровнях (от вербального к чувственному), вырабатывают в себе готовность к неожиданным поворотам эфира, а значит, к эмоциональной нагрузке, формируют навыки импровизации, развивают артистические способности.

Диджей (DJ) – ведущий музыкальных программ коммерческой музыкально–информационной радиостанции, ее «визитная карточка». Так как основой данного формата является разнообразный музыкальный материал, то диджей, прежде всего, должен быть музыкально эрудированным. И хотя музыкальный ряд подбирается заранее, скомпонован плей–лист (подборка аудио–

контента – песен, инструментальных композиций для воспроизведения на радио), диджей должен владеть информацией об исполнителе, о месте данной композиции в хит-параде, ее происхождении и истории существования. Ему должно быть свойственно умение так «прокомментировать» пребывание композиции в эфире, чтобы слушатель обратил на нее внимание.

Важна и тональность голоса DJ, так как в зависимости от характера музыкальной композиции используются самые разнообразные интонации: приглушенная – для лирической, более бодрая – для веселой (своеобразный «голосовой грим») и т.д. Некоторым диджеям удается найти свою собственную манеру подачи информации, например, изменив свой голос, сделав его более «заволаживающим». Некоторые стараются остаться самим собой, не «играя» со слушателями. Как бы там ни было, главное, чтобы диджей чувствовал себя комфортно в той «маске», которую он выбрал для себя, а аудитория принимала бы его таким, «рисую» себе образ ведущего в соответствии с его голосом в эфире.

Есть свои особенности и у *шоумена*. Его работа на радио схожа с творчеством конференсье. Мастерство шоумена заключается, прежде всего, в умении «связывать» в единое целое различные составляющие радишоу: музыку, новости, рекламу, тематические рубрики. Кроме того, опытные шоумены от радио обладают артистизмом, быстрой реакцией на происходящее в студии и на высказывания слушателей, импровизацией. Для них характерно умение управлять временем и создавать так называемый «слушательский комфорт» восприятия.

Вследствие перестройки программирования большинства современных радиостанций их вещание все чаще осуществляется по принципу

дробного структурирования или «программного колеса». Это способствовало появлению еще одной специализации на радио – *ведущего-модератора*, (за рубежом его называют «хозяином часа»). И это, прежде всего, организатор. Он тщательно продумывает и формирует свой эфирный час так, чтобы в нем наиболее эффективно были представлены все программные элементы. Ведущий-модератор напоминает гида эфира, анонсируя предстоящие передачи, «заманивая» радиослушателей на свою радиоволну, он тем самым задает тон всем участникам вещания: новостным ведущим, ведущим авторских передач, арджеям или диджеям. Создавая интригу с целью привлечения аудитории к прослушиванию эфира, ведущий-модератор способствует слаженности деятельности своих коллег.

Заключение. Сегодня каждая радиостанция Узбекистана – это сформировавшаяся вещательная структура со «своей» аудиторией, своим комплексом средств воздействия. Каждая из них выработала «свой» язык общения со слушателями, свою интонацию, свой стиль обращения. Широко используются в современной радиопрактике маркеры разговорной тональности. Ведущие зачастую намеренно «упрощают» свою речь, чтобы быть понятыми своей аудиторией, подстраиваются под ее языковые вкусы. Это не всегда оправдано и не способствует поднятию рейтинга передач. Таким образом, сегодня авторам радиопередач, ведущим эфира следует не только чувствовать меняющиеся запросы аудитории, знать закономерности радиовещания, но и понимать, что каждое их высказывание в эфире не только влияет на рейтинг, профессиональную репутацию, и авторитет радиостанции, но и сказывается на развитии интеллекта, речевой культуры их слушателей.

Список литературы:

1. Гуревич П. С. Приключения имиджа. – М., 1991.
2. Морозов Д. Радиоактивные люди // URL: <http://www.kariera.ovc.ru/> Аксюта Ю. Интервью Е. Тэн // URL: http://www.onair.ru/ir_juri_aksuta.01
3. Напр.: Эфир «O'zbekiston 24». «Фикрлар майдони». 30 сентября, 2020 г.
4. Ганеева Ф. Речевая выразительность и субординация целей радиожурналиста // Ученые записки Казанского Государственного университета. – Том 150. – Кн. 4. 2008. – С. 182–185.
5. Беспалова Е. А., Ельникова А. В. Условия успешной речевой коммуникации радиожурналистов (на примере ведущей социально-политической радиостанции) // Научные ведомости. – Том 3. – № 2. 2019. – С. 191–201.
6. Барабаш Н. С. Ведущий информационно-музыкальной радиостанции-становление профессии, специфика и методы работы. Автореф. дисс... канд. филол. наук. – М., 2002.

Section 2. Study of art

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-22-5-9-12>

Rosanna Misso,
Università della Campania “Luigi Vanvitelli”
PhD student in architecture,
Industrial Design and Cultural Heritage

“SETTECENTO RIFORMATORE”: LUIGI VANVITELLI BETWEEN ROMA AND NAPOLI

Abstract. The passage of Luigi Vanvitelli from Rome to Naples took place in 1750, when, after the peace, the balance between the Pope and the King of Naples had again been put at risk because the events related to neapolitan masonry. This essay aims to highlight the role of the eclectic and skilled diplomat cardinal Silvio Valenti Gonzaga, in the transfer of Vanvitelli, architect from the reforming climate in Rome, to the service of Carlo.

Keywords: Roma, art, cultural, Caserta, eighteenth century, reformer.

The Royal Palace of Caserta, symbolic architecture of the dynastic power of King Charles of Bourbon, was at the center of a project for the enhancement of Terra di Lavoro. In the idea of the King, the royal palace was to be the administrative centre connected, through a network of paths, to Naples and to other real peripheral sites, conceived as productive and leisure centres [1; 31]. Luigi Vanvitelli [21; 11] was the material architect of the complex utopian project matured in a period identified as “Settecento riformatore” [25]. The enlightened despotism of the rulers, who had the merit of promoting economic, social and political reforms in order to make their State better, was matched by greater papal tolerance. In this sense stands the progressive figures of Benedetto XIV and Silvio Valenti Gonzaga [3]. They produced effective agreements between the Santa Sede and the European Monarchies to guarantee peace and stability in Europe and to defend the centrality of Rome, in response to the crisis that the papacy was going through on the political-economic level. The

main problem that the young king faced in Naples was the relationship with the Santa Sede which boasted its sovereignty. For which with the concordat signed in Rome (June 2, 1741) provided for “terminar le dispute e controversie che da più secoli nel Regno di Napoli sono state su diversi capi tra le Curie laiche ed ecclesiastiche e per torre con ciò ogni occasione di discordia tra le due potenze” [15]. This important event in the history of Southern Italy is remembered in two paintings by Giovanni Paolo Pannini (1746) [2; 5, 26–36] today preserved in the Museum of Capodimonte in Naples. The first was commissioned by the king after the victory of the Bourbon troops over the Austrian ones, and intends to celebrate Charles’ visit to Rome by the Pope in 1741 in the recent building built by Ferdinando Fuga. At the center are the protagonists of the story, the king and Cardinal Gonzaga, surrounded by a crowd of people while you can see Benedetto XIV through a gap hit by a white light. The second, of which it is believed that the painter had been an eyewitness

of the event, portrays the king on horseback at San Pietro with the continuation of the major personalities of Spain in the space berniniano in front of the classical facade of Maderno. Lambertini and Gonzaga were promoters of many interventions in the cultural and artistic of the *Urbe*, started in 1740 and fully developed after 1748 in the climate of European peace following the Pace di Aquisgrana. An initiative worthy of note was the Editto Valenti, which took the name by the cardinal, and was aimed at containing the dispersion of the local cultural heritage with the clarification that the preservation of works of art “porge incitamento a’ Forastieri di portarsi alla medesima Città per vederle, ed ammirarle” [13; 96]. This edict was taken up in *Prammatica LVII* (October 16, 1755) by King Carlo which extended the protection to “pitture antiche, o in tele, o in tavole, o di legno, o di rame, o d’argento, o tagliate da muri” [13; 228] with reference to the archaeological discoveries of Ercolano and Pompei. The Cardinal began an intense program of urban renewal in Rome, demonstrating classical culture, modernity and openness to scientific, technological and scientific innovations, with particular attention to the existing historical heritage [14]. Rome with its famous ruins, became a prolific construction site involving numerous architects as the same Pannini, Luigi Vanvitelli e Ferdinando Fuga both for recoveries and for new buildings. The happy association of the Pope with Gonzaga is documented in the beautiful picture “Benedetto XIV e Silvio Valenti Gonzaga” by Giovanni Paolo Pannini (1749) kept in Palazzo Braschi di Roma. In this painting, a combination of two portraits sanctioned by the international success, that of the Pope of Pannini and the cardinal of Pierre Subleyras, the physical, moral and cultural characteristics of both characters in the field of the arts are exalted [2]. In the center is represented the dome of Michelangelo symbol par excellence of the Church of Rome. In fact, in *Elogio del cardinale Silvio Valenti Gonzaga* is reminded that it was Valenti to suggest to the Pontefice the restoration and embellishment of many Roman monuments and Giovanni Poleni, in his famous 5 books of *Memorie Istoriche della*

Gran Cupola del tempio Vaticano (Padova 1748), recalls that this monument in those years, was the subject of an important recovery considered among the most significant in the history of restoration, for which he was flanked by Ruggero Giuseppe Boscovich, Thomas La Seur e Francois Jaquier, scientists training physics-mathematics and Newtonian setting, and by the architect Luigi Vanvitelli. “Nella gestione del cantiere romano, l’architetto diede prova di capacità imprenditoriali, rivelando un tratto della sua personalità che gli avrebbe fatto gioco nell’affrontare la costruzione di una fabbrica mastodontica come la reggia di Caserta [...] La coppia Poleni-Vanvitelli dette vita ad una simbiosi antesignana del futuro degli studi nel campo del restauro, oggi impraticabili senza l’apporto di una pluralità di competenze disciplinari come, ad esempio, la fisica, la chimica, l’archeologia e la storia dell’arte” [8, 11–12].

Another important painting by Pannini, the same year exalts the figure of the cardinal as a refined collector and protector of artists. Here the painter portrays himself alongside the cardinal and shows an imaginary architecture inspired by Palazzo Colonna. There are about 150 paintings from the cardinal’s rich collection, which boasted over 800 pieces [10, 54]. The painting *La quadreria del cardinale Valenti Gonzaga* (1748), in Wadsworth Atheneum, Hartford-Connecticut, would portray the cardinal together with his *equipe* of intellectuals in which they were identified Jaquier, Thomas La Seur, Boscovich, as well as the grandson Luigi Valenti Gonzaga, to whom he bequeathed his rich library with the only condition of preserving it without dispersing it. He decided to donate the library collection to the Compagnia di Gesù, which later became the Biblioteca Nazionale di Roma [18, 237–270]. In the elegant villa with spectacular gardens also home to the library the cardinal held conversations on painting, sculpture and architecture [10].

Vanvitelli at this time had relations with the team of Gonzaga engaged in the analysis of archaeological findings that emerged numerous in those areas during the work on the new buildings. In “Il Giornale de’ Letterati”, an important scientific journal sponsored

by Gonzaga and founded by Michelangelo Giacomelli and Gaetano Cenni, an article in 1746 states that while the architect was engaged in the renovation of Villa Rufinella, property of the Gesuiti. Important findings were also mentioned by Winckelmann in his *History of the Arts* [12, 51] and Vanvitelli had demonstrated his collaboration “nel delineare quel che per lo scavo appariva, e nel pigliare di tutto le misure” [27, 116]. Both Giacomelli and Cenni were very influential scholars in Roman academic circles, in particular Giacomelli, considered by Raventós to be a personal friend of Winckelmann [12; 150], was consulted on the question of the collapse of Michelangelo’s dome of San Pietro. Their names recur in numerous letters from the volume of Franco Strazzullo of 1976 and they were involved by the architect in the laying of the first stone of Caserta about the phrases to be engraved on the objects [22, 76, 83, 84]. Luigi Vanvitelli was appreciated by the cardinal for his technical skills in the restoration of monuments, those hydraulic-engineering of the territory, and for the scenography skills that were expressed through magnificent installations rich in symbolic meanings including the decorative project realized in San Pietro in 1746 together with colleagues Sintes and Rinaldi [20]. In particular, “[...] nell’anno Santo del 1750 fu prescelto a dirigere gli ornamenti delle tribune di S. Pietro, e l’Illuminazione di quella cupola, che esegui in maniera tutta nuova. Diresse ancora gli apparati di una santificazione, i funerali della Regina d’Inghilterra, ed il trasporto della Pietà di Michelangelo” [21; 25].

Against this background, it is important to note that Vanvitelli, who participated in the cultural debate of his time through the literary salons he frequented and his illustrious knowledge, in 1750 was able to juggle complicated diplomatic dynamics between King Carlo and Valenti Gonzaga, both sensitive to art, history and ancient and both promoters of important transformations of the territory [9, 111–114]. He was able to interpret first the message of prestige and prestige of the Papal States, then that of peace and alliance between the king and the Pope with the setting of the spectacular ceremony for the laying of the first stone of the Caserta palace, and finally that of strength and power of the Kingdom of Naples with the construction of the same, remembered systematically in the stories of those travelers who from the sixties of the eighteenth century went to the territory of Caserta numerous to enjoy its “delights”. In the first pages of the book by Franco Strazzullo in 1976 we learn that Valenti Gonzaga played a fundamental role in the commissioning of the Royal Palace of Caserta [23, 14; 22, 459]. The laying of the first stone, which took place on 20 January 1752, was an event of extraordinary importance for the Bourbon government, giving rise to the ambitious expansionist program of the king in Terra di Lavoro. The voice of the event came to the courts of Europe with an advertising booklet printed a few days after the event already mentioned in 2000 [25] and the subject of an in-depth study of my recent work [17].

References:

1. Ascione I., Cirillo G., Piccinelli G. M. “Alle origini di Minerva Trionfante Caserta e l’utopia di S. Leucio. La costruzione dei siti reali borbonici”.– Salerno, Tipografia Gutenberg S. r.l., 2021.
2. Arisi F. “Gian Paolo Panini 1691–1765”.– Milano: Electa, 1993.
3. David Riccardo A. “Valenti Gonzaga, Silvio” in “Dizionario Biografico degli Italiani”.– 97. 2020.
4. Campigli M., di Majo I., Galli A., Uzzani G. “Alessandro Brogi Canaletto e la vista in I grandi maestri dell’arte”.– Verona: Mondadori, 2007.
5. Caridi G. “Carlo di Borbone in Italia prima di Napoli”, in Cioffi R., Mascigli Migliorini L., Musi A., Rao A. M. “Le vite di Carlo di Borbone, Italia Spagna America”.– Napoli: P.E.P.Napoli srl, 2018.– P. 92–105.

6. “Distinta relazione delle sagre funzioni fatte dalla santità di Nostro Signore Papa Benedetto decimo quarto Nell’aprire la Porta Santa della Basilica di S. Pietro in Vaticano”.– Roma: Stamperia del Chracas presso S. Marco al Corso, 1750.
7. Cioffi R. “Il poliedrico ingegno di Luigi Vanvitelli”, in Amirante G., Cioffi R., Pignatelli G. “Università degli Studi della Campania ‘Luigi Vanvitelli’”.– Napoli: Giannini Editore, 2018.
8. Cioffi R. “La cultura europea del giovane Carlo e il suo gusto artistico”, in Cioffi R., Mascigli Migliorini L., Musi A., Rao A. M., “Le vite di Carlo di Borbone, Italia Spagna America”.– Napoli: Prismi Editrice Politecnica srl. 2018.– P. 106–115.
9. Cormio S. “Il cardinale S. V. Gonzaga promotore e protettore delle scienze e delle belle arti”, in “Bollettino d’arte”,– 6. 1986.– P. 49–66.
10. De Nitto G. “Luigi Vanvitelli. L’uomo, l’artista”.– Caserta: Edizioni Pacifico, 2020.
11. Dupré Raventós X. “Il Settecento a Tusculum: una città da ritrovare” in Palma B. and Dupré Raventós X. “Iluminismo e Ilustración Le antichità e i suoi protagonisti in Spagna e in Italia nel XVIII secolo”.– Roma: 2003.– P. 150–153.
12. Emiliani A. “Leggi, bandi e provvedimenti per la tutela dei beni artistici e culturali negli antichi stati italiani. 1571–1860”.– Bologna: Edizioni, 1996.
13. Emiliani A. “Un grande papa per le arti e la tutela del patrimonio”, in [17],– P. 75–80.
14. “Trattato di accomodamento tra la santa sede, e la corte di Napoli. conchiuso in Roma. Tra i plenipotenziarj della santità di Nostro Signore PP.Benedetto XIV, e della Maestà di Carlo, Infante di Spagna, re delle due Sicilie, di Gerusalemme, &c.” – Napoli: Domenico Lanciano impressore del Palazzo Regale, 1753.
15. Laureati L. and Trezzani L. “Giuliano Briganti. Gaspar Van Wittel”.– Milano: Mondadori Electa, 1996.
16. Misso R. “La posa della prima pietra della reggia di Caserta: nuove acquisizioni”. “Polygraphia#4”. 2022. URL: <https://polygraphia.it/wp-content/uploads/2022/05/08-Misso.pdf>
17. Morselli R. and Vodret R. “Ritratto di una collezione. Pannini e la Galleria del Cardinale Silvio Valenti Gonzaga”.– Milano: Skira, 2005.
18. Nicolini L. “La Reggia di Caserta (1750–1775)”.– Napoli: Laterza, 1911.
19. “Acta canolizationis sanctorum Fidelis a Sigmaringa, Camilli de Lillis, Petri Regalati, Josephi a Leonissa, et Catharine de Ricciis. Una cum apostolicis literis sanctissimi domini nostri Benedicti XIV et Vaticanae Basilicae ornatus descriprione”.– Roma: Nicolaus, et Marcus Palearini, 1749.
20. Rotili M. “Luigi Vanvitelli Jr. Vita di Luigi Vanvitelli”.– Napoli: Società Editrice Napoletana, 1975.
21. Strazzullo F. “I primi anni di Luigi Vanvitelli a Caserta” in “Archivio Storico di Terra di Lavoro”.– III, 1964.– P. 437–491.
22. Strazzullo F. “Le lettere di Luigi Vanvitelli della Biblioteca Palatina di Caserta”. I,– Lecce: Congedo 1976.
23. Todeschi C. Elogio del Cardinale Valenti-Gonzaga.– Roma, Dalle stampe del Salomoni, 1776.
24. Venturi F. “Settecento Riformatore. Da Muratori a Beccaria”.– Torino: Einaudi, 1969.
25. Watanabe-O’Kelly H. and A. Viguié-Simon. “Festival and Ceremonies: a bibliography of works Relating to court, Civic and Religious Festivals in Europe 1500–1800”.– New York: Mansell, 2000.
26. Zuzzeri L. G. “D’una antica Villa scoperta sul dosso del Tuscolo...in “Il Giornale de’ letterati...” Articolo XIV, 1746.– P. 115–136.

Section 3. History and archaeology

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-22-5-13-16>

*Abdukayumov A. R.,
Associate Professor,
of Termiz State University,
Doctor of Philosophy of History
Termiz, Uzbekistan*

ENEOLITHIC AND BRONZE AGE IN CENTRAL ASIA: HISTORIOGRAPHIC APPROACHES

Abstract. In this article was analyzed the historiographical approaches to the studies of the “Oxus Civilization”. The historiography is generalized, and the following tasks are formulated to identify the theoretical aspects of the history of the peoples of Central Asia in the Eneolithic and Bronze Ages.

Keywords: BMAC, Oxus sivilization, hypothesis, yearly farming, cattle breeding.

Central Asia is the common motherland of brotherly peoples who have historically formed in the region since ancient times. Therefore, the events and processes that took place in the region in different periods of history have common roots in the history of these brotherly peoples. At a time when international political relations have become contradictory, approaching the history of fraternal nations from this point of view is a necessary condition for ensuring the stability of inter-ethnic harmony and solidarity.

The Eneolithic and the Bronze Age are important in the daily life of the inhabitants of the Central Asian region, as the production farms formed at the last stage of the Neolithic period – the periods of widespread farming and animal husbandry. According to geological research, in the X millennium B.C. the natural climate warming process (In geological studies this process is called the deglaciation process. According to the research in the XVIII millennium B.C.

global warming and ice retreat that began in the millennium BC. XII accelerated in the millennium BC. X and a sharp warming process occurred in the millennium. Scientific studies show that this process is still ongoing) [1] created the basis for the emergence and widespread of the first production economic types – agriculture and animal husbandry, first in the Fertile Crescent (Western Asia and Western Iran), and later in the neighboring regions. According to archaeological, paleobotanical and genetic studies, the first ancestors of goats and sheep were tamed and domesticated in the Fertile Crescent settlements. The descendants of the same goats are remains from the settlement of Djeytun, the first Neolithic settlement of the region, as well as from the settlements belonging to the early civilizations of Europe and the Ancient East [2; p.124]. In addition, the first spiked plant – wheat was cultivated by mankind in the Fertile Crescent [3; p. 1862], after that, the cultivation of wheat became widespread in neighboring and

distant regions. It should be noted that the Fertile Crescent is the first domesticated area of only goats and sheep, and in wheat farming.

According to studies, agriculture discovered in the Neolithic era was mainly based on the protection of wild thorny plants from animals, as well as on the content in order to prevent their grains from spilling out before ripening due to lack of water, that is, on irrigation by transporting water. Traces of irrigation during the transport of crops of wild plants are first observed in the Kadan culture in southern Egypt. At the same time, the preparation of nutritious and varied food was mastered by harvesting and drying grain, its long-term storage for long periods without harvest-for winter.

Thus the first agricultural crop of a very simple type is formed. Thus, the first established agriculture consisted in the sowing of cereal grains, separated as seeds by communities, in relatively naturally irrigated and cultivated fields cultivated with stone tools, creating conditions for the ripening of the crop by irrigation based on the transport of water. when the possibilities of natural irrigation are limited.

Long-term studies of the Russian geneticist N. I. Vavilov, carried out in the first half of the 20th century, related to the cultivation of cereals, showed that the process of cultivation of various wild plants proceeded independently in different regions of the world, starting from the Neolithic era. Thanks to the research of N. Vavilov, who organized more than 180 scientific expeditions related to the history of growing plants in different regions of the world, the territory of the Central Asian region was also recognized as a place for growing plants [4]. So early agriculture is widespread in the southern regions of Central Asia under the influence of the Jaitun culture of the late Neolithic, especially the Eneolithic and Bronze Age.

Since the last quarter of the 20th century, many historical settlements related to the development of production farms have been found and studied in the southern regions of the region, and new spaces of such settlements have been discovered during archaeolog-

ical excavations carried out in recent years. The Dashli, Sopolli, Sarazm cultures based on these settlements fall into the sentence of the early farming cultures in the south of the region. Obviously, these settlements were “assimilated” by the inhabitants of the region during the Eneolithic and Bronze Ages, indicating an increase in the importance of Agriculture and livestock in the population’s life. However, the analysis of specific stages of social development in the area where these settlements were formed, or rather, the analysis of historical approaches to these settlements (cultures), is of great theoretical importance.

Archaeological studies of the early agricultural settlements of the Eneolithic and Bronze Ages in the southern regions of Central Asia began in the last quarter of the 19th century. As a result of excavations carried out until the 80s of the XX century, a large number of early agricultural settlements in the regions of modern Turkmenistan, southern Uzbekistan, southwestern Tajikistan and northern Afghanistan were identified and brought to the attention of the scientific community. The historiographical analysis of these studies is summarized in the dissertation of A. Bakiyev [5; p. 5–8]. In the course of careful analyzes, the researcher points out that the scientific and theoretical conclusions made about the settlements of the Eneolithic-Bronze Age in the region took place in the following three stages:

The first stage is research conducted in the late 19th – 70s of the 20th century. This stage is characterized by the discovery and localization of large monuments in the region. Since the 60s of the 20th century, the Nomozgoh, Sopollin and steppe cultures of the Bronze Age have been studied in the southern regions of Central Asia. Based on the stratigraphy of the monuments of the region and the analysis of architectural traditions, the classification of graves, objects of material culture and anthropological findings, scientific and theoretical conclusions about the formation of the first agricultural culture in the region arose.

The second stage began in the second half of the 70s of the XX century, based on the general mani-

festations of artifacts found in the archaeologically studied settlements in the southern territory of the region, as well as the culture of the inhabitants of the settlements, and taking into account the most ancient historical names of these territories, mentioned in the first sources as Avesta and Behistun inscriptions. In this regard, scientific and theoretical conclusions were made that these settlements should be recognized as a single Bactrian-Margian archaeological complex (BMAC). In 1976, the archaeologist V.I. Sarianidi for the first time generalized these cultures under the name BMAK and this term was accepted by most researchers [6; p. 5–8].

The third stage is scientific and theoretical conclusions based on research that began in the mid-90s of the 20th century and is ongoing. In these studies, scientific and theoretical conclusions were introduced into scientific circulation about the formation of a new center of civilization in the Bronze Age on the basis of the BMAC monuments on the basis of the first production facilities in the south of the Central Asian region. In scientific literature, this center of civilization was called different: the civilization of Oxus, Turan, Central Asia, Southern Uzbekistan, Bactria, Oxus-Amu Darya, Margiyana, Amu Darya and Great Khorasan. It should be noted that even today, systematic research is being carried out to study the specific characteristics of this center of civilization and the laws of its formation.

If we pay attention to the dynamics of research, which began in the last decade of the 19th century and continues today, mainly based on the conclusions of archaeological excavations, the following picture of the attempt to restore historical processes is formed:

1. In the southern regions of Central Asia, settlements formed on the basis of early agriculture and cattle breeding in the Eneolithic and Bronze Ages were considered settlements consisting of permanent settlements of communities (conclusions of the first stage).

2. Settlements formed on the basis of early agriculture and cattle breeding, located in certain agricultural oases, united in a unique structure – a city-

state, concentrated in the social and cultural spheres (conclusions of the second stage).

3. The city-states that were formed on the basis of early agriculture and cattle breeding formed a politically unified, centralized large state (or country) – the Oxus civilization (conclusions of the third stage).

In our opinion, a number of shortcomings are evident in the full substantiation of these conclusions. And these shortcomings can be seen in the following:

Firstly, these scientific and theoretical approaches were based only on the hypotheses of archaeological excavations in general, as well as on the analysis of discovered artifacts, since written sources on the history of the Eneolithic and Bronze Age in the south of the region, unfortunately, have not survived to this day or have not been compiled at all.

Secondly, the fact that the irrigation facilities necessary for agriculture, which form the economic basis of these monuments, have not yet been discovered (in fact, the first agriculture took place at the expense of natural irrigated areas). And this indicates that there is still a lot of research to be done to clarify the existence of the economic foundations of the “Oxus Civilization”.

Thirdly, the fact that no traces of large workshops or handicraft quarters, reflecting a specialized handicraft economy, have yet been found in these monuments indicates that the “Oxus Civilization” was a “unique” civilization that was formed only on the basis of early agriculture and cattle breeding.

Fourthly, the failure to find urban structures (for example, a palace) or a full-fledged city during the excavation of these monuments gives grounds to draw conclusions about the existence of the “Oxus Civilization” without any cities.

Fifth, during the excavations carried out in these settlements, there are no artifacts reflecting the processes of political governance (the name of the ruler, the name of the reigning dynasty, at least the seal of dynasties, which is considered a bright sign). This indicates that a decentralized civilization existed on the territory of the BMAC.

These conclusions put on the agenda the need to revise the scientific and theoretical conclusions about the daily life of members of the community of settlements, formed on the basis of early agriculture

and cattle breeding in the south of the region in the Eneolithic and Bronze Ages, based on systematic analyzes of historiographic research.

References:

1. André Marie-Françoise. Holocene Rockwall Retreat in Svalbard: A Triple-Rate Evolution. *Earth Surface Processes and Landforms*. – 22 (5): 1997-05-01. – P. 423–440. Doi:10.1002/(SICI)1096–9837.
2. Maisels C. K. *The Near East: Archaeology in the “Cradle of Civilization”*. – Routledge, 1999.
3. Dubcovsky J. and Dvorak J. Genome Plasticity a Key Factor in the Success of Polyploid Wheat Under Domestication // *Science*. – 316. [Issue 5833]. – 29, June, 2007. – 1862 p.
4. Вавилов Н. И. Центры происхождения культурных растений. – Ленинград, 1926; Мирзоян Э. Н. Николай Иванович Вавилов и его учение. – М.: Наука, 2007. – 178 с.
5. Бакиев А. А. Социальный характер цивилизации Окса. Автореф. дисс. на соис.уч.ст. докт. филос. – Термез, 2021.
6. Сарияниди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. – М., 2001.

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-22-5-17-30>

*Aghayev Yusif Shukur,
military historian from Azerbaijan*

STRATEGY OF THE NOMADIC WORLD OF THE EURASIAN PLAINS (FROM ANTIC TIMES TO THE LATE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIMES)

Abstract. The article is devoted to the study of the strategy of nomads inhabiting the Eurasian plains for millennia, namely, raids and invasions carried out by nomads against neighboring tribes and people. Mainly, the offensive and defensive strategies of nomads are studied.

Keywords: strategy, offense, defense, raids, invasions, nomads, tribes, clashes, skirmishes, conflicts, Eurasian plains, Great Steppe, steppes.

*Агаев Юсиф Шукур оглы,
военный историк из Азербайджана*

СТРАТЕГИЯ КОЧЕВОГО МИРА ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ (С АНТИЧНЫХ ВРЕМЕН ДО ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ)

Аннотация. Статья посвящается исследованию стратегии кочевников, населяющих Евразийскую степь на протяжении тысячелетий, а именно, набегам и нашествиям, совершаемыми кочевниками в отношении соседних племен и народом. Исследуются основные виды стратегических действий номадов – наступление и оборона кочевников.

Ключевые слова: стратегия, наступление, оборона, набег, нашествия, кочевники-номады, Евразийская степь, Великая степь, степи.

«Стратегия эпохи феодализма, так же, как и в предшествующую эпоху, решала задачи строительства вооруженных сил, определяла цели и виды военных действий, состав войск и районы их сбора, пути и способы движения к намеченным объектам, направление сосредоточения основных усилий в войне, вопросы взаимодействия армии и флота... Основными видами стратегических действий остались наступление и оборона» [1, 19]. Такая классическая формула определения стратегии в академиях Вооруженных Сил многих современных стран. Она характерна для государств оседлых народов периода античности и феодализма. В этой статье попытаемся обозначить и проана-

лизировать основные направления стратегии, общие для многих кочевых племен, населяющих на протяжении многих столетий и тысячелетий пространство от берегов Тихого океана до Восточной Европы, называемого Евразийской степью или Великой степью. Какова же была военная стратегия степных народов, населяющих Евразийские степи на протяжении столетий и тысячелетий? К сожалению, до наших дней дошли лишь отрывочные сведения и записи летописцев из числа оседлых народов, соседствующих с номадами. И чаще всего, эти сведения были неблагоприятного характера о соседях-кочевниках, так как эти оседлые народы подвергались частым нападениям

со стороны своих соседей-номадов. А сами степные народы оставили после себя отдельные письменные памятники, такие как Орхонский и Онгинский, немногочисленные устные легенды и сказания и множество материальных ценностей, в том числе и оружия, которые археологи находят в результате многочисленных раскопок захоронений степняков.

Согласно определению немецкого военного теоретика XIX века Карла фон Клаузевица «тактика есть учение об использовании вооруженных сил в бою, стратегия – учение об использовании боев в целях войны» [2, 67]. Что же тогда такое война? «Война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника вытолнить вашу волю... Война есть не что иное, как расширенное единоборство», – пишет Карл фон Клаузевиц [2, 13]. Так вот война была перманентным состоянием кочевых племен. Древнекитайский летописец II в до н.э. Сыма Цянь в своей рукописи «Ши цзы» («Исторические записки») так описывал хунну: «Хунну (сюнну) открыто считают войну своим занятием» [3, 34]. Римский историк, живший на рубеже I–II вв.н.э., Луций Аней Флор так характеризовал поведение сарматов: «У них нет ничего, кроме снегов, изморосей и лесов. Такое варварство, что они даже не думают о мире» [4, 88]. Римский историк IV века Аммиан Марцеллин в своём труде «Римская история» так описывал гуннов: «Этот подвижный и неукротимый народ, воспламенённый дикой жаждой грабежа, двигаясь вперед среди грабежей и убийств, дошел до земли аланов, древних массагетов» [5, 539]. Арабский историк первой половины IX века Абу Усман Амр ибн Бахр ал-Джахиз в своей рукописи «О достоинствах тюрков и остального халифского войска» так описывал тюрков: «Тюрки также являются кочевниками и направляют все свои усилия лишь только на завоевания, набеги, искусство верховой езды, единоборство богатырей, добычу трофеев и покорение земель» [6, 93]. В X веке император Византийской империи Константин Багрянород-

ный в своем трактате «Об управлении империей» так описывает печенегов: «[Знай], что пачинакиты (печенеги) стали соседними и сопредельными также росам, и частенько, когда у них нет мира друг с другом, они грабят Россию, наносят ей значительный вред и причиняют ущерб» [7, 37]. Китайский путешественник XIII века Чжао Хун в своём трактате «Мэн-да бей-лу» так описывал татар: «Татары рождаются и вырастают в седле и на лошади; они сами собой учатся сражаться, потому что вся их жизнь круглый год проводится на охоте» [8, 620]. Как видим, на протяжении тысячелетий жизненная философия населяющих Великую степь кочевых племен практически не менялась. Кочевые племена параллельно с занятием отгонным скотоводством вели постоянные войны между собой и с соседними оседлыми народами из-за скота и добычи либо за обладание новыми пастбищными территориями. Между различными кочевыми племенами войны возникали как из-за добычи, так и из-за старой вражды, основанной на кровной мести, стремлении отомстить за обиду. «Иной раз, будучи чем-нибудь обижены, они вступают в битву», – писал Аммиан Марцеллин о гуннах [5, 539]. И когда побеждало более сильное племя, оно либо истребляло побежденных, либо присоединяло оставшихся в живых к себе, тем самым ассимилируя их. Так, согласно древнекитайским летописям, шаньюй хунну Моде (Маодунь) отдал по требованию правителя кочевого племени дунху своего любимого коня и свою любимую жену, пояснив на военном совете своего племени, что нового коня и новую жену можно найти, и из-за этого не стоит развязывать войну, хотя и то и другое составляли честь мужчины-воина. И когда в очередной раз вождь племени дунху потребовал часть земли, на которых кочевали хунну, шаньюй Моде на военном совете приказал всему племени садиться на коней и идти вместе с ним на войну против дунху, пояснив, что земля племени хунну не может быть подарком для кого-либо, и кто был не согласен с ним – тут же отруб-

ли ему голову. В результате внезапного нападения шаньюй Моде разгромил дунху наголову, убил их правителя, взял в плен людей из народа дунху и захватил принадлежащий им домашний скот [3, 39].

Предлогом для похода кок-тюрок в 551 году под командованием Бумын-кагана против кочевников-жужаней послужил оскорбительный отказ жужаньского кагана Анахуаня породниться с правящим домом Ашина, к которому принадлежал правитель кок-тюрок. В результате начавшейся войны жужани были разгромлены и в большей части физически истреблены. Оставшиеся в живых жужани были взяты в плен [9, 394].

То же самое происходило в тоже время на другом конце Евразийской степи – на западе. Согласно древнегреческим и ассирийским источникам, скифы, победившие киммерийцев, заселили их территории в Северном Причерноморье на западном берегу Азовского моря в IX–VI вв. до н.э. [10, 19]. Согласно рукописям древнегреческого историка I в. до н.э. Диодора Сицилийского сарматы, в свою очередь, истребили скифов, забрав в плен женщин и детей, угнав скот и завладев их землями [4, 89]. Император Византийской империи Константин Багрянородный в своем трактате описывает как огузы отвоевали у печенегов их земли вокруг реки Волга, оставшиеся в живых печенеги либо откочевали далее на запад в Причерноморские степи, либо присоединились к огузским племенам [7, 155–157].

С оседлыми народами все было проще. Войны с ними кочевники вели чаще всего из-за добычи. Угнанных в полон чаще всего брали не для обращения в домашних рабов, а для выкупа или обмена. Так описывает это в своей рукописи Анна Комнина о войнах своего отца императора Византийской империи Алексея Комнина в XI веке: «Между тем, скифские (в данном случае печенежские и огузские) военачальники решили умертвить захваченных пленных, однако народ не позволил им этого сделать, так как желал продать пленных за деньги. Когда такое постановление было принято,

Мелиссин письмом известил о нем императора» [11, 213].

Самым простым видом наступательной операции кочевников был набег. «При разработке стратегии наступления в масштабах театра военных действий приходится выбирать между наступлением широким фронтом, которое может позволить себе только очень сильный, и наступлением на узком участке, дающим возможность победить даже слабому, если он сосредоточит свои силы», – считает американский исследователь Эдвард Люттвак [12, 189]. Набег был наступлением на узком участке, где номады сосредотачивали свои основные силы. Набеги различались по длительности, расстоянию и составу участников. Характерно, что Аммиан Марцеллин в своей рукописи подчеркивает роль набегов как способа ведения войны сарматами: «У этих племен (сарматов и квадов) больше сноровки для разбоя, чем для открытой войны» [5, 129].

Набеги имели целью не столько физическое уничтожение противника, сколько захват добычи и демонстрацию военной мощи с целью последующего установления даннических отношений. Лучше всего это положение отражено в диалоге советника шаньюя хунну Чжунхан Юэ с ханьским послом: «Ханьский посол, не говори лишнего, заботься лучше о том, чтобы шелковые ткани, шелковая вата, рис и солод, которые ханьцы посылают хунну (сюнну), были в достаточном количестве и непременно лучшего качества. К чему болтать? Если поставляемого будет в достатке и лучшего качества, то на этом все кончится, но при нехватке или скверном качестве, осенью, когда созреет урожай, мы вытопчем ваши хлеба конницей» [3, 47]. Как видим, это диалог далеко неравноправных сторон и угроза совершения очередного набега в случае неисполнения либо несвоевременного и некачественного исполнения даннических обязанностей.

Идеологическим обоснованием такого «права войны» служили оформившиеся в среде кочевников взгляды на вооруженный грабеж как

престижное и почетное дело. Как писал арабский историк Абу Усман Амр ибн Бахр ал-Джахиз: «Тюрк предпочитает довольствоваться тем малым, что достается ему силой, чем получить целое царство из милости. Тюрку кусок не идет в горло, если пища добыта не на охоте или в набеге» [6, 86]. Герой Онгинской надписи, состоявший в войске кок-тюрок, так описывает набег (поход), совершенный в 720 году: «Я достиг города Камыла (Хами), там остановился, взял добычу; их (китайцев) войско пришло. Я рассеял всех их людей (пленил их). Их бег бежал. Китайцев я разбил, разгромил, уничтожил, рассеял» [9, 415].

Основной целью набега, как сказано выше, был грабёж местности и населения. И если сарматы, по мнению А. К. Нефедкина, при совершении набега на чужую территорию рассыпались на мелкие группы и действовали на широком фронте, т.е. совершали нападения на поселки и людей, а при приближении армии противника отходили к основному отряду, где находился предводитель, и, создав боевой порядок, готовились к битве [4, 92–94]. Половцы же единой ордой сначала быстрым набегом проникали в глубь страны, а затем, развернувшись назад в степь, грабили, угоняли и захватывали добычу, которая попадалась им на обратном пути [4, 92]. Монголы же отправляли вперед передовых «застрельщиков», функция которых проводить «фронтную» разведку и при этом никого и ничего не грабить. За ними шло основное войско, которое забирало все, что попадалось ей на пути [13, 45].

Поскольку главной целью набегов был захват добычи, после которого кочевники возвращались в свои степи, то от них, т.е. набегов, государства оседлых народов порой откупались. Так, египетский фараон Псамметих I в 625 году до н.э. «дарами и просьбами» откупился от скифов, совершивших поход на Египет [10, 49]. Или же после битвы под Пинчэнем в 201 году до н.э. император Китая Гао-ди откупился от шаньюя хунну Моде (Маодунь), выплатив последнему всевозможные

подарки и подношения [3, 42]. После разгрома китайских войск кок-тюрокками в 721 году император империи Тан Сюань-цзун сразу же принял мирные предложения правителя кок-тюрок Бильге-кагана, выплатив ему большую дань и всевозможные дары [9, 415]. После получения даров набег на какое-то время прекращались. По прошествию определенного промежутка времени, когда добыча заканчивалась, кочевники вновь совершали свои набег.

Помимо захвата добычи набег также повышали военное мастерство кочевников, были своеобразной школой для молодых воинов, проявлением их воинской доблести. Диалог героев огузского эпоса XI–XII веков «Китаби Деде Горгуд» тому подтверждение: «(Молодой воин) Экрек спросил: «Ответь мне, Терс Узамыш, разве головы рубить, кровь проливать – это доблесть?» Тот ответил: «Да, доблесть» [14, 111].

Организация набегов была разнообразной. Набег велся как небольшими группами добровольцев-смельчаков, так и многочисленными вооруженными отрядами племени, а порой и целой армией кочевников. Успех такой операции достигался внезапностью, высокой мобильностью и слаженностью войск, наряду со строжайшей дисциплиной.

Так войску хунну удавалось совершать глубокие и длительные рейды вглубь китайского государства, нанося противнику невосполнимый урон при минимальных потерях своих воинов: «На 14-м году правления ханьского императора Сяо-вэня (166 году до н.э.) сто сорок тысяч всадников хуннского (сюннского) шаньюя вторглись в уезд Чжаона и за заставу Сяогуань, убили воеводу округа Бейди по имени Ан, захватили великое множество народа и скота, затем подошли к Пенъяну. Отсюда они выслали летучий отряд, который захватил и сжег дворец Хуйчжун... Шаньюю, пробыв в ханьских землях более месяца, двинулся назад. Ханьские войска преследовали его, пока он не ушел за границу, затем возвратились обратно, никого не убив» [3, 47].

Как было сказано выше, успех набега достигался внезапностью и высокой мобильностью кочевников, слаженностью и строжайшей дисциплиной в войсках. Внезапность – это половина успеха на войне. Так, шаньюй хунну Моде (Маодунь), усилив бдительность правителя кочевого племени дунху, отдав ему по его требованию своего лучшего коня и свою любимую жену, внезапно напал на него и наголову разбил последнего: «Маодунь сел на коня, приказал рубить голову каждому в государстве, кто опоздает явиться, двинулся на восток и внезапно напал на дунху. Дунху, пренебрегавшие до сих пор Маодунем, не принимали мер предосторожности. Поэтому, когда Маодунь во главе войск совершил нападение, он разгромил дунху наголову, убил их правителя, взял в плен людей из народа и захватил принадлежавший ему домашний скот» [3, 39].

Либо описание внезапных набегов сарматов Аммианом Марцеллином: «Квады с сарматами, племена, отличавшиеся особой умелостью в деле грабежей и разбоев, распространяя все шире и шире круг своих набегов, уводили в плен мужчин и женщин, угоняли скот, злобно радуясь грудам пепла от сожжённых селений, страданиям убитых жителей, и без всякой пощады избивали последних, нападая на них врасплох» [5, 504].

Кроме того, успех в набеге достигался высокой мобильностью номадов. С точки зрения стратегического уровня театра военных действий географические расстояния, которые либо осложняются за счет естественных препятствий, отсутствия необходимых припасов (начиная с воды), либо, напротив, сокращаются за счет хороших дорог и мостов, а также достаточного количества припасов по пути следования, создают стратегическую глубину, защищающую тех, кто подвергся вторжению, – в той мере, в какой эта глубина не преодолевается благодаря мобильности людей, телег и грузовых повозок считает американский исследователь Эдвард Люттвак [15, 54]. Высокая мобильность кочевников по преодолению географических расстояний в ходе военных опера-

ций достигалась в том числе и тем, что номады собирались в поход на нескольких лошадях, т.е. имели запасных (так называемых заводных) лошадей. «Они (т.е. сарматы) проезжают огромные пространства, когда преследуют неприятеля или бегут сами, сидя на быстрых и послушных конях, и каждый ведет ещё на поводу запасную лошадь, а иногда и две, чтобы, пересаживаясь с одной на другую, сохранить силы коней и, давая отдых, восстановить их бодрость», – писал Аммиан Марцеллин [5, 129].

Или как описывал китайский путешественник Чжао Хун: «У каждого человека (т.е. татар), по выступлению в поход, имеется несколько лошадей, на которых он скачет поочередно, по одному дню; поэтому лошади не изнуряются и не гибнут» [8, 621].

Согласно исследованиям Эдварда Люттвака, вьючные мулы и лошади могут двигаться со средней скоростью около 3,5 мили, т.е. 5,2 км/ч, если они идут очень правильными колоннами по легкопроходимой местности. Но вьючная лошадь или мул в состоянии нести груз лишь в 152 фунта, т.е. в 69 кг, а один вол, запряженный в повозку, может везти 400 фунтов (181 кг); в повозку же, запряженную четверкой волов, можно загрузить 1 тонну (короткую), равную 2000 фунтов (907 кг). Десять таких повозок могли заменить собою 130 вьючных лошадей. Однако волю передвигаются значительно медленнее, их максимальная скорость при лучших условиях составляет 2,5 мили (4 км) в час, и они не пройдут за день более 20 миль (32 км), т.к. им нужно минимум 8 часов пастись и ещё 8 часов, чтобы пережёвывать жвачку и отдыхать. Поэтому экспедиционные силы Византийской империи, например, едва ли могли преодолеть более 15 миль (24 км) в день по ровной местности. Гунны же обладали значительно большим преимуществом в подвижности сравнительно со своими более оседлыми противниками. Хотя у них тоже были повозки на конном ходу для своих семей и пожитков, их военные силы, как и военные силы других степных культур, основанных на коневодстве,

даже на значительных пространствах передвигались со скоростью верховой лошади, а не телег или повозок, т.е. до 50 миль (80 км) в день при благоприятных условиях. Гунны ходили на своих премирников-степняков, что подтверждается многими свидетельствами, и они тоже ездили с огромными табунами в отличие от обычных конников, располагающих единственным конем (в лучшем случае ещё одним, запасным). Часто меняя лошадей задолго до того, как те успеют устать, распределяя поклажу легкими порциями на нескольких лошадях, а то и на дюжину или даже больше, всегда оставляя ещё предположительно двух запасных лошадей без всякого груза, многочисленные орды гуннов могли двигаться по удобопроходимой местности со скоростью в тридцать, сорок, а то и пятьдесят миль в день в течение нескольких дней подряд. Вследствие этого их преимущества на уровне стратегии театра военных действий были огромны. Гунны могли добраться до отдаленной точки, стремительно атаковать, чтобы разбить силы противника или произвести грабеж, и отступить, не опасаясь реакции противника, какой бы она ни была. Такова вполне обычная тактика любого рейда. Конные войска гуннов и других конных лучников-степняков обладали преимуществом в скорости 2 к 1, поскольку в них на одного человека приходилось несколько лошадей; поэтому они могли совершать рейд целыми армиями и достигать соответствующих результатов, причем не только в количественном, но и в качественном смысле; рейд мог обернуться чем-то совершенно иным: не набегом, а настоящим вторжением. Количество могло перейти в качество, потому что преимущество в скорости было столь велико, что могло перевесить все недостатки на более низком уровне: как тактическом, так и оперативном, считает Эдвард Люттвак [15, 54–58].

Не совсем согласен с Эдвардом Люттваком. Во-первых, исходя из записей средневековых путешественников, передвижение войск государств оседлых народов на повозках, запряженных во-

лами, в весенне-летний период происходило весь световой день. А вечером волаи распрягались, и они отдыхали и питались до следующего утра. Так, по воспоминаниям Гильома де Рубрука, путь от Кёльна до Константинополя на повозках занимал сорок дней: «Если бы воинство Церкви пожелало бы пойти к Святой Земле, то было бы очень легко или покорить все эти земли или пройти через них... От Кёльна до Константинополя только сорок дней пути на повозках» [13, 172]. Видимо речь идет о подготовке к очередному крестовому походу на Святую Землю. Расстояние между вышеназванными городами составляет приблизительно 2462 км. И чтобы преодолеть это расстояние за сорок дней со скоростью 4 км/ч, необходимо каждый день находиться в пути не менее 15–16 часов, а то и более. То есть на отдых и пропитание как волов, так и путешественников, оставалось не более 8–9 часов. Таким образом, о передвижении на повозках, запряженных волами, только за 8 часов в день, как утверждает Эдвард Люттвак, не может быть и речи.

Во-вторых, согласно легенде о царице сарматов Амаге, о которой упоминает в своей рукописи «Стратегемы» древнегреческий писатель II века Полиэн, последняя послала скифам приказ воздержаться от нападений на Херсонес, и когда скифы не вняли её предупреждению, она, отобрав 120 наиболее выносливых воинов и дав каждому из них по три коня, пошла с ними в поход. Всадники Амаги проскакали с царицей за сутки 1200 стадий и внезапно оказались перед дворцом скифского царя [43, 284–285]. По мнению Л. В. Фирсова, с которым соглашается и А. В. Симоненко, стадий, которым пользовался Полиэн, равен 155–160 м. [16, 40]. Следовательно, за сутки отряд Амаги проскакал около 190 км. Согласно многим средневековым источникам монголы на своих невзрачных, но достаточно выносливых конях могли проходить в сутки более 100 км, а по некоторым данным начала XIX века (по утверждению Д. А. Милютина) северокавказские абреки преодолевали расстояние до 160 км: «конь доводится

до того, что может в летний день вынести пробег до 150 верст, причем горцы пускаются в путь о двух конях», т.е. с запасным конем [17, 195–196].

Согласно древнетюркским руническим памятникам, войско кок-тюрков под командованием Бильге-кагана зимой 720/721 г. совершило маршбросок от города Бешбалыка до города Ланьчжоу через пустыню Гоби: «Я (Бильге-каган) прошел с войском, увязая в грязи, через (реку) Кёк-онг. Семь дней (я шел) днем и ночью и пересек огромную пустыню. Я пришел на солончаковые земли. Так как добыча (выкуп) (я достиг) Кечина (Ланьчжоу)» [9, 415]. Если в тексте говорится о конном переходе, а войско кок-тюрков целиком состояло из конницы, за семь суток из Бешбалыка до Ланьчжоу, то расстояние между ними, а именно, между современным уездом Джимсар Синьцзян-Уйгурского автономного района, где находятся развалины города Бешбалык, и городом Ланьчжоу провинции Ганьсу Китая составляет около 1767 км. Выходит, в сутки конное войско кок-тюрков проходило более 252 км, что маловероятно. Если же в тексте имеется в виду проход за семь суток только части пути через пустыню Гоби, то ширина пустыни на этом участке маршрута составляет около 800 км и отсюда следует, что в сутки они проходили более 114 км. Все же думается, что за семь суток кок-тюрки пересекли лишь пустыню Гоби.

Таким образом, скорость передвижения кочевников на своих конях всё же выше, чем рассчитал Эдвард Люттвак. Надо полагать, средняя скорость передвижения конной орды кочевников в течение нескольких дней без остановки (при этом постараться не загнать лошадей) более 100 км в сутки.

Другим важным качеством мобильности кочевников была их выносливость и неприхотливость в еде и воде. Описание Аммианом Марцеллином привычек гуннов, связанных с едой: «Они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней

под свои бедра и дают ему немного попреть... Они кочуют по горам и лесам, с колыбели приучены переносить холод, голод и жажду» [5, 538]. Во время походов и перекочевок сарматы довольствовались весьма скромным рационом. Как писал Николай Дамасский: «Савроматы через три дня едят досыта» [4, 105]. В конце XIV века баварский солдат, некий Ганс Шильтбергер, сообщил, что татары Золотой Орды во время быстрых переходов «брали сырое мясо, резали на тонкие кусочки, заворачивали в ткань, укладывали под седла и ехали на них. Проголодавшись, они съедали это мясо» [18, 32]. «Они (т.е. татары) также довольно выносливы, поэтому, голодая один день или два и вовсе ничего не вкушая, они не выражают какого-нибудь нетерпения... Во время верховой езды они сносят великую стужу, иногда также терпят и чрезмерный зной», – писал Плато Карпини о татарах [13, 30].

Следующим важным фактором мобильности кочевников были их лошади. «Лошади (скифов) легко переносят такие суровые зимы, тогда как мулы и ослы их вовсе не выдерживают», – писал Геродот о скифских лошадях [19, 244]. Кони сарматов были приучены переносить голод и жажду также, как и их хозяева [4, 105]. В классификации разных пород по их пригодности к войне римский историк Публий Флавий Вегеций Ренат, живший на рубеже IV–V веков, отдает гуннской лошади первое место из-за ее терпения, настойчивости и способности долго переносить холод и голод. Согласно описанию Вегеция, гуннские лошади имеют большие крючковатые головы, глаза на выкате, узкие ноздри, широкие челюсти, сильные и жесткие шеи, гривы, свисающие до колен, слишком крупные ребра, изогнутые спины, густые хвосты, очень крепкие берцовые кости, маленькие бабки, широкий размах копыт, вогнутую поясницу. Их тела угловаты, без жира на крестце и мускулов на спине, они, скорее, длинные, чем высокие, животы втянутые, кости крупные. В заключение Вегеций добавляет, что они спокойны, разумны и хорошо выносят раны: «Выносливые

создания, привычные к холоду и морозу, лошади варваров (т.е. гуннов) не нуждаются ни в конюшнях, ни в медицинской помощи» [15, 242].

В войне между Сасанидским Ираном и Византийской империей, пришедшая на помощь императору Ираклию конница его союзников – кок-тюрок в 627–628 годах была на тюркских лошадях. В то время как лошадей Византийской и Сасанидской конницы нужно было кормить фуражом, по крайней мере, зимой, тюркские лошади могли выжить почти в любой местности, где была хоть какая-нибудь растительность, так как могла добывать себе прокорм даже под тонким слоем покрытого настом снега, типичного для ветреной зимней степи. И это было сильным преимуществом над конницей противника считает Эдвард Люттвак [15, 569].

«Если мы поведем в Татарию тех лошадей, которые у нас были, то они все могут умереть, так как лежали глубокие снега, и они не умели добывать копытами траву под снегом, подобно лошадям Татар, а найти им для еды что-нибудь другое нельзя, потому что у Татар нет ни соломы, ни сена, ни корма» – писал итальянский путешественник Платано Карпини о татарских лошадях [13, 59].

«Качества лошади превосходны: весь день она обходится без пищи, и только ночью пускают ее пастись в поле, не разбирая, попало ли место, покрытое зеленью или с высохшей (растительностью); на рассвете (снова) седлают» – писал китайский путешественник Чжао Хун о монгольских лошадях [8, 621].

Таким образом, выносливость и неприхотливость как всадников, так и лошадей кочевников в сравнении с конницей оседлых народов позволяланомадам достигать высокой мобильности в походах и набегах.

Тактическая сила – это краеугольный камень военного искусства, но исход сражений решается на более высоком, оперативном уровне стратегии, где взаимодействуют друг с другом все силы с обеих сторон и когда сугубо тактические

достижения могут оказаться малозначительными. Последнее относится к тактическому превосходству кочевников: оно повышалось на оперативном уровне благодаря их быстрым манёврам, на которые они были способны в силу своей мобильности, значительно превышающей мобильность тогдашней обученной конницы, считает Эдвард Люттвак [15, 50]. А это достигалось, в том числе, и особым искусством верховой езды, которым обладали кочевники. Аммиан Марцеллин писал о гуннах: «Они словно приросли к своим коням» [5, 539]. Аналогичную мысль развивает галло-римский писатель V века Сидоний Аполлинарий:

«Только дитя, от груди отлучённое, на ноги встанет –

Тут же на спину его буланому! После не скажешь,
Где человек, а где конь: как будто прирос к во-
роному

Всадник. Иные верхом на лошади ездят народы,
Этот – живёт» [15, 51].

Сидоний вполне точно описывает искусство верховой езды степняков, таких как у центрально-азиатских кочевников, которыми мы можем восхищаться и сегодня. В целом они порождены культурой, в центре которой стоял конь, и той практикой, о которой повествует Сидоний: дети начинают ездить верхом, едва научившись ходить, задолго до того, как они смогут сами вскарабкаться на своих низкорослых лошадок.

Для боя важнее всего то, что единство всадника и коня даёт им возможность скакать во время рукопашной схватки, как они делают при преследовании необъезженных лошадей, которых ловят укрюком либо арканом. Всадники и кони настолько доверяют друг другу, что нет никакой угрозы столкновений со смертельным исходом. То же самое искусство верховой езды можно смело приписать и гуннам, чью «чрезвычайную быстроту» передвижений впервые отметил Аммиан Марцеллин, указавший также на следствие этой особенности на оперативном уровне, а именно, благодаря этой особенности гунны могли совершать

манёвры с исключительной скоростью: «В бой они бросаются, построившись клином... Легкие и подвижные, они вдруг специально рассеиваются и, не выстраиваясь в боевую линию, нападают то там, то здесь, производя страшное убийство тво» [5, 539].

Оперативные методы гуннов, описанные Аммианом Марцеллином, сводятся к плавной последовательности неожиданных действий: отряды воинов быстро передвигались, оказываясь то в пределах досягаемости, то вне них, чтобы то выпустить с безопасного расстояния град стрел, способных тем не менее пробить панцири и другие легкие доспехи, то броситься в ближний бой, если подразделения врага оказались разомкнуты.

Но гуннские всадники, как отметил Аммиан Марцеллин, были вооружены легко: у них не было ни металлических доспехов, ни тяжелых копий, поэтому они могли догнать и конницу, и пехоту, пустившуюся в бегство; кроме того, благодаря их подвижности им были не так страшны засады. Если рядом не было густого леса, скалистых возвышенностей или города с прочными стенами, то смерть или рабство ждали тех, кого гунны побеждали [15, 50–53]. В частности, именно поэтому Аммиан Марцеллин и писал: «Они заслуживают того, чтобы признать их отменными воителями» [5, 539]. Сарматская конница была также преимущественно легковооруженной. Это определялось, прежде всего, самим характером кочевого образа жизни, требовавшего мобильности и быстроты передвижения, а также основными принципами стратегии и тактики. «Они очень подвижны вследствие легкости вооружения, во всем похожи на гуннов, но несколько мягче их нравами и образом жизни» – писал Аммиан Марцеллин о сарматах [5, 541].

Вся армия государства Хунну – это по сути огромная, довольно мобильная легковооруженная конная армия. На вооружении этой армии, как указано в китайских летописях, «из оружия дальнего действия имеют луки и стрелы, из оружия, применяемого в ближнем бою, – мечи и короткие копья с желез-

ной рукоятью» [3, 34]. Тактика сражения строилась исходя из мобильности, слаженности и взаимодействия, а также боеспособности войск, а именно, вооруженности и подготовленности воинов.

Основу монгольского войска Чингисхана составляла легковооруженная конница. «Оружие же все, по меньшей мере, должны иметь такое: два или три лука, или, по меньшей мере, один хороший, и три больших колчана полных стрелами, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые», – пишет о вооружении монголов Плано Карпини [13, 44]. В то же время монгольские воины в совершенстве владели искусством верховой езды: «Татары рождаются и вырастают в седле и на лошади... Оттого у них нет пехоты, а все – конница... Лошадей, через год или два после рождения, обучают и объезжают в течение последующих трех лет. И только тогда начинают использовать в деле», – писал Чжао Хун [8, 620–621].

Длительные по расстоянию и скоротечные по времени набеги, когда основными факторами успеха были быстрое внезапное нападение и такой же быстрый отход, не способствовали массовому распространению тяжеловооруженной конницы. Однако роль последних в бою была немаловажной, особенно для преодоления сопротивления сильной пехоты (фаланги или легиона). И это прекрасно понимали кочевники. Поэтому тяжелая конница, не являясь основным видом войска, тем не менее существовала у большинства степных племен раннего железного века, считает А. В. Симоненко [16, 37]. Надо отметить, что тяжелая конница не являлась основным видом войска у кочевников и в более поздние времена. Тому подтверждение тяжеловооруженная конница сарматов или, как её ещё называли, катафракты. Древнеримский историк Тацит о доспехах сарматов писал: «Князья и все наиболее знатные имели это прикрытие, составленное из железных пластинок или очень твердой кожи» [4, 83]. По

мнению А. К. Нефедкина, катафракты не составляли отдельного рода войск сарматов, а были лишь социальной прослойкой и составляли несколько процентов от общего количества сарматов [4, 83]. «Все возмужавшие, которые способны натянуть лук, становятся конными латниками», пишет о хунну в своей работе древнекитайский летописец Сыма Цянь [3, 34]. Называя их «конными латниками», древнекитайский историк указывает на наличие у воинов хунну доспехов кожаных либо металлических. В армии хунну были всадники в кирасах, считает Отто Менхен-Хельфен. В ходе археологических раскопок в Туве в захоронениях шурмакской культуры (II–I вв. до н.э.) были обнаружены железные чешуйки – элементы чешуйчатых доспехов хуннов [18, 264]. Как показывают исследования, самым обычным и, вероятно, ранним типом доспехов в степях был чешуйчатый. На протяжении веков скифы носили чешуйчатые доспехи, изготовленные из кости, бронзы или железа [18, 263].

Сидоний Аполлинарий и Прокопий Кесарийский утверждали, что гунны были «людьми с железными кирасами». Сидоний так описывает дуэль между римлянином Авитом и гунном: «Поднялось копье и пронзило этого кровожадного человека (т.е. гунна); его грудь была пробита, а панцирь расколот надвое, треснув даже там, где он прикрывал спину» [18, 266]. Приск Панийский, описывая посольство ко двору Атиллы, писал, что шут Зеркон сопровождал в походах правителя гуннов Бледу в полных доспехах [18, 268].

«Они (авары) вооружены панцирями, мечами, луками и копьями, при этом многие из них в сражениях используют двойное вооружение: неся копья за плечами и держа луки в руках, они используют их попеременно, по мере складывающейся необходимости. Защитное вооружение есть не только у них самих, но и лошади их знати имеют защиту передней части, изготовленную из железа или войлока» писал об аварах в своей работе «Стратегикон» император Византийской империи Маврикий [20,

186]. Ему вторит другой император Византии Лев Мудрый, описывая тюркских воинов в своем труде «Тактика»: «Они (тюрки) вооружены мечами, кольчугами, луками и копьями. При этом многие из них используют двойное вооружение: неся копья за плечами и держа луки в руках, они используют их попеременно, по мере складывающейся надобности. Защитное вооружение есть не только у них самих, но и лошади их знати имеют спереди защиту, изготовленную из железа или войлока» [21, 275]. О наличии тяжеловооруженных всадников у монголов пишет и Плато Карпини: «У них (т.е. у богатых) есть также вооруженная лошадь, прикрытия для голени, шлемы и латы. Некоторые имеют латы, а также прикрытия для лошадей из кожи» [13, 44]. Таким образом, можно говорить о наличии тяжеловооруженной конницы у кочевников, однако, она составляла небольшой процент от общего количества степняков, так как костяк этой конницы составляли знатные и богатые номады, которые могли приобрести доспехи для себя и своего коня.

Время для совершения набегов, по мнению А. К. Нефедкина, сарматы, а также гунны, печенеги, половцы выбирали зиму по причине того, что, во-первых, замерзали реки и их свободно можно было форсировать коннице кочевников, т.к. кочевники не имели средств для переправы рек. Во-вторых, в данный сезон года армии оседлых народов расходились на зимние квартиры и некому было защищать территории. В-третьих, зимой западные сарматы откочевывали на юг Причерноморья к берегам Дуная, т.е. ближе к границе Византийской империи. В-четвертых, зимой сарматы испытывали большие трудности с кормами для скота, что отражалось на продуктивности домашних животных [4, 90–91].

Не совсем согласен с данным утверждением автора. Во-первых, согласен, что легче форсировать реки по льду, нежели чем по воде. Но это не говорит о том, что кочевники не могли форсировать водные глади рек и это было причиной совершения набегов именно зимой. Кочевники в ходе миграции и пере-

гона скота успешно преодолевали реки, попадавшие им на пути. А в ходе набегов успешно форсировали такие широкие реки как Волга, Днепр, Дунай. Так Аммиан Марцеллин описывает набег квадов (сарматов) на византийцев осенью во время сбора урожая: «Перейдя через Дунай в такую пору, когда не ожидали враждебных действий, варвары напали на сельское население, занятое сбором жатвы, перебили большую часть, а оставшихся в живых увели вместе с множеством различного скота» [5, 503]. В 441–447 гг. гунны Аттилы успешно форсировали Дунай и не только зимой, совершая свои набеги на территорию Византийской империи. Свой поход на Запад, завершившийся битвой на Каталаунских полях, Аттила совершил летом 451 года, форсируя с войском по ходу движения Рейн и другие реки Западной Европы [15, 68–70]. Так в своих воспоминаниях Анна Комнина писала, как печенеги, посланные императором Византии в Малую Азию, дошли до Митилены. Однако на своем военном совете кочевники решили вернуться обратно. Дойдя до берега Константинопольского пролива (пролива Босфор), они увидели, что судов, перевезших их на азиатский берег, нет. Тогда один из князей, Каталейм, бросился с конем в воду. Его примеру последовали остальные, и они благополучно достигли противоположного берега [22, 193]. При форсировании рек печенеги применяли турсуки – кожаные мешки, набитые тростником или соломой. На турсуке сидел воин и держал за хвост плывущей лошади. Форсирование крупных водных преград большими массами конницы происходило довольно быстро, считает Е. А. Разин. [23, 65].

В воспоминаниях Анны Комниной также описана переправа кочевников-куманов (половцев) через реку: «Они преследовали их в течение трех суток, но видя, что куманы на кожаных плотах, которые они несли с собой, переправились через реку, протекающую за Данувием, вернулись ни с чем к самодержцу» [11, 397].

По-видимому, о тех же кожаных плотах повествует и путешественник Плано Карпини, с помо-

щью которых форсировали реки в ходе своих набегов монголо-татары в XIII веке: «Когда же они добираются до рек, то переправляются через них, даже если они и велики, следующим образом: более знатные имеют круглую и гладкую кожу, на поверхности которой кругом они делают частые ручки, в которые вставляют веревку и завязывают так, что образуют в общем некий круглый мешок, который наполняют платьями и иным имуществом и очень крепко связывают; после этого в середине кладут седла и другие более жесткие предметы; люди также садятся в середине. И этот корабль, таким образом приготовленный, они привязывают к хвосту лошади и заставляют плыть вперед, наравне с лошадью человека, который бы управлял лошадью... Другие же, более бедные, имеют кошель из кожи, крепко сшитый; всякий обязан иметь его. В этот кошель, или в этот мешок, они кладут платье и все свое имущество, очень крепко связывают этот мешок сверху, вешают на хвост коня и переправляются, как сказано выше» [13, 46]. Монголы переправлялись через водные преграды как сами, так и вместе с большими табунами лошадей. Кочевники переправляли свое имущество с помощью больших кожаных мешков, причем воин плыл рядом со своей лошадью, а остальные лошади табуна следовали за ними [17, 194–195].

Во-вторых, не всегда армии оседлых народов расходились по зимним квартирам и некому было защищать территории. Сам автор приводит отрывки из римского историка Диона Кассия о том, как римляне разбили конных сарматов (языгов) во время их набега через Дунай зимой 173/174 года [4, 127].

В-третьих, А. К. Нефедкин утверждает, что зимой домашний скот кочевников страдает от бескормицы, а потому в это время года степняки совершают свои набеги, и при этом автор ссылается на императора Византийской империи Маврикия, который рекомендует нападать на гуннов в феврале-марте, когда кони кочевников хudeют от нехватки корма, добываемого ими из-под снега,

и тогда номады менее маневренны. О недостатках кормов зимой для скота в южных степях Причерноморья, куда откочевывали кочевники, не приходится говорить, так как ввиду мягкой зимы и отсутствия снежного покрова, они не испытывали недостатка в кормах. «Где бы они (сарматы) не проходили, они не терпят недостатка ни в пище для себя, ни в корме для скота, что является следствием влажности почвы и обилия протекающих рек», – писал Аммиан Марцеллин [5, 541]. Чего не скажешь о кочевниках Центральной Азии, где господствует суровый континентальный климат и зимой температура порой падает до -50 градусов по Цельсию, а толстый снежный покров порой не позволяет добывать травы животным и создает определенные трудности для прокорма скота. И это при том, что кони кочевников более выносливы и приспособлены добывать себе корм из-под снега. В этот период времени совершать набеги для кочевников Центральной Азии было довольно сложно. Рекомендации же императора Маврикия относятся к походу против кочевников зимой. Кстати, в качестве примера автор, полагая, приводит поход объединенных войск древнерусских князей под руководством великого киевского князя Святополка в феврале-марте 1111 года против половцев [4, 92], описанный в Ипатьевской летописи, где марш-бросок из Киева, где начинался поход, до городка Хорол войско совершило за 6 дней, где оставили сани и дальше двинулись в степи походным порядком [24, 266]. Если расстояние между вышеуказанными городами около 240 км, передвигались в основном в светлое время суток, а световой день в это время года и на этих широтах около 11 часов, то скорость передвижения войска составляет около 3,6 км/ч. Далее их путь пролегал не по заснеженной степи, раз сани они с собой не взяли, оставив их в Хороле [17, 95], а потому скорость передвижения была и того ниже. Поэтому мнение А. К. Нефедкина о том, что в битве с древнерусским войском из-за снежного покрова степняки были менее манев-

ренными, не выдерживает критики [4, 92]. Причиной поражения кочевников в той битве была не слабая маневренность номадов, а неверно выбранная ими тактика боя.

По мнению И. В. Ерофеевой время набегов у всех кочевых народов Центральной Азии связано с их скотоводческой деятельностью и режимом кочевания. Военные походы в Джунгарское ханство в XVII–XVIII веках казахи, чаще всего, совершали в зимнее время или ранней весной. Выбор времени военного похода определялся сроками их сезонных перекочевок, т.е. время набега назначалось на две-три недели ранее постоянной даты их сезонных перекочевок, т.к. сразу по окончании боевых действий кочевники могли подключиться к процессу кочевания по той лишь причине, что у номадов воин и скотовод сочетались в кочевых сообществах в одном лице, считает И. В. Ерофеева [25, 96].

С этим утверждением трудно согласиться по той лишь причине, что ойраты, составляющие основу Джунгарского ханства, были такими же кочевниками, как и казахи. И всё, о чем рассуждает автор о казахах также применительно и к ним – ойратам. Тогда выходит, что все военные походы казахов и ойратов друг против друга проходили в зимне-весенний период времени? Нет, конечно. Согласно истории казахско-джунгарских воинов, боевые действия между ними охватывали весь временной цикл года. Так как целью этих воинов был, как раз-таки, захват новых кочевых территорий друг у друга, а захват добычи и скота был сопутствующим призом этой войны [26, 111].

Кочевники совершали набеги в удобное для них время, когда были готовы к нападению, в независимости от времени года. И не было какого-то сезонного ограничения для них. Все это подтверждается и в описаниях Анны Комниной: «Император рассудил совершенно правильно и принял во внимание обычай варваров: ведь скифские набеги (здесь скифами названы печенеги и огузы), в какое время года они бы ни начались, не

прекращались в следующем и, случаясь, например, летом, не кончались осенью или даже зимой. Это бедствие не было ограничено кругом одного года, в течение нескольких лет скифские набеги приводили в волнение Ромейское государство, я же упомянула лишь о некоторых из них» [11, 205].

Список литературы:

1. История военного искусства. Учебник для военных академий Советских Вооруженных Сил. – Москва, «Военное издательство», 1984.
2. Карл фон Клаузевиц. О войне. – Москва, Государственное Военное Издательство, 1934.
3. Таскин В. С. Материалы по истории сюнну. – Москва, «Наука», 1968.
4. Нефёдкин А. К. Военное дело сарматов и аланов. – Санкт-Петербург, «Historia militaris». 2011.
5. Аммиан Марцеллин. Римская история. – Москва, «Ладомир», 2005.
6. Асадов Ф. М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. – Баку, «Элм», 1993.
7. Константин Багрянородный. Об управлении империей. – Москва, «Наука», 1989.
8. Чингисиана. Свод свидетельств современников. – Москва, «Эксмо», 2009.
9. Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – Санкт-Петербург, «Наука», 2006.
10. Гасанов З. Г. Царские скифы. – Нью-Йорк, «LIBERTY», 2002.
11. Анна Комнина. Алексиада. – Москва, «Наука», 1965.
12. Эдвард Н. Люттвак. Стратегия: логика войны и мира. – Москва, «Университет Дмитрия Пожарского», 2015.
13. Путешествия Плано Карпини и Гильома Рубрука. – Алматы, «Гылым», 1993.
14. Агаев Ю. Ш., Ахмедов С. А. Военное искусство тюрков в огузском эпосе «Китаби Деде Горгуд». – Баку, «OL», 2014.
15. Эдвард Н. Люттвак. Стратегия Византийской империи. – Москва, «Университет Дмитрия Пожарского», 2012.
16. Симаненко А. В. О военном деле сарматов Северного Причерноморья. Роль номадов Евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Сборник материалов Международной научной конференции г. Алматы 22–23 апреля 2010 г. – Алматы, «Lem», 2010.
17. Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. – Москва, «АСТ», 2004.
18. Отто Д. Менхен-Хельфен. История и культура гуннов. – Москва, «Центрполиграф». 2014.
19. Геродот. История. – Москва, «Ладомир», 2002.
20. Стратегикон Маврикия. Издание подготовил В. В. Кучма. – Санкт-Петербург, «АЛЕТЕЙЯ», 2004.
21. Тактика Льва. Издание подготовил В. В. Кучма. – Санкт-Петербург, «АЛЕТЕЙЯ», 2012.
22. Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы. Русь и степь до нашествия татар. – Москва, «Вече», 2013.
23. Разин Е. А. История военного искусства средневековья. – Москва, «Вече», 2016.
24. Полное собрание русских летописей. Том II. Ипатьевская летопись. – Санкт-Петербург, Типография М. А. Александрова, 1908.
25. Ерофеева И. В. Феномен «скифской тактики» ведения боевых действий в истории казахско-джунгарских войн: экологические аспекты военного искусства номадов. Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Сборник материалов Международной научной конференции г. Алматы 21–23 ноября 2007. – г. Алматы, «Дайк-Пресс», 2008.
26. Кушкумбаев А. К. Военное дело казахов в XVII–XVIII веках. – Алматы, «Дайк-Пресс», 2001.

27. Сунь-цзы, У-цзы. Трактаты о военном искусстве.– Москва, «АСТ», 2002.
28. Гумилев Л. Н. История народа хунну.– Москва, «АСТ», 2004.
29. Китайская классическая поэзия (Эпоха Тан).– Москва, «Художественная литература», 1956.
30. Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего нового времени (XV-первая половина XVIII в.).– Санкт-Петербург, «Филологический факультет СПбГУ», 2008.
31. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк.– Алматы, «Дайк-Пресс», 2005.
32. Древнетюркский словарь.– Ленинград, «Наука», 1969.
33. Фазлаллах Рашад ад-Дин. Огуз-намэ.– Баку, «Элм», 1987.
34. Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии.– Новосибирск, «Наука», 1989.
35. Никоноров В. П., Худяков Ю. С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы.– С.-Петербург, «Петербургское востоковедение», 2004.
36. Шариф Мухаммад Мансур Мубаракшах. Правила ведения войны и мужество.– Душанбе, «Министерство обороны Республики Таджикистан», 1997.
37. Гумилев Л. Н. Древние тюрки.– Москва, «Клышников-Комаров и К». 1993.
38. Стеблева И. В. Жизнь и литература доисламских тюрков.– Москва, «Восточная литература», 2007.
39. Аманжолов А. С. История и теория древнетюркского письма.– Алматы, «Мектеп», 2003.
40. Нефедов С. А. Монгольский лук и монгольские завоевания. Сборник материалов Международной научной конференции г. Алматы 22–23 апреля 2010 г.– Алматы, «Lem», 2010.
41. Константин Д” Оссон. История монголов от Чингисхана до Тамерлана.– Алматы, «Санат», 2003.
42. Рыбаков В. М. Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»).– Санкт-Петербург, «Петербургское востоковедение», 2001.
43. Полиэн. Стратегемы.– Санкт-Петербург, «Евразия», 2002.

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-22-5-31-34>

*Nizameddinkhujayev Otabek Ruslanovich,
PhD student, Faculty of History and Philosophy
Tashkent State University of Oriental Studies
Tashkent Uzbekistan*

THE ROLE OF THE UN IN SUPPORTING CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Abstract. The article analyzes the role and tasks of the UN in supporting the development of civil society institutions in Uzbekistan, the large-scale socio-political, socio-economic, judicial, legal, democratic reforms and transformations carried out in the country.

Keywords: Civil society of Uzbekistan, the United Nations, civil society institutions of Uzbekistan, development of civil society.

Over the last three years, large-scale socio-political, socio-economic, judicial and legal transformations have been implemented in Uzbekistan.

The democratic reform process was conducted in accordance with the Strategy of actions in the five priority areas of the development of the Republic of Uzbekistan in 2017–2021, the Presidential Addresses to Parliament, and corresponding acts of legislation [3].

The Action Strategy has been implemented in five stages as a “roadmap” for Uzbekistan to achieve the UN Sustainable Development Goals. Nowadays, this document defines the development of civil society, particularly, in terms of improving public administration, the system of countering and preventing crime, increasing the social activity of young people in the process of deepening democratic reforms, and a number of other areas [8].

The world community, the UN, the OSCE, and other reputable international organizations have rightly noted achievements, such as the release of journalists from prisons and psychiatric hospitals; the abolition of forced child labor and the release of political prisoners; Parliament’s “roadmap” for implementing UN recommendations on religious freedom; admission of independent UN experts; a new forest management plan that includes mea-

asures to conserve forest resources and develop ecotourism; additional measures to eliminate the environmental disaster in the Aral Sea region; the malaria eradication; Uzbekistan’s advancement to the top of the “Global Council on Happiness and Well-Being” index; and a number of other transformations [2].

The world’s leading countries praised Uzbekistan’s removal from the List of Countries of Particular Concern in the Sphere of Religious Freedom. The country’s contribution to solving the issue of reintegration of foreign terrorist fighters’ families – their spouses and children – is viewed positively. The global democratic society has a positive attitude to the release of prisoners of conscience; changes in the legislation of Uzbekistan that are aimed at preventing the use of evidence obtained through torture in trials; measures taken in the field of freedom of peaceful assembly and association; ensuring full access to a number of foreign news resources and websites of international human rights organizations; and a number of other positive changes [1].

In addition, the course of state and social construction urges an objective assessment of what has been achieved, identifying new trends, and determining the prospects for the development of civil society [4].

UNDP opened its office in Uzbekistan in January 1993 and has been actively supporting the country's development ever since. UNDP conducts a wide range of activities aimed at assisting the Government of Uzbekistan, civil society institutions, and ordinary people in overcoming numerous difficulties of the country's transition period. UNDP helps governmental and non-governmental institutions gain access to knowledge, experience and resources that are necessary for the successful implementation of economic and social reforms as well as the well-being of Uzbek people.

In Uzbekistan, UNDP's assistance under the current Country Programme Action Plan (2016–2020) focuses on two interrelated objectives. These objectives are to support the Government in implementing economic and democratic reforms, and to expand as well as foster the participation of civil society institutions in the development process at the national and local levels. UNDP's work in Uzbekistan focuses on two subject areas, namely good governance and sustainable development [2].

UNDP maintains mutually beneficial relations with many government ministries of Uzbekistan in the areas of environment and energy, public administration and economic management. UNDP is active in supporting the Government in creating an enabling environment for small businesses, in particular, UNDP assists in establishing Business Support Centers and One Stop Shops to provide public services to the population.

In the public administration sector, UNDP contributes to improving the efficiency, transparency and accessibility of public services at the national, regional and local levels. UNDP plays an important role in creating an e-government system in Uzbekistan, particularly through the development of a national electronic document management system, thereby enhancing the quality of public services. The agency also advocates for the adoption of the WHO protocol on the introduction of antiretroviral therapy (ART) by the Government of Uzbekistan,

ensuring access to treatment for an additional 3.000 people with HIV [9].

Moreover, UNDP implements projects aimed at solving environmental problems and advocates for the rational use of energy resources in the country. UNDP plays an important role in drafting the Law of the Republic of Uzbekistan "On Water and Water Use", which embodies an important transition of the country from a fragmented to an integrated approach to water resources management. Over the last decade, UNDP has been actively supporting the creation of Uzbekistan's first biosphere reserve. UNDP has also assessed and mapped the unique flora and fauna of the republic on the Ustyurt plateau.

In today's complex circumstances, while the pandemic increases in its scope, threatening peace and stability, the role and responsibility of the UN increases as it is a universal international organization designed to bring member states together to promote peace and security, stability, protection of human rights, and sustainable development [10].

In Uzbekistan, human rights protection is seen as one of the priorities of interaction with the UN. At present, our country has established a stable political system that meets modern criteria of democracy and human rights, the legislative, executive and judicial authorities of all levels are actively working. But most importantly, respect for the principles of the rule of law and human rights is being established in society.

One of the most important priorities of state policy is increasing the culture of tolerance and humanism, strengthening inter-ethnic and civil understanding as well as harmony. Today, representatives of more than 130 nations and nationalities live in Uzbekistan as one family. In the country, religious organizations of 16 denominations operate freely. State educational institutions teach in seven languages, the National TV and Radio Company broadcasts its programmes in 12 languages, whereas newspapers and magazines are published in more than ten languages. Uzbekistan highly appreciates the efforts of the Office of the United Nations High Commissioner for

Human Rights (OHCHR) to strengthen the protection of human rights around the world, as without ensuring human rights it is impossible to solve the problems of socio-economic and spiritual as well as humanitarian development of the state.

Any society can achieve social progress and prosperity only when it is based on peace, the observance and protection of human rights, democracy, and the rule of law.

Civil society institutions are playing an ever-increasing role in ensuring human rights. It is impossible to imagine a modern, open, strong civil society without a developed system of stable and effective political parties that represent the interests of various social groups and broad segments of the population, non-state non-profit organizations, independent mass media, and other civil society institutions [8].

Currently in Uzbekistan there are more than 9.000 non-governmental organizations, 2.239 religious organizations, and 1.400 media outlets. These figures clearly demonstrate the role played by civil institutions in the life of our society.

The key motives leading to all ongoing reforms in the country are clearly education and enlightenment. Uzbekistan has been actively participating in the UN World Programme for Human Rights Education. All government agencies, civil society institutions, media outlets and educational institutions are involved in the process of disseminating universal ideals and values as well as the principles of respect and observance of human rights among the population.

It is not a coincidence that 7 percent of the country's state budget goes to education. In 2016, the Parliament passed a new Law "On State Youth Policy" to deepen our involvement in this area [7]. The texts on human rights of the main international documents of the UN, ILO, and UNESCO have been translated into the state language and are widely used in school, specialized secondary, vocational, and higher edu-

cational systems. Human rights classes are held during the preparation and advanced training of judges, prosecutors, lawyers, jurists, law enforcement officers, military personnel, and representatives of the business community.

Uzbekistan joined the United Nations (UN) as a new, sovereign, independent state in 1992. A year later, a UN office opened in Tashkent. Currently, the UN country team in Uzbekistan consists of 24 UN agencies, funds, and programs that work together to advance national development priorities in accordance with the 2030 Agenda and the Sustainable Development Goals [5].

As it is known, informing society about the activities of state and economic management bodies, ensuring their accountability to the population is a necessary condition for implementing the norm of the Constitution of the Republic of Uzbekistan stating that "The people are the only source of state power". The concept put forward by the President Sh. M. Mirziyoyev conveys that "Not the people must serve state bodies, but state bodies must serve the people" [2].

An objective and critical analysis of the civil society condition reveals that the course of democratic reforms was generally based on the implementation of the most important constitutional norms that are social justice, continuous dialogue with the people, the openness of public administration, and the development of the mass media as the "fourth estate" [6].

In Uzbekistan, civil society development trends are characterized by the active implementation of the "Human Interests Above All" principle, the prioritized idea "From National Renewal to National Progress", the establishment of the middle class as the basis of democratic reforms, effective public control, a competitive multi-party environment, and, finally, by ensuring further improvement of people's living standards and quality of life.

References:

1. The Law of the Republic of Uzbekistan. “On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Uzbekistan aimed at Strengthening Public Control”. Adopted on – August, 29. 2019.– No. ZRU-559 \ National Legislation Database, August – 30. 2019.– No. 03/19/559/3670.
2. On the Strategy of Actions for the Further Development of the Republic of Uzbekistan: Presidential Decree of February, – 7. 2017.– No. UP-4947. 2017.– No. UP-4947. URL: http://lex.uz/pages/getpage.aspx?lact_id=3107042
3. Begmatov A. S. Formation and development of political system and civil society in Uzbekistan // Stages of democratization of political system, liberalization and development of civil society: proceedings of the “round table” held on February, – 24. 2015.– Tashkent // Zhamiyat va boshkaruv (Tashkent).– № 1. 2015.– C. 38–39.
4. The Constitution of the Republic of Uzbekistan.– Tashkent, 2017.
5. The message of the President of the Republic of Uzbekistan Sh. M. Mirziyoyev to the Oliy Majlis on January – 24. 2020.
6. The official website of “the UN women” in Uzbekistan: URL: <http://www.un.uz/rus/pages/display/un-women>
7. The official website of the UNDP in Uzbekistan: URL: <http://www.uz.undp.org/content/uzbekistan/en/home/projects/empowering-women-to-participate-in-public-administration-and-soc.html>
8. The official website of the Ministry of Foreign Affairs of Uzbekistan: URL: <http://www.mfa.uz>
9. The official website of the National Center for Human Rights: URL: http://www.nhrc.uz/ru/news/uzbek_news/6459
10. Michael O’Flaherty. Human Rights and the UN: The Practice of the Treaty Bodies.– Second Edition, Martins Nijhoff Publishers, 2002. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/hrtsbook/Rtreatybodies-index.html/> (circulation date: April 7, 2019).

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-22-5-35-37>

*Uryumtsev Egor Romanovich,
Master's degree student,
Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia*

UNDER THE BANNER OF ORIFLAMME: QUESTIONS OF THE ORGANIZATION OF THE MILITARY STRUCTURE UNDER PHILIPPE II AUGUSTUS (1180–1223)

Abstract. the article deals with the organization of the military structure during the reign of Philippe II Augustus. The strengthening of the monarch's power and the bureaucratization of society are analyzed. The qualitative and quantitative composition of the royal army, sources of salary are being reconstructed. The symbolic aspect is investigated on the basis of a three-part model of the representation of society.

Keywords: Philippe II Augustus, military structure, Royal army, feudalism, High Middle Ages.

The reign of King Philippe II of France was marked by a long conflict in Western Europe. The confrontation with the Plantagenets went beyond the vassalage of the Capetians and spread to all lands: from Flanders to Guyenne. The lands of Normandy, Brittany, Aquitaine, and even the Holy Roman Empire became the arena of confrontation between the warring monarchs. The result of this struggle was the establishment of French domination on the continent and the transformation of the King of France into the most powerful ruler of Europe.

Philippe Augustus drew the right conclusions from the failures and defeats of the first years of his reign. Realizing that the main problem standing in the way of the formation of a strong royal power is feudal self-will, which could not be completely eradicated, Philippe decided to modernize other structures of the kingdom and put them at the service of the monarch directly. The main of these structures were the bureaucracy, namely the institutions of the Bailiff and Prévôt, and the royal army. The king began to solve the issues of officialdom even before his departure for the Third Crusade: in his l'Ordonnance-Testament of 1190 [3] Philippe regulated the rights and duties of the royal bailiffs and prévôts, and also transferred some of his

own powers to them. So, there were the prévôts, baillifs and communes (this included monasteries) in the royal lands that became subjects of feudal law: they administered the court, the army recruitment fell into their hands, and the report on the work done was sent directly to the king. Naturally, these changes caused discontent among the large feudal lords and lords of the kingdom, since before that it was their duties that included litigation, financial expenses and equipment of the troops. Now, in order to share the burden of these duties with the king, it was necessary to bring homage to the king. Thus, the Capetian monarchy became stronger, and all state structures came under the royal control. At the same time, Philippe II did not make revolutionary changes in the structure of society: being within the existing framework of feudalism, the king made maximum use of the prevailing historical reality to strengthen the royal power.

The second factor in strengthening the power of the king was the royal army. The army of Philippe II was fully the army of the High Middle Ages, which gave it a number of specific features. Firstly, it was a feudal army. It did not exist on a permanent basis, unlike, for example, the armies of Modern Times. The troops had to be assembled for a long time, and

the service life of such a feudal militia, according to French medievalists Philippe Contamine [2] and J.F. Fino [4], averaged 30–40 days. After the expiration of the term, the king had to come up with ways to “reward” those soldiers who decided to stay. Here we are talking about knight contingents, the service life of the infantry was three months, and after that a new set was needed. Hence the second factor follows – the army, consisting of a feudal militia, was not professional. Of course, there were military specialists in the army: knights, professional mercenaries, engineers, siege masters, etc. But collecting troops for a military campaign, the real share of professional military was very small. The professionalism of those people was also rarely determined by education. Since there were no specialized military institutions, usually knowledge about certain aspects of warfare was based on experience, one’s own or someone else’s. The third feature of the feudal army of that time was the lack of discipline and a small horizon of tactical planning. The management of the army was hampered by a shortage of qualified personnel. The real command exercised by the king on the battlefield could only indicate the direction of the first strike. Then the battle turned into a heavy melee of infantry and a series of duels of knights. At the described time, the main component of medieval battles was the massive spear strike of heavy cavalry. It was especially pronounced in France, where the number of knights exceeded the European average. However, this blow had its drawbacks. After the attack, the cavalry lost its momentum and got stuck in the infantry. An increasingly important criterion and indicator of experience is the ability to withstand the blow of the knight’s cavalry. To cover the infantry from cavalry attacks, a variety of protective measures were created: wolf pits, stakes dug into the ground, ditches. The number of shooters gradually increased: archers and crossbowmen. The number of defeats of knights in European history increased with the development of countermeasures. However, during the reign of Philippe Augustus, only other knights could be seriously opposed to the knights, and it was

the King of France who took up the increase in the number of heavy cavalries.

The study of the issues of the army is extremely revealing, since it represented the entire medieval society “in miniature”. The most important aspect is the number, as it characterizes the military and political capabilities of the king. Two synchronous sources have information about the army: “The list of Sergeants” (“Prisia servientum”, “Prisie de Sergens”) and “The General account of the King’s income for 1202” (“Compte général des revenus du roi de 1202”) [1, 33]. According to the General Account of the King’s Income for 1202, there were 257 knights in the royal army who brought homage to the king and were listed for the Ile-de-France domain. In addition, the feudal contingents that gathered in the event of war and made up about 800–1000 knights in 1214 [4]. If the gathering of sergeants was a relatively “simple” matter, then the situation with knights was always more difficult. The feudal principle was to help the king “by all means”, but in fact the vassals provided only a part of their troops for service. Thus, Guillaume le Breton described specific cases of numerical shortage of knights. For example, the Duke of Normandy could demand the “help” of 581 knights, but he provided only a third to the King of France. The Duchy of Brittany provided the king with only 40 out of the due 166 knights; the County of Ponthieu sent 14 knights instead of 60, etc. In addition, it was a difficult diplomatic task to achieve the arrival of even these limited contingents. Thus, such feudal service has always been accidental and short-lived. Besides to the knight contingents, the army of the French Kingdom had detachments of about 7.695 foot sergeants [2]; there were also 267 mounted sergeants, 86 mounted crossbowmen and 133 foot crossbowmen, 300 mercenary-routiers [2]. So, a new army structure was gradually formed in the service of the king, assembled under the control of the royal bureaucracy.

Where did the French Crown get the funds to maintain the army? Cities, abbeys and communes, were the main source of funds, royal tax collections.

Most of these lands were obliged to supply troops under feudal law – to bring the militia, but there were exceptions. Some large cities, such as Paris and Orleans, could use the so-called “right of redemption”. They supplied the king with a fixed amount of money corresponding to the value of their contingent. If Orleans had to supply 200 sergeants to the king for service, then using the “right of redemption” the city sent 600 livres to the royal treasury (at the rate of 3 livres per sergeant). Thus, only in 1202, 26.453 livres were received from the baillages of Orleans, d’Etampes, Paris and Senlis [1, 28]. This money was enough to pay for the service of an eight-thousand infantry army for three months. Naturally, not only these four bailli were the source of the crown’s funds. Sometimes feudal lords and knights could use the “right of redemption” (although more often they preferred military service to a monetary contribution). Money also appeared as a result of military operations, the capture of rich prisoners, etc.

But in addition to everyday and everyday aspects, it is necessary to understand that motivated people, moved their sense of duty. Like most medieval formations, the new structure began to acquire its own symbolism. The legend was formed within the framework of the Three-Part European model of the idea of society, and it found its complete form on the battlefield of Bouvines in 1214. The three-part model is a whole complex of ideas, a synthesis of Christian and social. Like the Triune God in heaven, the royal power on earth becomes triune. The King raised the Holy Oriflamme after

mass, he was blessed to fight and Saint Dionysius would fight for him. He was followed by his “three pillars”: noble chivalry, the right hand of the king; “good” commoners, sons of a submissive and loyal people, city communards and townspeople led by priests, not plebeians or mercenaries; the latter were people of prayer, “new chivalry”, consecrated by the cross. They were opposed by the excommunicated German barbarians, literally “the camp of evil and darkness”. The German Emperor Otto IV and his companions were enemies of the Pope and friends of heretics. And on the Lord’s Day Sunday, July 27, 1214, the evil and the damned fled, they were defeated by the power of a three-part, triune society gathered to fight in the name of God [5]. There, after the great victory, the unification of society took place, as if class differences disappeared and the people felt their closeness to the monarch. For the first time in the history of medieval France, the royal power, along with language and religions, became one of the pillars of the unity of the people.

On the field at Bouvines, the birth of the title of king of France took place, and Philippe, its bearer, received the nickname “Augustus” – the unifier, but also the conqueror who determined the fate of the Christian world. This combination of success and victories secured the duty of the arbiter of the fate of Europe for the King of France. Such a role generally corresponded to the political ambitions and new opportunities of the Capetian dynasty, and the next century in the history of Europe would be held under the banner of Oriflamme.

References:

1. Audouin E. Essai sur l’armée royale au temps de Philippe-Auguste. – Paris, Champion, 1913. – 31 p.
2. Philippe Contamine. La Guerre au Moyen Age. – Paris, Presses universitaires de France, 1980. – 100 p.
3. Recueil des Actes de Philippe Auguste. – 1. – Paris, 1916. – 417 p.; éd. Ch. De La Roncière, P. Contamine, R. Delort, M. Rouche (dir.), L’Europe au Moyen Âge, – 2. – P. 34–35.
4. Fino J. F. Quelques aspects de l’art militaire sous Philippe Auguste // Gladius, VI. 1967. ISSN0435–029X. 101. – 20 p.
5. Дюби Жорж. Трехчастная модель или Представления средневекового общества о себе самом / Пер. с фр. Ю. А. Гинзбург. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 320 с.

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-22-5-38-46>

Eric Shan,
The Cranbrook School

THE JUNGLE OF THE MEATPACKING INDUSTRY: HOW CONGRESSIONAL DEBATE PROMPTED INCREASED FEDERAL REGULATION

Abstract. In response to widespread customer demand for reform, the congressional battle over America's food and drug industries, specifically the meatpacking industry, was resolved with the passing of the Federal Meat Inspection Act of 1906 and the broader Pure Food and Drug Act (1906). The debate, spurred on by public outrage and the diplomatic exchanges that collectively ensued, became the determining factor in pacifying Congress and the businesses within the food industry. With roots in preliminary investigations and muckraking journalism intending to expose corruption, conflicting proposals made the enactment of this act a legislative hallmark of compromise. Debate was the foundation for seeing the act to fruition, leaving behind a legacy of success in improved public health as well as shortcomings that would be addressed in future amendments.

Keywords: Upton Sinclair, meatpacking industry, muckrakers, federal inspection, FDA.

“He has no wit to trace back the social crime to its far sources – he could not say that it is the thing men have called “the system” that is crushing him to the earth; that it is the packers, his masters, who have dealt their brutal will to him from the seat of justice” [1].

Thomas Jefferson's early vision of the United States endorsed the growth of society toward agriculture and away from a dependence on markets and customers. Subsistence farming built around small farmer-landowners was, inherently, the very image of “productivity and conduciveness to virtue and independence” [2]. During these pre-industrial times, that which was not directly grown by familial units was traded, but overall, the exchange of goods was local, traceable, and solely tied between the producer and the consumer.

Over time, these small-scale trading interactions evolved to meet the needs of industrialization. With the conformity to newly-established standards of the Industrial Revolution (1870–1914) came the disappearance of the traditional Jeffersonian ideal [3]. Larger corporations began to sell food items for

profit over self-sustainability, with normal groupings of products like bushels being replaced by cans and packages, imported by distant growers over local farms. For individual consumers, this disconnect between goods and the original suppliers dramatically changed the content of their purchases.

Such a pattern can also be seen within the meatpacking industry, where its growth made it “the first or second most valuable U.S. industry from 1880 to 1910” [4]. However, behind this facade of economic success, the nationwide delocalization into a corporate food economy carried a weighty price tag on its growth. Understandably, this rapid transition aroused concerns over the quality of products and the safety of meatpacking workers.

In response to widespread customer demand for reform, the congressional battle over America's food and drug industries, specifically the meatpacking industry, was resolved with the passing of the Federal Meat Inspection Act of 1906 and the broader Pure Food and Drug Act (1906). The debate, spurred on by public outrage and the diplomatic exchanges that

collectively ensued, became the determining factor in pacifying Congress and the businesses within the food industry. With roots in preliminary investigations and muckraking journalism intending to expose corruption, conflicting proposals made the enactment of this act a legislative hallmark of compromise. Debate was the foundation for seeing the act to fruition, leaving behind a legacy of success in improved public health as well as shortcomings that would be addressed in future amendments.

The Origin of the Meatpacking Industry

Meatpacking: the slaughter, processing, and distribution of livestock for sale. The industry was at first a seasonal trade occurring during the cooler months – beef was difficult to preserve and would otherwise spoil quickly [5]. In addition, farmers worked according with market fluctuations, reducing hog production when corn was in short supply and at a higher cost, then increasing hog production when corn was more abundant and affordable [6]. Thus, this activity created a hog-corn cycle, where it experienced intervals of inconsistency [6]. Other challenges presented in early meatpacking included transportation, which was conducted over waterways and influenced heavily by weather [6]. With all of these limitations, small wholesale packers faced constant difficulty and uncertainty.

One of the most monumental practices that dramatically restructured the packing industry was refrigeration, solving many of the earlier mentioned obstacles to a reliable and stable market. Weight reductions of “10 to 15 percent” became possible as cattle could now be slaughtered before being shipped, and transportation costs dropped to “one-third” when compared with the original numbers associated with live cattle [4]. Additionally, the increased presence of immigrants in the workforce was another consequential shift: Chicago alone relied on two-thirds of its manufacturing and mechanical workers being foreign-born in 1890 [7]. Due to the large demand for low-skill, repetitive labor, factory owners employed immigrant workers at low wages.

These factors created the “Beef Trust,” involving the large firms of Armour, Swift, Morris, and the National Packing Company. Dubbed the “Big Four,” they commanded a large monopoly over the dressed beef trade [8]. Statistically, their control was evident in the revelation that the Big Four conducted an estimated 45 percent of all cattle slaughters [8].

Local cattle firms blamed centralized packing firms for the loss of 24 percent in livestock prices between 1885 and 1890, which was “the longest and most severe fall in cattle prices since the end of the Civil War” [4]. These cases evoked suspicion around the beef trust that was known to dominate the meat industry, and for many butchers and cattle farmers, this price depression only steepened their losses. Demands for nationwide regulations were issued.

The Spanish-American War

Whisperings of the stigma surrounding the US meatpacking industry were fully roused during the Spanish-American War, with 280 soldiers killed in battle and a disproportionate 2,630 lives lost due to unknown causes; at the time, this was attributed to their rations – specifically the meat portions [9]. In September 1898, the Dodge Commission was formed to investigate the unusual deaths, and subsequently, the Commanding General of the United States Army Nelson A. Miles appeared at a trial after taking testimonies in seventeen towns and cities. Miles’ findings were also based on the observations of a volunteer surgeon, W. H. Daly; Dr. Daly wrote to Miles regarding the inspections he made in “Tampa, Jacksonville, Chickamauga, and Porto Rico,” during which he found that the beef was “apparently preserved with secret chemicals,” which he also believed was “detrimental to the health of the troops” [10].

Conflict ensued; should this claim be found true, it would suggest that the War Department was willing to sacrifice lives in favor of monetary gain. Fortunately, Miles’ arguments were disproven with sound evidence. The Powell process used on the beef in Tampa was unrelated to the beef contractors who supplied the Army, Chickamauga and Jacksonville offered

refrigerated beef that produced no complaints from the soldiers, and in Puerto Rico, the beef was similarly accepted in quality and freshness. [10] Rather, the unexplained deaths were linked to disease: insufficient knowledge about sanitation led to 20,738 cases of typhoid fever and 1,590 fatalities [11].

The scandals of the Spanish-American War drew from false accusations, but they encouraged a spread of awareness and revealed prevailing attitudes of distrust. These specific circumstances surrounding the controversy were necessary for it to gain its vital publicity, because without the fear of the government potentially capitalizing on the lives of its soldiers, who were already in a position of mortal peril, such ubiquitous interest and public sentiment could not have been fomented. State-level change with new pure food laws occurred, but this alone was not yet enough to trigger federal laws [12].

The Jungle

While it may be true that preservatives and consequent detriments to health had not been discovered to affect soldiers at the time, the same was not to be said of the general meatpacking industry. Upton Sinclair's novel, *The Jungle*, was a pioneering muckraking novel that exposed the low wages, high-risk working environment, and unjust treatment of meatpacking laborers. Sinclair was inspired to put pen to paper after being contacted to write a serial publication for the Socialist newspaper *Appeal To Reason*. He spent two years investigating the Chicago stockyards, posing as a workman, and his work was subsequently published as *The Jungle* [13]. One quote especially illustrates the notorious conditions of packing plants:

There would be meat stored in great piles in rooms; and the water from leaky roofs would drip over it, and thousands of rats would race about on it... There was no place for the men to wash their hands before they ate their dinner, and so they made a practice of washing them in the water that was to be ladled into the sausage [1].

Excerpts from the novel were also published in newspapers, further publicizing Sinclair's message.

[14] Readers were appalled by the author's hyperbole usage, as well as the highly-specific imagery poured into the lack of sanitation at the Chicago plants [15].

Sinclair's novel prompted worldwide hyper-awareness toward diet and nutrition, which were largely dependent on the very meats that the muckraker exposed to be contaminated. As a result, American meat exports plummeted with the increase in newspaper coverage [16]. In particular, the New York Times noted in 1906 that "no amount of contradiction on the packers' behalf" could convince "English-men" that Chicago's canned goods were "fit to put into human stomachs" [17]. Though Sinclair originally wrote the novel with the intention of shedding light on the treatment of immigrant workers and the socialist movement, it instead took on a prominent role in advancing federal meat regulations that responded to the silent threat of falling sales.

The Debate

Ultimately, the cumulative anger from the Spanish-American War and the publication of *The Jungle* was channeled into congressional debate. Prior to this sequence of events, the only existing federal legislation involved the 1890 meat inspection laws on exports, created to meet stringent foreign restrictions and enable U.S. producers and packers to compete in the international market. Though at first these covered only salted pork and bacon, an 1891 amendment expanded their certification to all beef intended for export [18]. This substantial lack of regulation was to be changed. After the war in 1898 and the publication of *The Jungle* eight years later, President Theodore Roosevelt and Senator Albert Beveridge were moved to take action, both as readers of the novel and condemners of the "embalmed beef" scandal [19]. Roosevelt, incidentally, also served during the Spanish-American War [20]. This personal connection motivated his active involvement in the debate, as he could relate with others affected by the lack of apparent food safety.

To vindicate Sinclair's claims, Roosevelt commissioned the Department of Agriculture (USDA)

to oversee an investigation [21]. Though some faults were inevitably discovered, the USDA dismissed the more radical descriptions and claims in Sinclair's articles and novel, labeling them as an "atrocious exaggeration" and "willful and deliberate misrepresentations of fact" [22]. However, before its report was issued, Sinclair argued through letters and telegrams that the USDA could not be trusted and that its investigators were themselves involved with meatpacking industry practices. Thus, this led Roosevelt to conduct a private examination, working in coordination with Sinclair, who provided his own agent with leads [21].

The collaboration between these two figures led to the creation of the Neill-Reynolds report, a disclosure based on a weeks-long search for buried truths. The report chronicled the conditions at facilities along with the treatment of the food and workers, but it also established a definitive example of what a model slaughterhouse would look like, giving numerous suggestions for possible legislation and inspection procedures. Spaces were described as "dark and dingy," but what was most alarming with regard to health and hygiene was the "frequent absence of any lavatory provisions" [23].

This official corroboration of meatpacking practices spurred quiet change. In time, the possible publication of the discoveries would become the biggest leverage over the packers – one that Roosevelt would extensively use to persuade Congress.

Concurrently, Beveridge was chiefly concerned with drafting stricter inspection laws, now backed with the weight of Roosevelt's support [21]. Beveridge's bill was introduced as an amendment to the original agricultural appropriation bill, and at its very core, demanded for date stamps on meat products and regular inspections that would be paid by the packing industry [24]. The bill was passed with tight acceptance by the Senate, but only out of fear of bad publicity; Roosevelt had threatened to publish the Neill-Reynolds report otherwise. Moreover, the lack of resistance was marked by the knowledge that it

would be easier to defeat or change Beveridge's proposal within the House of Representatives [21].

A plethora of perspectives emerged. To consumers, this was a promise of security. To small businesses, regulations meant greater certainty and efficiency, as well as protection against dishonest competitors [12]. However, to the large meatpacking firms, the bill would "take the management and control away from the men who have devoted their lives to the upbuilding and perfecting of this great American industry." Their complaints were voiced by members of the House of Representatives; James Wadsworth, the chairman of the Committee on Agriculture, along with William Lorimer, began revising the bill according to meatpucker demands [21].

Sinclair, frustrated by the lack of progress, was convinced that complete public transparency took precedence over a new bill. By relaying what he knew of the Neill-Reynolds report to the *New York Times*, Sinclair forced Roosevelt to finally publish a complete disclosure to prevent possible misinformation [21]. With this publication, the *Times* suddenly elevated Wadsworth as the "champion of the packers," and he along with his associates, the "friends of the packers," were seen as the head of a "defensive campaign" [25].

Debate erupted over the report, and the packers continuously challenged the credibility of its content. Their defenders in the House harshly attacked Neill, who had come to testify. Wadsworth, in particular, steered the discussion time and time again to confront accounts of a hog that had allegedly fallen into a bathroom but was still hung with clean carcasses [21]. Other congressmen protested against Neill's treatment, and he himself remarked, "I feel like a witness under cross-examination whose testimony is trying to be broken down" [26].

Regardless, the Senate held onto its bill, even as the House passed the Wadsworth-Lorimer compromise bill. This was because, according to the *Chicago Tribune*, the adjusted version had undergone so many edits that even "Beveridge would not recognize his own child" [27]. Thus, the deadlock continued.

Pressured by time alone, as the congressional session was ending soon, Roosevelt provided closure by asking Beveridge to relax parts of his bill. During the entire session, Roosevelt walked the line between alienating his like-minded allies in the Senate by appeasing the packers too much, and on the other end of the spectrum, demanding too much from the House and risking all progress. As such, his diplomatic exchanges were vital in preserving the peace and ensuring collaboration. Nevertheless, in order for federal change to be enacted at all, the Senate ultimately yielded [21]. The agreement that was reached was far from clean and unanimous, and noteworthy exclusions included labeling requirements and inspection fees; the latter was regarded as especially necessary because meatpackers were viewed as responsible for financing the correction of the unsanitary conditions they had caused.

On June 30, 1906, the same day that the Pure Food and Drug Act was signed, the agricultural appropriation bill that included the Federal Meat Inspection Act also received a presidential signature of approval. Despite notable omissions, the law none-

theless enabled the protection of consumers with its regular inspections, and it further became reassurance that Congress could reform longstanding business practices. It even benefitted the larger packing firms: American meat exports would finally recover from weak sales.

The debate between reformers in the Senate and the power brokers that controlled the House represented the larger conflict between American consumers, local businesses, and large packing firms. Though their ideologies were sharply polarized, intensified by the recurring scandals and muckraking journalism, balancing each part of the two proposals warranted decisive diplomatic action. Crossing these borders allowed the resulting bill to be accepted by all.

Today, we take much of what is at face value for granted. However, the guarantees of food safety that we now enjoy were once won from decades of turmoil, and are still subject to revision in the present. As such, the campaign for reform in the meat industry shows that even with the disappearance of the Jeffersonian ideal, we as consumers are able to make informed

Appendix A [6]

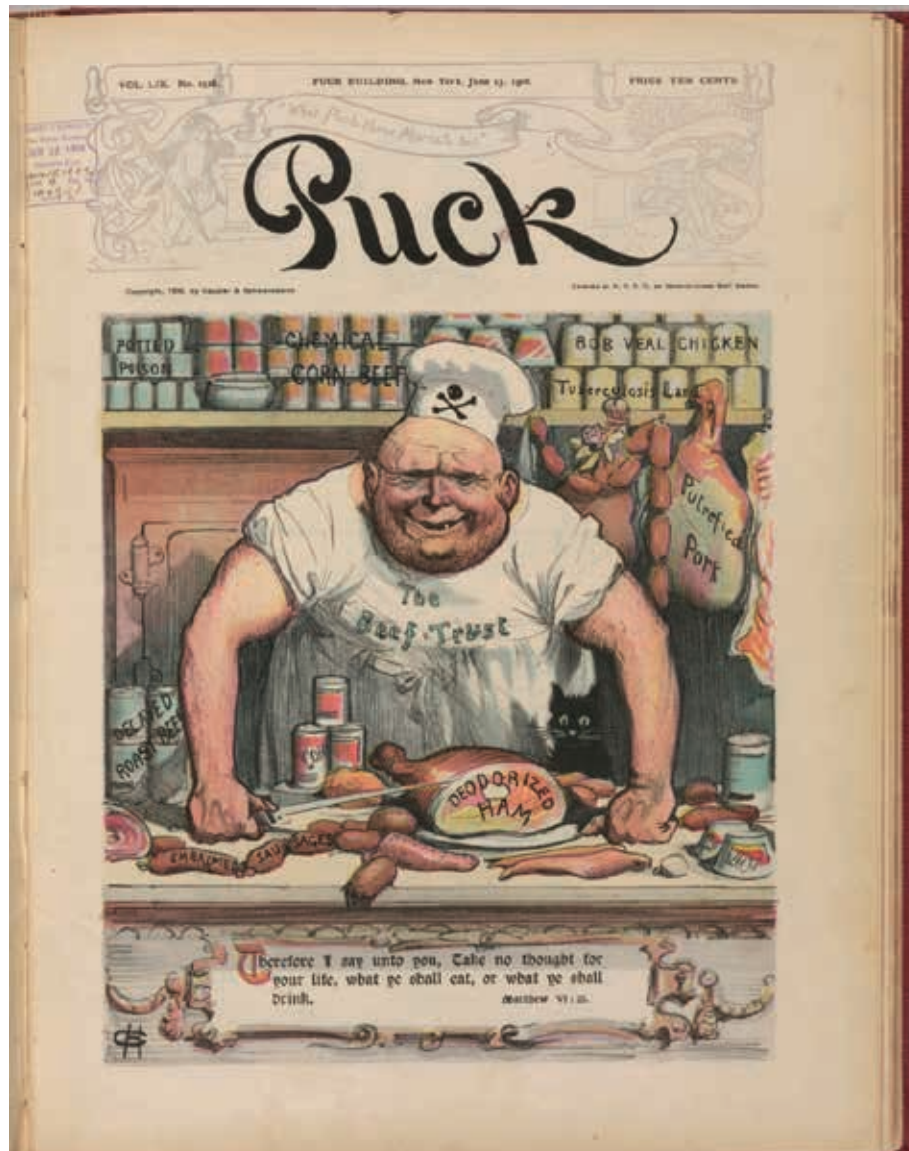
Table 11. Exports of Pork and Bacon from Cincinnati, 1847–1873 (in Pounds¹)

Year (Sept. 1–Aug. 31)	Via Canals and Railways ²	South by Water
1847/48	3,713,411	60,693,890
1848/49	3,120,855	60,084,696
1849/50	4,253,718	52,177,460
1850/51	3,103,653	46,949,270
1851/52	7,722,290	52,091,795
1852/53	16,000,158	45,730,213
1853/54	20,846,302	30,520,803
1854/55	18,296,681	30,597,358
1855/56	30,470,305	21,046,450
1856/57	36,605,369	20,832,550
1857/58	36,301,109	24,291,150
1858/59	31,941,045	30,056,500
1859/60	38,872,984	38,649,300
1860/61	30,135,498	40,205,831
1861/62	74,149,768	7,263,750

1862/63	100,002,521	10,423,400
1863/64	47,413,245	14,827,675
1864/65	29,070,721	18,642,370
1865/66	28,189,376	34,671,309
1866/67	28,391,427	46,536,230
1867/68	32,369,475	34,592,650
1868/69	37,968,992	32,009,873
1869/70	49,241,486	32,604,050
1870/71	50,136,710	36,907,852
1871/72	79,701,336	33,659,317
1872/73	76,517,888	38,815,170
1873/74	87,799,143	30,863,134

This excerpt depicts the increase in exports as a direct result of increased rail transportation. In contrast, water transportation gradually declined in usage over time.

Appendix B [15]

The cover cartoon for *Puck* magazine, the first successful humor magazine that dwelled on political satire, in the June 1906 issue. As opposed to earlier issues intended to amuse and advocate for political parties, Hassman's image instead raised awareness

towards a cause: the food adulteration issues, as well as the food and drug laws. The illustration of a stereotypical, unsanitary butchery encouraged readers to avoid the tainted meat products of the time.

Appendix C [16]

This photo portrays the working conditions at Swift & Co's. packing plant. With few federal laws in

place, food was often handled in unsanitary conditions. The lighting and ventilation were also very poor.

References:

1. Upton Sinclair. *The Jungle* (Chicago: Doubleday, Page & Company, 1906),– 161, 192.
2. Malone. “Reflections on the Jeffersonian”.– 5 p.
3. Ryan Engelman. “The Second Industrial Revolution, 1870–1914”. *U. S. History Scene*, Accessed: May 7, 2022. URL: <https://ushistoryscene.com/article/second-industrial-revolution>
4. Gary D. Libecap. “The Rise of the Chicago Packers and the Origins of Meat Inspection and Antitrust”. *Economic Inquiry* – 30. 1992.– 9 p. Accessed: – February, 19. 2022. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1465-7295.1992.tb01656.x>. 14
5. Louise Carroll Wade. “Meatpacking”. *The Electronic Encyclopedia of Chicago*, last modified 2005. Accessed: February, 19. 2022. URL: <http://www.encyclopedia.chicagohistory.org/pages/804.html>.
6. Margaret Walsh. *The Rise of the Midwestern Meat Packing Industry* (Lexington: University Press of Kentucky, 1982).– 11,– 34 p.
7. Hartmut Keil and John Jentz. *A Social History of the German Workers of Chicago: 1850–1910.*– 58. 1980. Accessed: April, 7, 2022. URL: <https://doi.org/10.12759/hsr.5.1980.4.57-63>.
8. Francis Walker. “The ‘Beef Trust’ and the United States Government”. *The Economic Journal* 16.– No. 64.– December, 1906.– 494 p. Accessed: February,– 15. 2022. URL: <https://www.jstor.org/stable/2221472/499> p.
9. Edward F. Keuchel. “Chemicals and Meat: The Embalmed Beef Scandal of the Spanish-American War”. *Bulletin of the History of Medicine* – 48.– No. 2. (Summer 1947).– 249. Accessed: January 2, 2022. URL: <https://www.jstor.org/stable/3114005>
10. Alger R. A. “The Food of the Army during the Spanish War”. *The North American Review* – 172.– No. 530. (January 1901).– 52 p. Accessed: January 9, 2022. URL: <https://www.jstor.org/stable/25105110>. 55
11. Vincent J. Cirillo. “The Patriotic Odor’: Sanitation and Typhoid Fever in the National Encampments during the Spanish-American War”. *Army History*,– No. 49. (Summer 2000).– 18. Accessed: February,– 13. 2022. URL: <https://www.jstor.org/stable/26304872>
12. Donna J. Wood. “The Strategic Use of Public Policy: Business Support for the 1906 Food and Drug Act”. *The Business History Review* 59.– No. 3. (Fall 1985).– 405 p. Accessed: January 2, 2022. URL: <https://www.jstor.org/stable/3114005>. 431
13. “Upton Sinclair Strikes Back”. *Meade County News* (Meade, KS), June 7, 1906. Accessed: February 20, 2022. URL: <https://lccn.loc.gov/sn85030287>.
14. “Discovery of Condemned-Meat Industry Accidental, Says Upton Sinclair”. *The Evening World* (New York, NY), June 14, 1906. Accessed: February,– 20, 2022. URL: <https://lccn.loc.gov/sn83030193>. Hassmann, Carl. *The Meat Market*. 1906. Theodore Roosevelt Digital Library, Dickinson, ND. Accessed: January 8, 2022. URL: <https://www.theodorerooseveltcenter.org/Research/Digital-Library/Record?libID=o278545>.
15. White H. C. Co. *Making Link Sausages-Machines Stuff 10 Ft. per Second*, Swift and Co.’s Packing House, Chicago, U.S.A. 1905. Photograph. Accessed: February 5, 2022. URL: <https://www.loc.gov/pictures/resource/cph.3a50293>
16. “Our Loss Australia’s Gain”. *New York Times* (New York), June 1, 1906. Accessed: February 22, 2022. URL: <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1906/06/01/101843258.html?pageNumber=1>.
17. “Our History”. *Food Safety and Inspect Service*, last modified February 21. 2018. Accessed: February 27, 2022. URL: <https://www.fsis.usda.gov/about-fsis/history>

18. James Harvey Young. "Two Hoosiers and the Two Food Laws of 1906". *Indiana Magazine of History* 88, – No. 4. (December 1992).– 313. Accessed: February 24, 2022. URL: <https://www.jstor.org/stable/27791608>
19. Theodore Roosevelt. "Library of Congress". Accessed: February 27, 2022. URL: <https://loc.gov/rr/hispanic/1898/roosevelt.html>
20. James Harvey Young. "The Pig That Fell Unto the Privy: Upton Sinclair's 'The Jungle' and the Meat Inspection Amendments of 1906". *Bulletin of the History of Medicine* 59. – No. 4. (Winter 1985).– 460. Accessed: February 27, 2022. URL: <https://www.jstor.org/stable/44441902>. 469, 470, 473.
21. Lawrence W. Reed. "Where's the Beef?" Mackinac Center for Public Policy, last modified August 11, 2005. Accessed February 27, 2022. URL: <https://www.mackinac.org/7229>
22. James Bronson Reynolds and Chas. P. Neill. *Condition in Chicago Stock Yards* (n.p., 1906).
23. "Meat Inspection Act". *Laws*, last modified December, 23. 2019. Accessed: February 27, 2022. URL: <https://federal.laws.com/meat-inspection-act#:~:text=He%20forced%20the%20meat%20packing,by%20the%20meat%20packing%20industry>
24. "Neill's Meat Report Coming in Sections". *New York Times* (New York), June 2, 1906. Accessed: February, 23, 2022. URL: <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1906/06/02/101780051.html?pageNumber=1>
25. Joseph P. Goldberg and William T. Moyer. *The First Hundred Years of the Bureau of Labor Statistics*. (Washington, DC: US Gov. Print. Off., 1985), – 49 p.
26. "Packers to Win If Action Stands". *The Chicago Daily Tribune* (Chicago), June 13, 1906. Accessed: February 28, 2022. URL: <https://chicagotribune.newspapers.com/image/350234920/?terms=%22Packers%20to%20Win%20if%20Action%20Stands&match=1>

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-22-5-47-57>

Yuxuan Ye,
Georgetown Prep School, MD

LATE OTTOMAN PERIOD JERUSALEM: THE EXPANSION OF THE HOLY CITY BEYOND THE WALLS

Abstract. The development of European and local settlements outside of the Old City of Jerusalem during the late nineteenth century reflected many of the trends described above, including the growing influence of Europe in international politics and the rise of industrialism and modernization in the Holy Land. These tendencies were demonstrated through the introduction of new technologies and agricultural techniques; the exodus from the ancient, overcrowded Old City; and in the advancement of modern ideas such as religious liberty [1]. In order to illustrate these developments, the following paper offers a description of the topography of the city as the foundation to understand the expansion of these communities beyond the Old City Walls. Thereafter, the paper examines the advent of each community that settled outside of the Old City and explains the motivations behind their origins and the contributions that they made to the city.

Keywords: European, Old City of Jerusalem, Holy Land, religious liberty.

Introduction

Jerusalem is indeed a city with a profound and complex history. As the holy city of three major religions of the world – Judaism, Christianity, and Islam – Jerusalem was destined to be a place of conflict and coexistence [25]. Throughout history, pilgrims from all over Europe as well as the Middle East came to the city to trace the spiritual origin of their faiths. However, conflicts over the control of the Holy City of Jerusalem between Christians and Muslims were inevitable, and reached their peak during the Crusades in the 12th and 13th centuries CE [30; 6; 33]. In the following centuries, countless faithful Christians and Muslims fought and died in the Holy Land, only enlarging the hatred between the two religions that has persisted into the modern era. Nevertheless, after the Conquest of Saladin and the fall of Crusader States, the city of Jerusalem fell under neglect and insignificance. As time progressed into the 15th century Europeans focused their attention on the discoveries in the New World while the Ottoman Empire embarked on its ambition of unifying the Islamic world

[5]. During this time, Jerusalem remained relatively peaceful and open, because of the tolerant administration of the Early Ottoman Empire between 16th and 18th century, which allowed Christian and Jewish inhabitants to live freely and safely with the price of higher tax and lower social status [22]. Eventually, the peace and status quo of Jerusalem were shattered with the arrival of the 19th century.

The Industrial Revolution of the 19th century changed the world dramatically and permanently, and these changes were felt in important ways in Jerusalem. With powerful, new inventions, such as steam engines, railroads, and machine guns, the great powers of Europe finally had the ability to surpass the ancient empires of Asia and start the Age of New Imperialism [41, 5–6]. It was during this period that the Ottoman Empire, Mughal Empire, and Qing Dynasty all fell into a rapid decline that was punctuated by nationalistic revolts and government corruption. In contrast, the great European powers, namely Britain and France, were progressing faster than ever and became fully ready to dominate the world as they

acquired new colonies around the globe. For example, the scramble for Africa carved out and colonized almost the entire continent of Africa and during the same period India was soon also brought under British colonial rule. In the face of this growing influence, the Ottoman Empire and Qing Dynasty were pressured to yield to foreign influence with the grant of more and more economic and political privileges to Europeans [11; 45]. As the global order shifted to the West, Jerusalem, the Holy City of Christianity, would inevitably fall under the influence of European colonial powers.

The development of the city of Jerusalem in the Late Ottoman Period represented a microcosm of these great imperial developments. Various nationalistic revolts in 19th century against the Turkish rule throughout the vast territories of the Ottoman Empire began stretching from the Balkans to Egypt [32]. The strength of this once powerful empire was exhausted, and the failure of Tanzimat Reforms, which were intended to modernize the administration as well as military, further doomed the fate of the empire [26, 11–12]. As a result, many concessions were made and privileges began to be granted to the Europeans [11, 9]. For example, consulates were opened in the city and foreigners were allowed to settle down, opening them to opportunities such as purchasing properties and building constructions inside and courteside the Old City [19, 93–96]. Protestant Britain, Catholic France, Orthodox Russia all had their own plans for the Holy City and this was the chance to fully implement them. Foreign settlements were established in the suburbs of the Old City as new churches and monasteries were built. Jerusalem was gradually and peacefully transformed by Christians [22, 10] However, the competition over the control of the Holy City existed among the European great powers themselves. Britain, France, and Russia all intended to seize control over the city in order to protect their religions and settlers, eventually triggering the Crimean War [5, 485–486]. In order to prevent Russia from further expanding into

the Ottoman Empire, France and Britain declared war over disputed claims in the Holy Land. Eventually, peace in the Ottoman Empire was preserved when Russia was defeated, and prominent Orthodox churches within Jerusalem were weakened dramatically, achieving a new balance between Protestants, Catholics, Orthodox, and Muslims [46].

The development of European and local settlements outside of the Old City of Jerusalem during the late nineteenth century reflected many of the trends described above, including the growing influence of Europe in international politics and the rise of industrialism and modernization in the Holy Land. These tendencies were demonstrated through the introduction of new technologies and agricultural techniques; the exodus from the ancient, overcrowded Old City; and in the advancement of modern ideas such as religious liberty [3, 34]. In order to illustrate these developments, the following paper offers a description of the topography of the city as the foundation to understand the expansion of these communities beyond the Old City Walls. Thereafter, the paper examines the advent of each community that settled outside of the Old City and explains the motivations behind their origins and the contributions that they made to the city.

The Expansion of the Old City

In order to understand the development of Jerusalem during the late nineteenth century, it is first necessary to explain how the city's topography influenced its development. The city of Jerusalem in the Late Ottoman Period was on an upward trajectory of development, transforming from a small, regional city to an international metropolis. Historically, Jerusalem has had two parts, the Old City and suburban extramural areas built outside of and surrounding the Old City [22, 4–5]. The Old City refers to Ottoman Jerusalem, a Turkish-styled fortress with solid city walls, which were built by Suleiman the Magnificent (1520–1566) [5, 442–443]. And within the protection of these walls are the holy sites of three religions: the Church of Holy Sepulcher for

Christians, the Dome of Rock for Muslims, and the Western Wall for Jews [22, 7–9]. People of the Old City lived in different quarters according to their religions, with the Muslim Quarter in the north, the Christian Quarter in the northwest, and the Jewish and Armenian Quarters in the south [2; 24]. Despite their religious differences, inhabitants were able to cohabitate peacefully with each other during the Ottoman Period, respecting or even participating in the festivities and celebrations of other religions [42]. Moreover, although not a large city, Ottoman Jerusalem was quite self-sufficient. For example, one could find city halls, markets, schools, mosques, churches, synagogues, and more importantly city walls, which protected its inhabitants from frequent Bedouin raids [42]. Jerusalem was a relatively insignificant but peaceful city during the Early Ottoman Period until the arrival of the 19th century.

As the 19th century dawned, the narrow streets within the city walls no longer had the capacity to hold the rapidly growing population. Intensifying this problem was the pressure of more and more pilgrims and settlers who poured into the city from Europe and America. For instance, in the year 1860 only 18,000 people lived in the frontier city of Jerusalem, whereas Istanbul, the capital and center of the Ottoman Empire, had 715,000 inhabitants. Fifty years later in 1910, there were already 70,000 Jerusalemites, almost four times more than the number of 1860 [5, 482]. The Old City, therefore, became cluttered and crowded, and the living conditions within Jerusalem deteriorated. Soon suburban settlements began to appear around the city walls. The eastern and southeastern sides outside the city, which were mostly occupied by hills and mountains, were not suitable for large settlements and as a result, settlers had to build their settlements in the plains to the north and west of the Old City.

The beginning of this process was not entirely natural and reflected both political and religious considerations. Britain, unlike other European great powers, had its own plans for Jerusalem, which included

efforts not to occupy or control the Holy City but instead to convert the Jews within the city, in accordance with the final prophecies of the Gospel of John in the Bible [5, 481]. Yet, Jews in Jerusalem, whose lifestyle was tightly centered on the activities of synagogues within the Jewish Quarter, firmly rejected the efforts of British missionaries. The British solution for this conundrum, thus, was building new settlements for Jews outside the crowded Old City. As British influence continued to expand in the area after victory in Crimean War, the British plan gained momentum and more and more Jews left the Jewish Quarter for the new settlements. This move made them self-reliant but also vulnerable to missionary efforts [10, 236]. Overall, Jews benefited greatly from this resettlement, for the living and sanitary conditions of the new communities were much better and the education provided by British schools helped many achieve a decent living. Similarly, Arabs and Christians built their own settlements and colonies around the city, with Arabs in the north and Christians in the west [5, 491]. Jerusalem was developing fast, with more and more settlements, schools, and hospitals built outside the Old City, steering the city as it gradually underwent a process of modernization.

The German Settlement

While the German Colony was neither the earliest nor the largest European settlement outside of the Old City, it represented a key moment in the industrialization of Palestine. While not technically part of the colonization of the region or a settlement with a large population, the colony became a crucial part of the rise of European influence in the Holy Land. The colony was established by a Protestant, liberal, independent religious association from Kirschenhardtshof, near Stuttgart, Germany, known as the Templer Society [44, 375]. The society was founded by Christophor Hoffmann, a Protestant theologian from Luwigsburg in Wurttemberg, who had split from the Lutheran Evangelical Church in Germany several years before coming to the Holy Land [19, 56]. The Templers were distinct from the ancient

crusader order, the Templars, who were dismantled hundreds of years ago in France. The Templar Settlement in Jerusalem was located in the Rephaim Valley, southeast of the Old City, and was one of seven Templar settlements in Palestine [28, 113–115]. The neighborhood had two main sections, Emek Refaim and Bethlehem, which interestingly were both biblical locations. Emek Refaim, also called the Valley of Rephaim, was the battlefield between King David and Philistines, and Bethlehem was the birthplace of Jesus, according to the New Testament Gospels, (See 2 Samuel 5:17–22; on the description of the birthplace of Jesus in the Gospels, see Luke 2:1–39. For further discussion of the Gospel accounts' description of Bethlehem, see E. P. Sanders, *The Historical Figure of Jesus* (London: Penguin, 1993), 85–88).

At first, Templars focused on agriculture, draining the swamps, and planting the fields since the livelihood of 80% of people at that time depended on it [23, 3]. However, they were the first settlers to implement more advanced European agricultural techniques and machinery, such as irrigation, fertilizers, and regular crop rotation, which were not familiar to the local Arab farmers at the time. The Templars also introduced tools such as steel plows, horse gear, and later steam engines into Palestine [23, 4]. The methods and machines in the German Colony represented the first step for Palestine into the modern world, marking the productivity and efficiency of advanced agriculture. Eventually neighboring settlements of Arabs and Jews began learning and adapting these modern techniques and machinery from the Germans. Moreover, the Templars also cooperated with local Jews and Arabs in fields such as agriculture, industry, transportation, and construction, which furthered the progress of industrialization in Palestine. One notable example of such cooperation was the founding of a formal carriage-owners cooperative in 1884 to regulate transportation between Jaffa and Jerusalem [23, 9–10]. The company consisted of both German and local drivers, who divided the profits each month. This greatly improved the

technological progress as well as social conditions for the local population while allowing the Templar Colony to maintain a stable relationship with this community, despite the view of some who only saw them as intruders and exploiters [23, 7–8].

A central motivation for the German settlement of this area was the connection between their own religious beliefs and the Holy Land. The first organized Templar Colony in Jerusalem was founded in 1868, whose principle was “building God’s spiritual temple in the individual and in mankind,” which accurately reflects its name [44]. As a consequence of the failure of the Frankfurt Parliament of 1848, in which Hoffmann participated as the only representatives of Pietism, the Templars believed that a true Christian community must be separated from governmental and political influence, unlike the German church system at that time [19, 60]. They intended to build small, simple, organized congregations of like-minded Christians especially in Jerusalem and the Holy Land, so that they could serve as examples to revitalize other churches in Europe. The Germans in Palestine, therefore, had a very different plan than the British, who wished to return the Jews back to the Holy Land and convert them to Christians. The settlers represented the direct ambition of European Protestants in the Holy Land [27, 44–45].

The German settlers brought with them their own distinctive architectural style, meaning that just outside of the Old City, the colony would have the physical appearance of a European village. Compared to the local, stone domed buildings made in the Arab style, the homes of the Templars were quite exotic, which set them apart from the older parts of the city. The colony was mostly made up of neatly ordered single-family cottages with pitched roofs of red tiles and green gardens with flowers, just like the small rural villages in the Templars’ hometown of Wurttemberg [7, 237]. The Templars also built one community hall for meeting and prayer and two schools, all of simple construction similar to South Germany [28, 115]. Moreover, as the city of Jeru-

salem developed rapidly, a railroad connecting Jaffa and the Old City was opened in 1892, with a station very close to the colony [18, 52]. With this, the Templer Settlement was finally brought out of isolation, as more Arabs began travelling to the colony and, subsequently, more Palestinian elements were incorporated into the architectural style of the buildings.

During the 20th century, however, the fate of Templers was less fortunate. As a result of strong national sentiment and pride, most German overseas colonies, including the Templers in Jerusalem, managed to retain their German nationality. Consequently, two generations of Templers went back to Germany and fought for their fatherland in the two World Wars, but the failures of Germany in both conflicts eventually led to the demise of Templer colonies in Palestine. The outbreak of the First World War and the British conquest of Palestine in 1917 labeled the once respected Templers as “enemies” and many were deported to British camps in Egypt [43, 136]. In the end, all Templers were eventually released and returned to their former colonies without obstructions after the end of the Great War.

The consequences of the loss of the Second World War, though, were much harsher for the Templers, as many of them returned to fight for Hitler’s Reich and the Templer community. Though not fully accepting of it, they tolerated the newly-formed Nazi party in the German colony of Jerusalem [43, 136–138]. Because of this, the Templers were once again classified as “enemies,” this time forever. The discovery of the cruel atrocities in the Holocaust after the Second World War sealed the fate of the Templers in Palestine, for they were unwanted and unwelcomed by both the Jews and British [44, 376]. All of the Templers in Palestine, 2,300 people in total, were required to leave their homes immediately to be either sent back to Germany (1000 of them) or deported to Australia (the rest of 1300). In addition to this, all of their property was confiscated first by the British Mandate Government and then transferred to the new Israeli Government [43, 148]. Luckily for the

Templers, despite their history as potential ex-Nazis and the devastating loss of their property, Australia became their new homeland, as all of them were cleared of security risk and given the opportunity to naturalize [43, 376]. The Australian government treated these German refugees with acceptance and tolerance, and the remaining Templers were later shown to be law-abiding citizens in the country. The Templer Society of Australia continues to function as a community, with new members fully integrating themselves as citizens in the multicultural nation of Australia [43, 377]. Despite this new settlement, problems persisted. The matter of compensation for Templer property was not brought up until 1952 and solved after 10 years of negotiations, reflecting the sensitive and complex nature of the dilemma. In the end, the Israeli government agreed to pay a total sum of 6,057,885 German Marks for the properties of the Templers, whose aspiration and ambition in the Holy Land finally ended after almost a hundred years of efforts [43, 149].

Mishkenot Sha’ananim Settlement

By the mid-19th century, the narrow streets within the walls of the Old City were home to already 15,000 Muslims, Christians, and Jews. In this confined space, the people of Jerusalem struggled to survive under the horrible living standards caused by poverty and unsanitary conditions, which often led to waves of epidemics, such as a severe outbreak of cholera in Jerusalem in 1866 [7, 265]. Yet scarcely was there settlement outside the Old City. For Jerusalemites at the time, the ancient city wall represented more than simply a decoration as in the modern eyes, it provided them with safety and security. Bedouin raiders and bandits commonly roamed the plains and deserts of Palestine after sunset, attacking and raiding every caravan or person they saw [14, 87]. Moreover, moving out of the city meant giving up every public and established institution an urban area could offer, including religious sites, schools, and shops. Therefore, settling outside the city walls of Jerusalem was no doubt a terrifying and difficult

decision to make and involved risking one's wealth and even one's own life.

The establishment and eventual success of Mishkenot Sha'ananim, nevertheless, was the first step for Jerusalemites, especially Jews, to begin the Exodus from the overcrowded Old City to a more independent and modern lifestyle [5,487]. Although this new neighborhood was a Jewish neighborhood, it nonetheless reflected the influence of European involvement in the city of Jerusalem. The brave and risky action of settling outside of the walls reflected the interests of influential, foreign benefactors, who aimed to further develop the city of Jerusalem. One way to illustrate this is to look at the role that Sir Moses Haim Montefiore played in establishing and supporting the founding of this Jewish neighborhood [5, 487]. Sir Moses Haim Montefiore was a Jewish-British philanthropist [1, 631–632]. Born as the son of a second-generation Italian immigrant living in London, he was a member of a large Sephardic family, who were the descendants of Jews exiled from Spain in the 1492 Expulsion. Montefiore had relatives across the entire Mediterranean and even in the New World, which possibly accounts for his frequent travels later in his life [1, 289]. Not following in the steps of his father, a merchant in cross-country trade, Montefiore made his fortune in the stock exchange and, like many Victorian businessmen, later scaled down his business and devoted himself to philanthropy and politics. This work earned him membership into the Board of Deputies, where he later served as president, as well as entrance into the Fellowship of Royal Society and an appointment as Sheriff of the City of London. In Queen Victoria's coronation year, Moses was granted the prestigious honor of knighthood [20, 636].

Beyond Montefiore's domestic achievements in England were his efforts at fighting against discrimination of Jews internationally. During his first trip to the Holy Land in 1827, he reverted to being a devoted and orthodox Jew, which later focused most of his attention on practicing his religion and help-

ing fellow Jews. He traveled to Egypt, the Ottoman Empire, Morocco, Russia, Romania, and many other countries to free falsely accused Jews, alleviate the living conditions of the local Jewry, and negotiate with various rulers to ameliorate the treatment of oppressed Jews [20, 636]. For the Jewish communities of Jerusalem especially, Sir Moses Montefiore represented more than simple philanthropy. He founded and promoted various programs for the education and development of the community, intending to render Jerusalemite Jews independent and self-reliant from diaspora charity [20, 636–637].

The neighborhood of Mishkenot Sha'ananim was built upon a shallow hill to the west of the Hinnom Valley, opposite to Mount Zion at the southernmost tip of the eastern ridge of ancient Jerusalem [5, 487]. The location of this new Jewish settlement was important because it stood relatively near the Jaffa gate, the western gate, and close to the historic Jewish Quarter of the Old City, reflecting an interest in maintaining a close physical relationship to the Jewish Community in the Old City. In order to understand the location of this new neighborhood we have to remember that the topography of the city to the south and east posed major obstacles for expansion, as the southern side is blocked by a long valley and the eastern side is covered by hills and mountains, forming natural boundaries for the ancient city and determining the flow of the defensive walls of the Old City [47, 14]. As a result, the only possible directions for expansion are to the west and south. For Sir Moses Montefiore, the decision of choosing the west side was not at all difficult. Traditionally the Jewish Quarter in the Old City lies in the southwestern part of the city, allowing most of its inhabitants to enter the quarter by accessing the Jaffa Gate. In contrast, the northern part of the city is occupied by the Arab Quarter, which historically did not have a friendly relationship with Jews. For the purpose of both assuring the safety of its residents and having easy access to the defense provided by the city walls, Mishkenot Sha'ananim, the first local neighborhood

settled outside the Old City, developed in a location very close to the Jaffa Gate. This strategic setting allowed some of its first inhabitants, fearful of nighttime Bedouin raiders, to run back to their small and crowded homes in the Jewish Quarter [5, 487].

The architectural style of the neighborhood also reflects the European influence from England. The neighborhood was constructed roughly at the same time as the Schneller and Russian compounds, which all demonstrate the different European architectural influences according to their respective countries [28, 74]. The English influence in this Jewish settlement can be seen in the decorative, structural cast-iron components, which were imported directly from England, as well as the flat, slightly-sloping roofs of the buildings, which stand out among the traditional domed roofs of local houses [28, 126]. Moreover, the building style of Mishkenot vividly reflects the deep worry of its first residents for safety and security, with the inclusion of defensive, crenelated parapets on the roofs; heavy, wooden doors covered with iron bands; and barred windows [28, 127]. Despite all these English characteristics, Mishkenot Sha'ananim reflected the work of the local stonemasons of Bethlehem, who actually built the neighborhood. This can be seen easily from the features of neighborhood's buildings, such as the stone-framed, ogive-arched windows and doorways [28, 126].

The American Settlement

The American Colony in Jerusalem was indeed one of the most unusual settlements in the Holy Land. Unlike most European settlements in the region, which, like the Templers, were established in the wilderness far away from the local communities of the Old City, the American Colony began within the city walls in 1881. Instead of "Colony" or "Settlement", the most appropriate name for the first stage of the American presence is perhaps "Community". Led by the Spafford's family, the American settlers first lived in a large communal building in the Muslim Quarter [9, 265]. This meant that compared to the other earlier settlements in Jerusalem outside the walls, the American

presence was first established within the northern sector of the Old City near the Damascus Gate, leading to constant and direct interactions between the settlers and local Muslims, Jews, and Christians.

The settling of the Spafford family in this area of the Old City would then form the springboard for the eventual establishment of an American colony just north of the Damascus Gate north of the Old City Walls [7, 240]. In this way, the movement of the Spafford family to the north of the Old City fell within a wider tradition of Protestant interest in this area of Jerusalem. For instance, British and American Protestants in the late nineteenth century had identified the place of Jesus' crucifixion and burial north of the city in what is known as Gordon's Calvary and the Garden Tomb [34, 199–216]. Beyond the fact that this area was directly north of the Muslim quarter, the topography of the Old City meant that there was no major valley to separate the Old City from the American Colony. Whereas deep valleys separated the Old City from the new neighborhoods constructed by the Templers and Jewish communities to the west and southwest, movement north of the Old City was not impeded by such natural barriers. This meant that most of the residents north of the Old City would also be Muslim, since it formed a natural bridge extending from the Muslim Quarter through the Damascus Gate.

The role that the topography played in the development of this neighborhood is illustrated by the movement of the Spaffords. When they left the Old City, the family took up residence in properties purchased from the Muslim Husseini Family [28, 123]. As the Old City became increasingly overcrowded, the number of colonists grew rapidly from 30 to 150 when more Swedish-American families from Chicago joined the community in the 1890s. This new wave of Swedish immigrants was led by Olof Larson, a charismatic leader who held similar religious beliefs as the Spaffords that the "Approach of the Last Day was imminent and they must hurry to meet their Lord in Jerusalem" [4, 646–647]. This movement

also transformed the colony from a purely philanthropic community to an economically independent settlement with successful farms and workshops, as many of the Swedish immigrants were skilled farmers and artisans [7, 240].

The founders of the colony, the Spafford Family, came from Chicago, Illinois. Heratio Spafford, a prosperous lawyer and a senior member of the local Presbyterian Church, lost all four of his daughters in a horrible maritime accident. Devastated and rejected by his own church, Heratio and his wife, Anna, remained in Chicago for another seven years, during which a daughter, Bertha, and a son, who later died due to an epidemic of scarlet fever, were born. In 1879, they organized several family friends and departed for the Holy Land together [4, 643–644]. Their original intention of coming to Jerusalem was never to settle down and form a colony, but instead to wait and witness the Second Coming of Christ on Mount Olives, which was predicted by a Scottish astronomer [29, 98]. When the prediction failed to materialize, the Americans, although frustrated, persisted and formed a philanthropic and benevolent settlement.

Bearing witness to the Second Coming of Christ was a central motivation for the settlement of many European colonies in the Holy Land during the Late Ottoman period. This event, which is one of the central beliefs in Christianity, holds that Jesus Christ, after his crucifixion, resurrection, and ascension into heaven, will return to the earth and begin the Final Judgment. The exact location of the return, however, is not specifically stated in the Bible. The common belief of many Christians, including the Spafford family, is that the Second Coming of Christ will take place on the Mount of Olives, for according to the Acts of the Apostles, Chapter 1, Jesus ascended to heaven on the Mount of Olives and “will return in the same way as you have seen him going into heaven” [Acts 16, 6–9]. This belief, therefore, might also have led to the later formation of the American Colony at the northern side of the Old City, since it provides a good view of the Mount of Olives, which lies to

the east of the Old City. What is interesting here is that Muslims in the city also held that the Last Judgment would take place at the bottom of the Mount of Olives in the Kidron Valley [21, 395]. Hence, this shared connection between the Spaffords and the Muslim families also reflect some of the similarities between Christians and Muslims about the location of the Final Judgment east of the city.

This motivation of mere waiting and anticipation of their own Messiah instead of spreading their faith to advance the establishment of the American Colony earned the Spaffords the most esteemed reputation among the locals out of all the European settlements [31, 70]. Missionary efforts were without any doubt one of the major reasons for the tension and conflicts between Europeans and the local residents in all parts of the world during the Colonial Period. One good example of this in the Holy Land is the hostile relationship between the British and traditional Jews of the Old City, who were greatly agitated by the relentless efforts of British missionaries to convert their fellow Jews to Christianity [5, 480]. Without this goal and combined with their strict adherence to political and religious neutrality, American colonists were able to forge good relationships with almost every group in Jerusalem. For example, they taught free of charge in the local Muslim and Jewish schools and their philanthropic efforts, including opening a soup kitchen; orphanage; and lace factory, where poor women could work, were open to people of all faiths [7, 240].

Moreover, the tolerance shown by Americans was quite novel and divergent from the traditional interactions in the local population. Indeed, for the past two thousand years, Christians, Muslims, and Jews have largely lived peacefully in the Holy Land, as they simply learned to tolerate the existence of each other. Despite this, there has never been a complete equality of religions, for differences always exist between brethren of the same faith and the heathens of another. The Ottoman Empire, for example, allowed people of different religions to live safely and

separately, still regarded the Christian and Jewish, “People of the Book,” as different and inferior [8, 15–17]. It was the open and charitable reputation as well as absolute compliance to neutrality which eventually helped the American Colony survive the troubled and changing times of 20th century, from the Ottoman Period, to the British Mandate, then to Jordanian control, and eventually the Israeli administration. Even today, the American Colony Hotel, which was directly remodeled from one of the original buildings of the American Colony, is one of the few places where Palestinians, Israelis, and foreigners can meet comfortably as equals [7, 240].

Conclusion

The establishment and development of European and local communities outside of the Old City represented the industrialization, modernization, and opening of the city of Jerusalem. As more and more European influence and immigrants poured into the Holy Land, the way of life in Jerusalem forever changed from an insignificant fortress city to a di-

verse and dynamic metropolis. First, the Templers from Germany brought with them machines and technologies, which transformed the local production methods and initiated the engine of industrialization in the Holy Land. Next, the founding of the Jewish settlement of Mishkenot Sha’ananim witnessed the British influence in the world and the beginning of the great Exodus from the overcrowded Old City. Finally, the Americans became the beacon of tolerance and neutrality, providing a peaceful resting place for Jerusalemites in the gradual, but inevitable intensification that defined religious and political activity in the 20th century. Jerusalem progressed along with and because of these settlements, as its people tried to find a place for themselves and their religions in the changing and developing world of the late 19th century. In this way, the arrival of these new settlements, like many of the older settlements inside of the walls, represented the fusion of religion, politics, and economics in the continued development of the city.

References:

1. Abigail Green. Sir Moses Montefiore and The Making of The “Jewish International”. *Journal of Modern Jewish Studies*, – 7:3; 2008. – P. 287–307.
2. Adar Arnon. “The Quarters of Jerusalem in the Ottoman Period.” *Middle Eastern Studies*. – Vol. 28. – No. 1. Taylor & Francis, Ltd., 1992. – P. 1–65.
3. Al-Salim Farid. *Palestine and the Decline of the Ottoman Empire: Modernization and the Path to Palestinian Statehood*. United Kingdom, I. B. Tauris. 2015.
4. Ariel Yaakov and Ruth Kark. “Messianism, Holiness, Charisma, and Community: The American-Swedish Colony in Jerusalem, 1881–1933.” *Church History*, – Vol. 65. – No. 4. 1996. – P. 641–657.
5. Armstrong Karen. *Jerusalem: One City, Three Faiths*. United Kingdom, Ballantine Books, 1997.
6. Asbridge Thomas. *The Crusades: The War for the Holy Land*. United Kingdom, Simon & Schuster UK, 2012.
7. Avner Amiri & Annabel Wharton. Home in Jerusalem: the American Colony and Palestinian suburban architecture, *Post-Medieval Archaeology*, – 45: 2. 2011. – P. 237–265.
8. Barkey Karen. “Islam and Toleration: Studying the Ottoman Imperial Model.” *International Journal of Politics, Culture, and Society*, – Vol. 19. – No. ½. Springer, 2005. – P. 5–19.
9. Ben-Arieh Y. “The Growth of Jerusalem in the Nineteenth Century.” *Annals of the Association of American Geographers*, – Vol. 65. – No. 2. [Association of American Geographers, Taylor & Francis, Ltd.]. 1975. – P. 252–69.
10. Benvenisti Meron. *City of Stone: The Hidden History of Jerusalem*. United States, University of California Press, 1996.

11. Boogert Maurits H. van den, and van den Boogert Maurits. *The Capitulations and the Ottoman Legal System: Qadis, Consuls, and Beraths in the 18th Century*. Netherlands, – Brill, 2005.
12. Brison D. Gooch. “A Century of Historiography on the Origins of the Crimean War.” *The American Historical Review*, – Vol. 62.– No. 1. [Oxford University Press, American Historical Association]. 1956.– P. 33–58.
13. *Christians and Jews in the Ottoman Empire*. United Kingdom, Lynne Rienner Publishers, Incorporated, 2014.
14. Cohen Amnon. *Economic Life in Ottoman Jerusalem*. United Kingdom. Cambridge University Press, 1989.
15. *Communal Societies: Journal of the Communal Studies Association* (Vol. 25. 2005) (ISSN0739–1250) Amana, Iowa: Communal Studies Association, 2005. CAVE. Softcover. White illus. wraps, – 210 p. VG- (slight edgewear). Item #135913
16. Coogan Michael D. *New Oxford Annotated Bible (New Revised Standard Version)*. Oxford: Oxford University Press, 2010.
17. Daniel Kessler. *The Jewish community in nineteenth century Palestine: evidence from the Montefiore censuses*, *Middle Eastern Studies*, – 52: 6. 2016.– P. 996–1010.
18. Golan Ya'acov. “A critical analysis of the plans for the preservation of four Templar colonies in Israel.” *The University of Arizona*, 1995.
19. Goldman Dan. *The Architecture of the Templers in Their Colonies in Eretz-Israel, 1868–1948, and Their Settlements in the United States, 1860–1925*. United States, Union Institute and University, 2003.
20. Green Abigail. “Rethinking Sir Moses Montefiore: Religion, Nationhood, and International Philanthropy in the Nineteenth Century.” *The American Historical Review*, – Vol. 110.– No. 3. [Oxford University Press, American Historical Association]. 2005.– P. 631–58.
21. Bloom J. “Nasir Khusraw’s Description of Jerusalem,” in *No Tapping in Philology: A Festschrift in Honor of Wheeler McIntosh Thackston Jr.’s 70th Birthday* (eds. A. Korangy and D.J. Sheffield; Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2014).
22. Jacobson Abigail. *From Empire to Empire: Jerusalem Between Ottoman and British Rule*. Syracuse University Press, 2011.
23. Kark Ruth. *Technological Innovation in Palestine: The Role of the German Templers Ruth Kark and Naftali Thalmann*. 2003.– P. 201–224.
24. Kark Ruth. “The Traditional Middle Eastern City: The Cases of Jerusalem and Jaffa During the Nineteenth Century.” *Zeitschrift Des Deutschen Palästina-Vereins*. (1953).– Vol. 97.– No. 1. Deutscher Verein zur Erforschung Palästinas, 1981.– P. 93–108.
25. Lawler Andrew. *Under Jerusalem: The Buried History of the World’s Most Contested City*. United States, Knopf Doubleday Publishing Group, 2021.
26. Movsesian Mark. *Elusive Equality: The Armenian Genocide and the Failure of Ottoman Legal Reform (May 5, 2010)*. St. John’s Legal Studies Research Paper No. 1600745. *Islamic Law and Law of the Muslim World Paper*, Forthcoming.
27. Naili Falestin. “Before the Templers: The Millenarist Settlement in Artas Part II.” *Jerusalem Quarterly* – 50. 2012.
28. Oren-Nordheim Michal and Kark Ruth. *Jerusalem and Its Environs: Quarters, Neighborhoods, Villages, 1800–1948*. Israel, Wayne State University Press, 2001.

29. Penny Johnson. Anna-s House, *Journal of Palestine Studies*,– 42:4. 2013.– P. 98–100.
30. Riley-Smith Jonathan Simon Christopher and Riley-Smith Jonathan. *The First Crusade and Idea of Crusading*. United Kingdom, Bloomsbury Academic, 2003.
31. Rory Miller. “Britain, Palestine, and Empire: The Mandate Years. United Kingdom”. Ashgate, 2010.
32. Rothenberg Gunther Erich and Király Béla K. *War and Society in East Central Europe: Insurrections, wars and the eastern crisis in the 1870 s*. United States, Brooklyn College Press, 1985.
33. Runciman Steven. *A History of the Crusades: – Vol. 1. The First Crusade and the Foundation of the Kingdom of Jerusalem*. United Kingdom, Cambridge University Press, 1951.
34. Ruth Kark & Seth J. Frantzman. The Protestant Garden Tomb in Jerusalem, Englishwomen, and a Land Transaction in Late Ottoman Palestine, *Palestine Exploration Quarterly*,– 142: 3. 2010.– P. 199–216.
35. Ruth Kark & Shimon Landman. The Establishment of Muslim Neighbourhoods in Jerusalem, Outside the Old City, During the Late Ottoman Period, *Palestine Exploration Quarterly*,– 112: 2. 1980.– P. 113–135.
36. Ruth Kark. A communication: Ottoman policy and U.S. attitudes regarding land purchase and settlement by American Jews in Palestine, *Studies in Zionism*,– 14: 2. 1993.– P. 211–218.
37. Ruth Kark. *Jewish Historical Studies: Transactions of the Jewish Historical Society of England*,– Vol. XXIX. 1982–1986.
38. Ruth Kark. Millenarian and Agricultural Settlement in The Holy Land In The Nineteenth Century, *Journal of Historical Geography*, 1983.
39. Salim Tamari, *Jerusalem 1948: The Arab Neighborhoods and their Fate in the War*, the Institute of Jerusalem Studies and Badil Resource Center, 2002.
40. Sanders E. *The Historical Figure of Jesus*. United Kingdom, Penguin Books Limited, 1995.
41. Stearns Peter N. *The Industrial Revolution in World History*. United Kingdom, Avalon Publishing, 2013.
42. “Story Map Journal.” *Ottoman Jerusalem (1517–1917)*. arcgis.com. November, 5. 2021.
43. Suzanne D. Rutland. “Buying out of the Matter”: Australia’s Role in Restitution for Templar Property in Israel, *Journal of Israeli History*,– 24: 1. 2005.– P. 135–154.
44. *The Australian People: An Encyclopedia of the Nation, Its People and Their Origins*. United Kingdom, Cambridge University Press, 2001.
45. Vlami Despina. *Trading with the Ottomans: The Levant Company in the Middle East*. United Kingdom, Bloomsbury Academic, 2015.
46. Behrens-Abouseif D. “The Political Situation of the Copts, 1798–1923,” in *Christians and Jews in the Ottoman Empire: The Abridged Edition*, ed. B. Braude (Boulder, CO: Lynne Rienner, 2014).– P. 325–346.
47. Dan Bahat. *The Illustrated Atlas of Jerusalem* (Jerusalem: Carta, 1996). – 14 p.

Section 4. Cultural studies

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-22-5-58-63>

Valerie Zou,
Professor Jake

DOES DEATH WITHIN CHILDREN'S FILMS AND LITERATURE MAKE IT EASIER FOR A CHILD TO DEAL WITH LOSS IN A MORE SYMBOLIC MANNER?

Abstract. When compared to films meant for adults, several studies have reported findings of the rate of deaths within children's films to be higher than the rate of deaths in movies targeted towards adults. Many researchers speculate that the reason for the higher percentage of violent and gory deaths of supporting roles in movies and literature targeted towards younger audiences allow children to have a higher exposure to the heavy topic of death. My research aims to show how the higher rate of deaths in children's films and the resulting increased exposure to this sensitive topic can help children cope better with many different types of loss throughout their lives.

Keyword: concept of death, childhood experiences, children's films, independent problem solving, movie characters as role model.

By providing case studies of the films *Finding Nemo*, *Coco*, *The Lion King*, and *Frozen* this paper will prove that death in children's media is not only being used to help children cope with death itself, but also losses like mental health, parental abandonment, confusing familial conflict, and older siblings distancing themselves during puberty or young adulthood. In the film *Finding Nemo*, Nemo has to navigate his way through his childhood with a mother figure around to support him. The sudden loss of his mother also ends up putting his father on an edge, and the viewers are introduced to some sort of anxiety induced mental illness. The film better exposes children and normalizes to them the different types of mental illnesses that they might see within their parents, peers, and maybe even themselves as they grow older. *Finding Nemo* also gives children an example of how Nemo manages to grow up with-

out a mom in his life, and reassures the viewer that they're not the only one going through the loss of a mom. In the next analyzed film, *Coco*, Miguel's family was once abandoned by his great-grandfather, and since then, even the very mention of Miguel's great-grandfather's name has been shunned from the family. Miguel is forced to wonder about his great-grandfather in silence, and he also has to learn about how his grandma grew up after her father abandoned their family. *Coco* normalizes to kids the questions expected to be asked about abandoned parental figures, and also normalizes how to healthily grapple with the mixed emotions that come with learning about abandonment. Another analyzed film was *The Lion King*, which although the topic was very subtle, still served as a symbolic way to reach out to kids and help make it easier for them to deal with the issue at hand. After Simba's dad dies, his mom is forced

to remarry Scar, the next suitable successor in line. Simba doesn't understand what's going on, and feels hurt and confused. This example can also symbolize divorce which is a big aspect in many children's lives. Throughout the film, children are able to relate to Simba's emotions and are also able to see that they're not alone and that other people are also facing the same struggles that they are. The last film analyzed was *Frozen*, in which the separation of the two sisters was a major plot point. Younger audiences may find this relatable in the sense of one of their siblings putting distance in between them due to external reasons such as college, puberty, and more. *Frozen* explores the emotions that Anna feels when Elsa refuses to come out of her room and play with her, and it also shows the audience that Anna's not at fault for the reason that Elsa is putting distance in between them. The film symbolizes to children that the sudden pull away of an older sibling is not always their fault, and that external factors must be included into the reason why the older sibling distanced themselves. *Frozen* also normalizes the feelings that a child would go through when their sibling refuses to play with them, and symbolizes to the viewers that no one is at fault for a distance between two siblings.

Introduction:

It's no surprise that children—as do adults—enjoy experiencing literature and movies with protagonists that experiences the same struggles they do, but because parents, teachers, and other authority figures often use movies as a way to open up discussion about sensitive topics, children become adept quite early towards reflecting on larger issues and themes that they may not have experienced, been exposed to, or even understand completely. The loss of any character in children's films and literature allows children to begin processing the idea of death easier, and can eventually lead to their ability to process it loss in a more symbolic manner. Not only are parents able to educate their children through death in movies, but the children themselves begin to grapple with other losses by extrapolating the lessons learned onto situations that

may be just as difficult, overwhelming, and confusing to them in their lack of experience about the world.

Children's films, despite being known for their innocence and light-heartedness, actually depict visions of death and violence much more than adult movies do. When observing some common trends of the deaths that occur in kids movies, a pattern of a parental figure passing away tragically emerges. Some examples of popular films that follow this narrative arc include the Disney and Pixar films *Finding Nemo*, *Coco*, *The Lion King*, and *Frozen*. According to a 2017 study conducted by Kelly Tenzek and Bonnie Nickels, over 80% of Disney and Pixar films that were mainly directed towards an audience of children, included some depiction of death. In an article for *The Atlantic Monthly*, editor Nicholas St. Fleur analyzes a study led by psychiatric epidemiologists Ian Colman and James Kirkbride regarding how many more deaths occur in children's movies versus ones meant for adults. The data collected ranged between the top grossing movies from years 1937 and 2013. Fleur writes that the researchers, "also found that the main cartoon characters in children's films were two-and-a-half times more likely to die, and three times as likely to be murdered, when compared with their counterparts in films for adults" (Fleur).

The explanation provided by Colman and his research team for why these traumatic deaths of important parental like figures are prominent within children's films is actually quite simple: children's films must contain so many deaths because they prove to be a superb driving reason for the protagonist to develop their herolike characteristics and to be able to fully develop their character without any parents holding them back. This strategy works due to the reason that when children are growing up, when they encounter any problem, most of the time, they run to their parents for help. If the parental role in question is eliminated, the protagonist would have to learn how to deal with this issue themselves, therefore being able to mature much faster, giving the movie a better plotline.

Because children aren't always exposed to heavy topics such as death or the sudden loss of a supporting figure in their life through other media or their own experiences, using movies as an opportunity to talk about death can be a useful framework for addressing the topic for many parents who may normally avoid the topic of death because of how dark and complex the subject is. Susanna Fogel, writer and producer of the series, *Chasing Life*, states that people usually avoid talking about death because it's too depressing. Still, she points out, death is a real thing and it's best to teach children about how it works and why it happens, as "the earlier we can address them in a thoughtful, sensitive way in entertainment, the earlier people can have the conversations they need to have with their support system" (Fogel). Movies and literature can allow for children to be able to grasp the concept of death before they have to struggle with the grief and confusion of actually losing someone they love by normalizing the topic, giving parents a method of being able to confront children with the topic of loss and help them grasp the concept of it.

Seeing these stories play out onscreen or reading about them in favorite books also helps children feel heard, seen, and understood. Danielle Lowe, an elementary educator located in New York, sheds light upon helping children that are exposed to sensitive subjects cope through literature. Lowe writes that, "[o]ften the reader is looking for a solution to his/her own personal life situation and feel[s] more at ease when learning that he/she is not the "only one" dealing with a life crisis" (Lowe). Lowe proves that through her years of educating younger students, one thing that she's found helps anchor them when they're struggling is reading literature. By learning about their situation or reading about a similar scenario through someone else's eyes, children are able to find comfort in the feeling of that similarity between them and the literature they're reading. Lowe also includes in her studies a reference to Sherron Killingsworth Roberts, a professor of language arts at

the University of Central Florida. Roberts states that life "does indeed call for real books: books that provide information, comfort, and models for coping with life's difficult times" (Roberts and Crawford). Another supporter of using movies or literature to help children learn how to grapple with loss better, Kristy Labardee, a marriage and family therapist that aids parents in strengthening their parental skills, states that movies, "can be a friendly way of introducing children to some difficult concepts and an age-appropriate way of normalizing an experience they may have already had" (Lovelace and Flesher). Through normalizing the hard subject of death within simple light-hearted movies, thoughts towards death can be turned from those of haunting and invasive, into thoughts of understanding and thoughtfulness.

The concept of loss that children can begin to understand through movies can stretch much further than death itself, though. This symbolic connection can be established when children lose a significant person in their life to something other than death such as imprisonment, military service, mental health, hospitalization, illegal substance usage, divorce, working long hours, and more. At such a young age, many children still haven't fully grasped the full situation regarding the disappearance of a loved one in their lives, but they can understand that the person is gone—just like the parents of their favorite characters. For some kids, using movies and onscreen deaths can serve as a prime example to display to kids the many different ways the loss of a parental figure or other important person in their life can occur. Though children's literature has recently evolved to begin including topics such as divorce and mental health that weren't previously discussed widely, death has always been a symbolic stand-in experience for children who are struggling to learn how to cope with their situation, whatever it may be.

Case Study 1, Finding Nemo:

The film *Finding Nemo*, about a little clownfish who must find his way home after getting lost in the ocean, is a perfect example of a film that uses the

death of a parent to help a child deal with other familial issues, especially mental health. Immediately in the opening scene we see the titular character Nemo's mom being killed off by a barracuda. Nemo is the only one of her eggs to survive the attack. This leaves Nemo and his dad, Marlin, to navigate the big sea world by themselves. As Nemo learns how to grow up without a mother figure in his life, he also begins to learn that his dad is always nervous and is extremely. Marlin's nervous persona and his frantic actions whenever he can't keep Nemo in his sight can mimic that of a human anxiety-induced disorder, obsessive compulsive disorder, or even a side effect of depression caused by the mom's death.

Mental health isn't a widely discussed topic between parents and their children, however, through *Finding Nemo*, a good opportunity is provided to discuss why some people might act like Marlin after certain events and to explain what's going on. The film also allows for children to be able to relate to the anxiety that they see Marlin going through and to realize that seeing it in a parent or even in themselves is totally ok. By directing the immediate death of Nemo's mom and the symbolized mental disorders found in Nemo's dad, the director/writers of *Finding Nemo* were able to incorporate heavy topics into a lighthearted children's movie in order to better expose or provide to children better ways of coping with what might be going on in their lives.

Case study 2, *Coco*:

In the film *Coco*, the theme of abandonment by a father plays prominently into the lack of a father figure within the household that many children experience while growing up. The lack of a father figure can be interpreted in multiple ways including death, disappearance, being unavailable, abandonment, divorce, and even simply not having enough time to spend with their kid due to work or military deployment. This abandonment—whether intended on the father's part or not—can leave a child feeling hurt, confused. Thoughts and beliefs that it was their fault can enter their brain, muddling their thoughts.

Coco offers children struggling with parental abandonment in any form a relatable character in its main protagonist, Miguel.

Miguel struggles with his family not discussing his great-grandfather because he abandoned them when his daughter was born. Due to this, his entire family shuns Miguel's great-grandfather's very name, along with any memories of him. However, Miguel still thinks about his great-grandfather from time to time, and often wonders about him and what could have compelled him to leave the family and never return. These questions and scenarios that Miguel grows up imagining towards the disappearance of his great-grandfather explore the possible questions that other children with an unavailable parental figure might also struggle with. The film, *Coco*, gives children the possibility to relate with Miguel and also learn how to grapple with the disappearance of a father figure in their lives. By giving children exposure to the feeling of abandonment by a parent, and normalizing the questions that are to be expected from a child when they become curious about the disappearance of their parent, *Coco* can help children learn how to cope with the mixed emotions they feel about parental abandonment.

Case study 3, the *Lion King*:

While it may be more subtle, *The Lion King* also hints at the confusion that can occur when a new parental figure comes into the home. When Simba's dad dies, the topic of Simba's mom having to remarry Scar is brought up within the movie. Throughout this all, Simba feels lost and confused, and finds it hard to understand what's going on—eventually literally being sent into exile by the evil uncle who killed his father. This remarriage and confusion afterwards symbolizes the common theme of divorce that many children may grow up to see within their homes or that of their friends.

Divorce tends to be a hard topic to bring up to kids, and most kids typically don't understand why their parents are now living apart or why new people may now be more important in their parents' lives.

When not explained properly, children might assume that they're to blame for their parents parting, or maybe even feel betrayed that their parents aren't together anymore. This betrayal and guilt could lead to further anxiety, and loss of trust between the parents and the child. However, through *The Lion King*, children can learn how to grapple with the confusing decisions that adults make, and what to do when they're left in the dark about these big decisions. Because we see that Simba's mother didn't have any control over the evil Scar's treatment of Simba, children may realize that sometimes adults do things for reasons other than that they don't love them. Being able to relate to Simba throughout this process might also reassure the child that they're not the only ones going through this, and that there are other people who also share the same experience that they have, signifying to them that they're not alone in this world, an important and comforting thought during a confusing and bewildering time in their lives.

Case study 4, Frozen:

Parents aren't the only people children look up to, and in *Frozen* the death of the parents forces Anna to deal with the alienation she feels when her sister distances herself afterwards. While there is a good reason for this that she doesn't understand, on the surface it mimics the "abandonment" that children may feel when an older sibling distances themselves during puberty, if they leave for college, and other situations involving the sudden loss of a sibling in their lives.

When Elsa first discovers that her parents are dead, she immediately locks herself in her room, afraid to hurt anyone else with her powers. However, as the years go on and Elsa continues to refuse to open her door and talk with Anna, the two sisters begin to lose their connection, and Anna feels as if she's being abandoned by her sister. Confused and hurt, Anna often sits outside Elsa's door and begs her to come outside and play with her, but Elsa refuses. Anna's feeling of abandonment by her sister symbolizes all different types of losses of siblings, but

it highlights one loss in particular, the emotional loss of a sibling. The fact that Elsa's distance is due to a physical power that she can't control also symbolizes the bewildering effects of puberty on both the adolescent and the younger siblings.

For many children, when their siblings head off to college, or otherwise distance themselves for any sort of reason, including closing themselves off emotionally, children automatically think that they perhaps are at fault, or that they're unwanted in their sibling's life. In most cases, this isn't true, and it's another external force that's keeping the older sibling away from the younger sibling. In *Frozen*, the film normalizes for the viewer and makes it clear that even though Elsa was pulling away from Anna, it wasn't because of something that Anna did, it was because Elsa didn't want to accidentally hurt Anna once more. The relationship between the two sisters can symbolize many things, but one of its main purposes is to serve as an example to children that even though a sibling is trying to distance themselves from them, that sometimes they don't necessarily want to, and that it isn't anyone's fault for the distance that's being required between them.

Conclusion:

Due to the fact that movies and literature are easily accessible and provide such a good opportunity to educate children about death, using them as a way to help teach children how to cope with loss early on in life has proven itself to be an excellent form of bringing such a heavy topic to younger audiences. Talking about dark subjects earlier on in life not only helps encourage children to find a reliable support system to turn to when they do have to face an issue in real life, but it also teaches children how to face the concept of death in a more constructive way and learn how to deal with it on their own. By seeing the characters they want to emulate experience and cope with death, children can be encouraged into thinking about death and loss in a more sensitive way, rather than letting the frightening and mysterious concepts haunt them.

References:

1. Lowe Danielle. Helping Children Cope through Literature URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ864819.pdf>.
2. Fleur Nicholas St. "Kids' Movies Are Full of Death." The Atlantic, Atlantic Media Company, 17 Dec. 2014. URL: <https://www.theatlantic.com/entertainment/archive/2014/12/why-kids-movies-are-full-of-death/383819>
3. Winconek Stacey. "Death and Disney: How Movies Help Kids Learn about Death." Detroit and Ann Arbor Metro Parent, 6 Mar. 2020. URL: <https://www.metroparent.com/parenting/advice/death-and-disney-how-movies-help-kids-learn-about-death>
4. Lovelace Grace and Erika Flesher. "Perspective | When Death Goes to the Movies: How to Help Kids Cope with the Scary Stuff." The Washington Post, WP Company, 26 June, 2019. URL: <https://www.washingtonpost.com/lifestyle/2019/07/02/when-death-goes-movies-how-help-kids-cope-with-scary-stuff>
5. Cox Meredith et al. Death in Disney Films: Implications for Children's Understanding of Death. URL: <https://sites.ualberta.ca/~jenny/PDFs/16913954.pdf>.
6. Cohen Sandy. "Why Death Is Common in Kids' Films and How Parents Can Cope." Spokesman.com, The Spokesman-Review, 8 Dec. 2015. URL: <https://www.spokesman.com/stories/2015/dec/10/why-death-is-common-in-kids-films-and-how-parents>
7. Lo Alex. "Deaths in Children's Movies Can Be Sources of Trauma." South China Morning Post, 10 Dec. 2020. URL: <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3113436/deaths-childrens-movies-can-be-sources-trauma>
8. Manser Matt. "Every Time a Children's TV Show or Movie Dealt with Death." Ranker, 22 Sept. 2022. URL: <https://www.ranker.com/list/kids-entertainment-about-death/matt-manser>

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-22-5-64-70>

*Nikiforova Sofya,
Russian Academy of Sciences,
Institute of Sociology, Fellow Researcher*

LILITH AND SALOME: JUDAIC AND CHRISTIAN MYTHOLOGICAL CHARACTERS BECOMING “FEMME FATALE” IN THE MIDDLE AGES AND IN THE 19th CENTURY

Abstract. The article explores the stories of Lilith and Salome in relation to the construction of the “femme fatale” image in the Middle Ages (for Lilith) and in the 19th century (for Salome). Myths, history and artistic representations of both women are studied in order to reveal the similarities in treatment of Lilith and Salome in Christianity and Judaism.

Keywords: Lilith, Salome, Femme Fatale, Christianity, Judaism, Feminism.

Introduction

Lilith and Salome are highly illustrious characters from Judaic and Christian literature, although initially they were barely touched in the religious and mythological texts. However, both women have gradually become prominent examples of the “femme fatale” stock character despite the fact that they did not appear as seductive females in the texts where they were first mentioned. It seems that the process of stipulation around these characters started long ago and reached the pick in the Middle Ages (for Lilith) and in the 19th century (for Salome), when the misogyny was notoriously widespread.

The characters of Lilith and Salome do not come from the same religious or folklore sources, although they both still metaphorically reside within Judaic and Christian mythologies which are partially interconnected. Lilith as a legendary figure appears to be older than Salome who is mentioned in the New Testament and may be considered a historical character. The historical path of Salome is considerably more straightforward and clear compared to one of Lilith whose legend comes from Judaic, Mesopotamian (Akkadian, Babylonian and Assyrian) and Greco-Roman mythology. However, despite all the differences, Lilith and Salome seem to be similar to each other in relation to the stipulation

around them. Both women gained a reputation of seductive “femme fatale”, although initially Lilith was meant to be a nocturnal animal, while Salome was a little girl whispered by her mother during her alleged involvement in the death of John the Baptist; moreover, both women were only mentioned in a few lines of text, but these lines resulted in centuries of construction of notorious images of Lilith and Salome. Furthermore, Lilith and Salome inspired generations of artists and writers who were depicting these females as vicious demonesses, and both women gained excessive attention at a certain period of time – the Middle Ages and the 19th century. The article seeks to explore the construction of the “femme fatale” image in relation to Lilith and Salome and to search for similarities in the treatment of these characters in the Medieval Times (Lilith) and in the 19th century (Salome).

Femme Fatale Archetype

The “femme fatale” character has been highly popular in literature and arts since ancient times. A wide range of seductive females who bear danger to men come from myths, folklore, Bible, and classical history. “Femme fatale” is a woman who is extremely attractive, and it is the beauty and lust of this woman which are lethal for men. This woman seduces the

man, lulls his caution, and eventually brings him to death. The ancient examples of "femme fatale" include Lilith, Salome, Medea, Delilah, Inanna and etc. Some scholars even consider Eve as adherent to this archetype, although there is a debate regarding this matter. For example, Coleman [1] "challenges the feminist, Old Testament and systematic theologian to reconsider their interpretation of Genesis 3, especially, the woman's role as a femme fatale". Contemporary "femme fatale" figures are, for instance, the character of Brigid O'Shaughnessy from the movie "The Maltese Falcon" (1941) played by Mary Astor; Catwoman from the Batman comic books; Amanda Knox, a woman wrongfully accused of a murder, who gained considerable attention being labeled as "femme fatale"; etc.

The myth of "femme fatale" is important in relation to its potential to assist in interpreting the nature of misogyny and patriarchy. As Franz Meier (in Böker, Corballis and Hibbard, [2]) states, "Lilith, Medeas, Salomes and Sphinxes populated not only canvasses, books and theaters, but also the male imagination and even the so-called reality of the *demi monde*" [2, p. 118]. While myths and stereotypes may seem harmless at first glance, they play a significant role in the construction and reproduction of reality. Roland Barthes [3, p. 113] claimed that the task of the myth is to turn history into nature. Along the same lines, the employment of the image of "femme fatale" considerably contributed to the misogyny in different periods of history. Women presented as "femme fatale" (in books, paintings, films and etc.) were used as reminders that female attractiveness is dangerous and harmful, while women themselves are naturally vicious. The stories of Lilith and Salome are the examples of this "myth manipulation".

Lilith

Lilith appears to be an ambiguous character whose legendary background varies from her being a night owl to her being the first wife of Adam. While the latter version of Lilith's biography seems to be more well-known than the former, it is important

to note that "Lilith" was indeed initially an appellation for a nocturnal animal or a night demoness. It is the history of "Lilith" transforming from an owl or a spirit to the Adam's wife who was banished for disobedience which is interesting in relation to construction of the image of "femme fatale".

Ancient Mesopotamian and Jewish literature possesses certain references to Lilith, although the texts do not provide enough information to infer what "Lilith" was. While considering the etymology of the romanized word "Lilith", it appears that the translations from Akkadian (*lili* and *lilitu* mean "spirits", while *lilu* means "evening"), Sumerian (*lili* means "demoness") and Hebrew (*lilit* means "night demoness" or "witch") constituted the initial basis upon which the myths surrounding Lilith started to emerge. In Mesopotamian mythology "Lilith" was taking different forms, although most of them adhere to the image of a night bird/nocturnal spirit. Moreover, Lilith is mentioned in plural, suggesting certain creatures, not a single woman. Babylonian mythology contains the earliest mentioning of "Lilith", and the legend behind this character is concerned with a night creature who bears danger to pregnant women and young men. In turn, in the Hebrew Bible (in Isaiah 34) she is mentioned once, in singular form but without capital letter, suggesting her becoming a common noun. Apparently, Jewish audience was familiar with the Mesopotamian myths regarding Lilith. In one of the oldest Hebrew manuscript, "Dead Sea Scrolls", Lilith is mentioned among different vicious creatures. She appears in a singular form with a capital letter, thus gradually becoming a particular mythological woman. In the Babylonian Talmud Lilith got more references. The authors of the Talmud seemed to come to a consensus regarding Lilith: she appears as a compilation of Mesopotamian and Judaic myths, being a nocturnal she-demon with wings and long hair, bearing grave danger to men and pregnant women. It becomes evident that the initial translations of Lilith as spirit/evening/night/demoness/witch have complemented each other and contributed to the

production of an image of a she-demon who hunts at nights, deceive men, and kill children.

Although the image of Lilith was already dark and dangerous, it is in the Middle Ages when the character gained excessive attention and became a “femme fatale”. This period of history was characterized with a substantial level of misogyny. Although there were some interludes, for example, a period of “courtly love” in the High Middle Ages, when a woman was treated as a divine gift (although a still misogynistic period), the Middle Ages in relation to both Christian and Judaic traditions were characterized by a highly suspicious attitude towards women. Early Middle Ages, or the Dark Ages, were marked by extensive Christianization of Europe. The people were taking the religious texts literally and performing their religious duties with obedience. Moreover, in some European societies the Second Coming of Jesus was expected to happen in the year 1000. The atmosphere of fear, religious fanaticism, and relative novelty of traditions contributed to the rising misogyny. The religious texts were composed by men, and there were comparatively more vicious female figures there than good ones. Following the Eve’s fall into sin, women were presented as naturally irrational and disobedient creatures who are needed to be controlled and suppressed. This was a flourishing field for the myth of Lilith to gain popularity and new readings.

The Alphabet of Sirach, written in the Early Middle Ages, became a catalyzer for the creation of the Lilith’s reading as “femme fatale”. A pseudepigraphical text that contained folklore proverbs appears to be the first to introduce Lilith as Adam’s first wife. From this point Lilith became known as “femme fatale”. It seems that a man was needed to be added in the story of Lilith for the myth of her being “femme fatale” to flourish. Before, she was something like a collective image of vicious demonesses. She was mystical and mythical, but not religious or biblical figure. However, with the introduction of the storyline of her being in a relationship with Adam made her a “real” character and a “real femme fatale”. From now on, Lilith

was considered a part of the Genesis/Creation narrative, a character from the creation myth. Apparently, Lilith gained such popularity because of the importance of the story she was put in by the authors of the Alphabet of Sirach. Being the wife of the *first man* and thus *the first woman*, Lilith became an important part of the story of Adam and Eve. The motives of placing her in the Genesis/Creation narrative remain unclear, however, there are recent attempts to understand the reasons why Lilith was presented as Eve’s predecessor. For example, Kosior [4] claims that the Alphabet was written with an intention to “promote positive image of Eve”. Eve was widely perceived as almost the first “femme fatale”; her role in the Original Sin was obviously leading and negative. However, there were considerable ambiguities related to her image. Kosior provides examples of questions that could have been asked by a religious text’s reader: 1) Is Eve identical to the first woman? 2) Was Eve and the Serpent the same figure from the beginning?. Such questions could have needed answers, and the introduction of Lilith as a vicious predecessor of Eve helped to upgrade Eve’s tarnished reputation. Lilith was a perfect scapegoat who could be blamed for “crimes” even more inconceivable than Eve’s ones. Eve was surrounded by ambiguity, but Lilith became literate representation of female natural vices. Her image complied with the medieval attitudes towards women as being greedy, disobedient, uncontrollable, sexually perverse and irrational.

The myth of Lilith (composed from different sources, including the Alphabet) as being the first wife of Adam can be summarized as follows: Lilith was Adam’s first wife, but she disagreed to be inferior to him; she wanted equality due to the fact that she and Adam were made from the same clay and at the same moment, but it was not what a woman could have asked for; she was banished from the Garden of Eden (or she left it in her own will) for being disobedient and became a demoness whose children are destined to die and who hurts other mothers’ children, but only those who do not have a special

amulet which protects a child from Lilith. There are a plethora of other medieval myths regarding Lilith, for example her being connected to the King of the Demons – Asmodeus, and thus being the Queen of the Demons (Schwartz [5]). However, all of these myths are similar in a way that Lilith is presented as a coherent vicious “femme fatale” character. While initially Lilith was more of a collective image of nocturnal demonesses, in the Middle Ages she appears as a solid mythological/religious figure and an embodiment of “femme fatale” archetype.

Lilith inspired a significant number of writers, poets and painters. The ginger “femme fatale” can be found in both Western and Judaic literature and art. One of the most famous depictions of Lilith is the painting “Lady Lilith” by Dante Gabriel Rossetti (1866–1868, 1872–1873). Lilith’s image continued to be popular in the Renaissance, in the Romantic Period, and even in the contemporary era. For example, in the famous book series “The Chronicles of Narnia” it is said that the White Witch is a descendant of Lilith. Today, Lilith is considered to be a Jewish feminist symbol, an empowered woman who did not want to be submissive in relation to Adam. However, this was not always the case: for centuries, Lilith was perceived as a vicious “femme fatale”, a creature of evil who bears grave danger to men.

This is how Lilith appears in “Faust: The First Part of the Tragedy” (Greenberg translation [6]):

Faust:

Lilith? Who is that?

Mephistopheles:

Adam’s wife, his first. Beware of her.

Her beauty’s one boast is her dangerous hair.

When Lilith winds it tight around young men

She doesn’t soon let go of them again.

...

The Pretty Witch (*Lilith*):

Ever since the days of Eden

Apples have been man’s desire.

How overjoyed I am to think, sir,

Apples grow, too, in my garden.

Salome

Salome is a biblical character, she was a daughter of Herodias and a step-daughter of Herod Antipas. She is mentioned in the New Testament, in particular in the gospels of Matthew and Mark. The narratives of Matthew and Mark are relatively similar. To summarize the storyline of Salome, she was dancing at Herod’s birthday feast, and she pleased him so that he promised her to fulfill one wish of hers. She asked her mother for a piece of advice, and Herodias recommended her to demand the head of John the Baptist. Salome did what Herodias told her, and Herod killed John the Baptist despite being sorry (both Matthew and Mark highlight that Herod did not want the death of John).

Salome is also mentioned in Josephus’s “Jewish Antiquities”. However, Josephus did not report Salome’s dance or her involvement in the murder of John the Baptist. And this is where the uncertainty regarding Salome’s story comes from. As Neginsky [7] asks, why did Josephus keep silence regarding such an important detail of John’s death, if he (*Josephus*) was relatively straightforward in criticizing rulers and praising John? Was he unaware of Salome’s notorious dance, or is the whole Salome’s storyline simply fictional? Furthermore, there is a following historical detail: early Roman feasts were split into two parts – one for the eating, another for philosophical discussion, entertainment, or religious rituals. The second part of the evening was not appropriate for women and children to attend (Corley (1989) in Neginsky [7]). That is why the question arises – how could Salome and her mother take part in the festivities. Moreover, how could Salome perform a dance? As Psichari [8] claims, a princess as Salome could not possibly dance in front of men in the evening. Given these two arguments, the story of Salome seems to be more mythological than historical. A folklore tale, an astonishing detail that helped the authors of the Gospels to attract the attention of the readers. However, despite being possibly wrongfully portrayed in a couple of lines in the Gospels,

Salome gained a reputation of “femme fatale”. How did it happen?

From a historical point of view, Salome was a little girl at the time of the alleged performance of the dance. She should have been around 12 years. However, this age did not save her from becoming a “femme fatale”. Her story did not get widespread attention during Middle Ages (as Lilith’s legend), but the interest in Salome started to emerge approximately in the Early Modern Period. Prominent Renaissance painters depicted her either during the dance (Fra Filippo Lippi, 15th century) or with the head of John the Baptist (Titian, 1515; Charles Mellin, 16–17th centuries). These early images of Salome present her as a girl (who she was) and not yet a woman. In Lippi’s painting she has a sad, pensive face; Titian’s Salome looks innocent and young (despite having John’s head in her hands); Mellin depicts her as a more mature lady, but she is still a girl, not a woman. These images comply more with the archetype of “fille fatale” rather than “femme fatale”. The former term means an underage “femme fatale” – a girl who leads men to death. This sexualization of “fille fatale” make the archetype resemble the “nymphet” (Nabokov’s *Lolita*, for example). If interpreting Salome’s alleged behavior at the feast through the lens of her being a nymphet, she is probably dancing out of her frankness; she is not shy, she is open and vivid; she knows that people (and especially men) like looking at her and she allows them to watch her dance; she is not seducing intentionally, she is just naturally attractive; she looks more like a young woman rather than a girl, and she is not yet aware of all of her power over men. This is probably what Early Modern artists were implying while depicting Salome – she is a “fille fatale”, a girl who is not as cold and calculating as “femme fatale”. She remains innocent even after asking for John’s the Baptist murder. She has a potential to become “femme fatale”, but for now she is just a girl.

In the 19th century Salome’s myth changes the trajectory. She gradually becomes an intentionally

seductive “femme fatale” instead of an innocent nymphet. As Kaye and Denisoff [9] state, “nineteenth-century painters generally downplayed nymphet-Salomes in favor of predatory femmes fatales”, although there were exceptions. There seems to be a scholarly consensus that Salome became “femme fatale” as a part of an unspoken campaign against women. The 19th century was characterized by a significant success of the feminist movement. Women began to acquire more rights, they started to work in order to have their own money. Female sexuality could not be restrained any longer; despite all the attempts to control women’s bodies even nowadays (for example, abortion legislations), it is obvious that the feminist movement of the 19th did something irrevocable in terms of revolving against patriarchy. Such a societal shift resulted in aggression towards women and fear of female sexuality. The “femme fatale” stock image flourished during that period, and Salome’s legend became a part of this construction of a generation of “femme fatale”.

A girl covered in heavy clothes and with hair updo (pulled back or hidden under a headwear) is transformed into a seductive woman with less and less fabric on her body in each new painting. Her breasts and legs can be seen, and she has loose hair. She dances with lust and passion, and she is aware of her own beauty and allure. Henri Regnault’s “Salome” (1870) is only partially covered in translucent fabric; her dress is slipping off her shoulder; her hair is loose. She smiles with satisfaction; she is playful and vivid, she is not yet cold and calculating. In Moreau’s illustration (1876) Salome is has a translucent robe that covers only intimate parts of her body. She confidently and with no regret points to John’s the Baptist head with her hand. The year 1896 is a “fatal” year for Salome as “femme fatale”. Oscar Wilde depicts her in a tragedy “Salome” as a fully fledged “femme fatale” – a calculating and vicious woman who tries to seduce John the Baptist, but after his rejection of her flirtations she bewitches Herod with her dance of the seven veils and asks for John’s head.

The ending of the story is traditional for the "femme fatale" stock image: Salome is killed by Herod's people for her role in the murder of John. Herod is presented as innocent and grieving – he did not want to kill John, but he *had* to obey Salome's will. This is an important detail – as Neginsky [7] claims in her in-depth analysis of Salome's story, Herod's attitude towards John was not that univocal. He could have respected John for his charisma and preachments, but he also could have been jealous of John's leadership skills and could have been afraid of John starting an insurrection among people. So, he could have been satisfied with the murder of John, he could have even been involved. However, in Wilde's "Salome" he is unambiguously innocent, while Salome and Herodias are both vicious and calculating "femme fatale". Beardsley's illustrations for Wilde's play are also representative: Salome and Herodias are depicted as attractive conspirators, possibly plotting against John the Baptist. Constantine Cavafy produced a poetic representation of Salome in the same year as Wilde presented his tragedy. In Cavafy's piece Salome is trapped in the the same storyline as in Wilde's play: she is a "femme fatale" who was rejected by John. She is mad at him and therefore she decides to kill him. Cavafy writes that John "was indifferent to the charms of love", metaphorically making Salome a witch who tries to cast a spell on John by being seductive and attractive. However, John (as a male protagonist) resists her witchery, and the displeased temptress decides to lead him to death.

In the painting by Franz von Stuck (1906) Salome gets the image that is probably most often assigned to her – she is half naked, her breasts are perfectly seen, and she is in a seductive dance pose, full of lust and joy. In the dark background the head of John can be seen, suggesting that Salome continues to dance with passion and happiness even after John dies. While in Wilde's play Salome (despite being a "femme fatale") is kissing John's lips after he dies, suggesting that she is just an unhappy woman who became mad after being rejected by her love interest

(a popular trope that interprets "femme fatale" as a lonely dissatisfied woman who takes revenge on men out of her frustration), Stuck's Salome is the culmination of her being a cold, calculating and heartless seductress who is not actually interested in John. She is just amusing herself by dancing and taking part in the murder of John. Gaston Bussière continues this tradition of depicting Salome naked. In his painting she only has a small piece of golden cloth that wraps her hips and a rich headdress. She is dancing with a happy smile on her face. The characters of Salome in subsequent plays and ballets mostly draw from these images of Salome, seducing and half-naked.

Obviously, these depictions of Salome are distant from her early images and from Salome's "real" story itself. From a historical point of view, Salome as a princess could not perform "a dance of seven veils" being half naked and among men. Moreover, Herod Antipas was not unambiguously innocent character in the story of Salome. However, the 19th century brought the image of Salome as a true "femme fatale" – passionate but cold, seducing, calculating and vicious. Only the end of the 20th century signified a new turn in Salome's character interpretations. Critical studies reveal that she could not perform a dance being naked, or that she could not simply attend a second half of the Herod's feast. Moreover, her willingness to kill John is doubtful – even in the Gospels it is stated that she was whispered by her mother. Also, she was just a girl and could not possibly be a woman, especially "fatal woman". However, despite these arguments, Salome, who was only briefly mentioned in the Gospels, became an illustrious representation "femme fatale".

Conclusion

In the Middle Ages men used such legends as the one of Lilith in order to preventively restrain women by spreading the information regarding their lust and irrationality. Clerics, philosophers and politicians succeeded in this activity, and the society fell into misogynist trap for a long period of time. One of the culminations of this misogyny is probably the

witch hunt and the phenomenon of burning redhead women due to their hair color. How strongly could have Lilith's legend impacted these processes given that Lilith is thought to have long ginger hair?

In 19th century, by contrast, women were already empowered in some way, and the fear of female sexuality and subsequent misogyny contributed to the revival of the "femme fatale" stigma on a whole new level. This archetype in art, film and literature was used in order to demonstrate the consequences of female emancipation that had already started to happen. It was not a preventive strike as in the Middle Ages, it was a post-traumatic cry for help after women's empowerment process was launched.

Both Lilith and Salome became "femme fatale" despite being only briefly mentioned in the texts. Initially, both their stories were relatively distant from "femme fatale" discourse. Lilith was a nocturnal animal, Salome was a little girl. However, both characters became a part of unspoken campaigns against women. Their stories and legends were used as symbols of female lust, vices and irrationality. Lilith and Salome went a long way of image transformation; they became the embodiments of evil in the Middle Ages and in the 19th century, respectively. However, both women's reputations were vindicated in the 20th century by numerous feminist scholars who were critically reinterpreting Lilith's and Salome's stories.

References:

1. Coleman R. Was Eve the first femme fatale? // *Verbum et Ecclesia*. – T. 42. – № . 1. 2021. – C. 1–9.
2. Böker U., Corballis R., Hibbard J. A. (ed.). *The Importance of Reinventing Oscar: Versions of Wilde During the Last 100 Years*. – Rodopi, 2002. – T. 61.
3. Barthes R. *Mythologies: The complete edition* // NY: Hill and Wang. 2012.
4. Kosior W. A Tale of Two Sisters: The Image of Eve in Early Rabbinic Literature and Its Influence on the Portrayal of Lilith in the Alphabet of Ben Sira // *Nashim: A Journal of Jewish Women's Studies & Gender Issues*. – № . 32. 2018. – C. 112–130.
5. Schwartz H. *Tree of souls: The mythology of Judaism*. – Oxford University Press, 2006.
6. Goethe J. W. *Faust: A Tragedy, Part One*. – New Haven: Yale University Press, 1992.
7. Neginsky R. *Salome: The Image of a Woman Who Never Was; Salome*. – Cambridge Scholars Publishing, 2014.
8. Psichari J. Jean Psichari. *Salomé et la décollation de saint Jean-Baptiste*. – E. Leroux, 1915. – T. 67.
9. Kaye R. A., Denisoff D. *Salome's Lost Childhood: Wilde's Daughter of Sodom, Jugendstil Culture, and the Queer Afterlife of a Decadent Myth* // *The Nineteenth-Century Child and Consumer Culture*. 2008. – C. 119–34.

Section 5. Philology and linguistics

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-22-5-71-76>

*Madieva Madina,
Faculty of light industry and chemical technologies,
Termez Institute of engineering and technology,
Termez, Uzbekistan*

ENGLISH-LANGUAGE BRANDS AND THEIR TRANSLATION CONVENTIONS IN UZBEK

Abstract. Attracting new customers and gaining the attention and trust of the target audience is one of the key tasks for the development of businesses of any size and scope. Brand cannot be considered the object of one science because of its integrative nature, special social specificity and complex structure that can be interpreted in different scientific paradigms.

Accordingly, brand research today is conducted in the context of various sciences: psychology, sociology, marketing, philosophy, culturology, law and, finally, linguistics. This article presents an attempt to consider brand communication from the linguistics point of view.

The possibility of linguistic interpretation is explained by the fact that the communicative approach to brand and branding is distinguished in the works of specialists of other sciences.

Keywords: Onimas, eponymous translation methods, transcription, borrowings, transliteration, practical transcription, direct transfer.

Introduction

The language of business is not a set of words, but a clear and well-thought – out structure that includes brand names, complex ideas and popular stories with deep meaning. Almost all of these elements, with a few exceptions, are figures of speech that affect the behavior of customers, customers, employees, and most importantly, make a profit. The behavior of market participants is largely determined by the language of business.

In modern society, the brand and its linguistic semantics act as one of the mental units of the language picture of the world, accumulating various associative images, concepts, representations, atti-

tudes, evaluations, which are realized in English and other languages.

Semantic keys of the business picture of the world are pragmatism, rational perception of time, optimism, expansion, constructiveness, communicativeness, project thinking [1]. Semantic and conceptual filling of a brand name is carried out on the basis of revealing and analysis of methods of formation of brand names.

If we consider brands as our own names, onimas, then their representation in bilingual and linguistic dictionaries assumes their translation into Russian and Uzbek, more precisely, finding their Russian-language matches. Traditionally, there are several borrowing

methods and “eponymous translation methods [2]” such as calculating, transliteration, or transliteration, transcription, while some other authors also refer to practical transcription. T. I. Arbekova writes: “They do not differ in their mechanism, they differ in their final results: the translation does not increase the vocabulary, while borrowing in the language, new vocabulary units appear [2]. In fact, in the case of brands, one can sometimes observe the addition of new lexical units to the dictionary of the Russian language, obtained through their translation, more precisely, their transmission from English and other languages. But this happens as they become appeals and is a longer process than the penetration and assimilation of borrowings. Answering the question of why such borrowing of brands takes place is also necessary. In this case, borrowing fills a gap in the language system. The transition to the conceptual sphere of Russian and Uzbek language of new concepts is connected with the borrowing of brands, and in our life – new realities, as were the jeep, *Coca-Cola*, *Xerox*, *Lycra*, *Lego*, *Pepsi*, *Scotch*, *Teflon*, *felt pen*. – Therefore, it is possible to assert that with the growth of brand usage in different functional spheres the dictionary neologization takes place, and not only in English, as popular brands become the object of borrowing in other languages, especially in the era of globalization. In this connection, one can also speak about such a phenomenon, which V. I. Karasik calls “import of concepts” [3]: “It is a question of introducing a concept into another culture – mental education based on multilayer cultural experience concentrated in individual and collective language consciousness” [3]. However, it seems that it is not always when borrowing brands that concepts are borrowed. This issue requires special research.

So, let’s consider the Russian and Uzbek translations of English language brands obtained by the above methods. The first of them is *calculus*.

Calculation is not always seen as a subspecies of borrowing, as in the case of calculating new words are formed by the means of their language. Word calculus is a Pomorphemic translation of a foreign lan-

guage word, semantic calculus is a borrowing of the figurative meaning of a word, phraseological calculus is a literal translation of phraseology. Half-perfect is a type of word-paper, when part of a word is borrowed and part is translated (see about it: [4]. For example, Saturday is a half-page of lat. Saturni dies, where only the second part of the word is translated and the first part is simply borrowed. However, in the classic work by Vittor Pisani, pebbles are considered as a subspecies of borrowing: “The category of borrowings includes also those which are borrowed according to their content, i.e. words and constructions formed from the original material but according to the structure introduced from outside” [5].

Among the translated brands you can find cases of composite and complex brands. For example, in LDEL dictionary we find articles by Barbie doll with *trademark marking*, i.e. “Barbie doll” (half-pinned) [6], Spiderman with *trademark marking*, i.e. “spider-man” [6], which is also translated by calculating, and Teletubbies with *trademark marking*, which is translated by “Телепузики”, respectively. Here, the first component is borrowing-internationalism, and the second component is calculated. This is important because it is an essential difference in this type of calculation: “*strange imaginary creatures who have television screens on their stomachs*” [6]. Another calculation of this kind is the Russian word “minibus”, which is not currently perceived as a brand, as is its prototype Microbus. But as can be seen from the information given by David Crystal [7], “Microbus” was a brand in 60–70s. of the 20th century. Today, only a few archival links to this brand from Volkswagen, for example [8], can be found on the Internet.

The next method of translation is *transliteration* (from lat. trans – “through” and littera – “letter”) – letter-by-letter transmission of words written with the help of one graphic system by means of another graphic system, or “transmission of text written with the help of one alphabetic system by means of another alphabetic system” [8]. Based on an alphabet, transliteration allows the conditional use of letters.

Recommendations on transliteration are developed by the International Standards Organization (ISO) – see A. V. Superskaya’s article “Transliteration” in LES [4], where it is stated: “In Russian practice transliteration is sometimes called practical transcription of foreign words by means of Russian graphics”.

Examples of transliteration when translating brands are as follows.

Ajax – “Аякс” (*trade name universal detergent*);

Cellophane *noun* [u] a thin transparent plastic material used for wrapping things corresponds to the Russian transliteration “cellophane”;

Flo-Master [’fləʊ, mɑ: stə] “Flomaster” (*the brand name of the marking colored pencils of the company “Vinus Ester brook”*); the dictionary in the article “Flomaster” also states: “Apparently, from the flow – a leak, pouring, flow and master – artist, master;

Persil “Persil” (*brand name of Unilever detergent concern*);

Xerox *noun* a process for producing copies of letters, documents, etc. Using a special machine <...> – this word, already mentioned above, is translated in Russian as “xerox”, and it comes from the Greek “xēros” (dry) and “graphō” (writing), that is, if we took into account the ancient Greek pronunciations, this brand would be obtained in Russian by transcription. However, it appeared in the USA and came from English, so it was translated into Russian and Uzbek by transliteration.

The transcription method is also widely used in brand translation. While transcription preserves, as far as possible, the original sound form of a foreign lexical unit, the main goal of transcription of brands is to achieve the phonetic similarity of the sound of the original brand as accurately as possible. Of course, this is not always possible, as the English language has phonemes for which there are no close Russian matches, for example, /θ/, /w/, /æ/. However, there are many brands that can be translated using this method. For example, the following:

Dove – “Dove”, a brand of white soap and other cosmetics;

Jeep – “Jeep”, SUV, “brand of small but powerful, high cross-country ability trucks.– Angel. (amer.) jeep – (...) general purpose <...>;

Lycra – “Lycra”, polyurethane fiber, brand of “Invista” company, parts of “DuPont” company;

Nike – Nike, a brand of sportswear and footwear company Nike (USA). LDELС dictionary gives pronunciation in Nike *trademark* article /naɪk, ’naɪki/.

It is believed that this brand came from the name of Nike, the ancient Greek goddess of victory, which should be pronounced according to the second version.

Practical transcription is the recording of foreign words by means of the alphabet of the native (in our case – Russian) language, taking into account their pronunciation. Unlike transliteration, the rules for using graphemes in practical transcription should take into account how these graphemes and their combinations are pronounced in the original word forms.

The English letter “a”, meaning phoneme /æ/, is translated by means of Russian graphemes “a”, “e” and “e”, as a result of which Stanley is translated into Russian as both “Stanley” and “Stanley”. Practical transcription requires both the most accurate reproduction of the sound image of the original variant, and the most accurate reproduction of the morpheme structure and graphical image of the word, for example, the reproduction of double consonants and so on. In addition, the resulting variant must be legible in the target language. The term “practical transcription” itself was first used by A. M. Sukhotin in 1935.

M. A. Krongauz notices: “As a result of practical transcription, foreign words may be included in the text and generally function as words of the given language, i.e. they are actually borrowed” [4]. Note, by the way, that this is especially important in case of application to brands with widespread circulation. Let us give a number of examples of Russian and Uzbek correspondences to such English-language brands -correspondences obtained using practical transcription:

Burberry – “Burberry” is a British brand and company, which has existed since 1865 and produces high class clothes. According to the rules of practical transcription, the combination of “ur” is transmitted in Russian as either “er” or “yer”, especially after consonants. The letter “e” is not used in transcription of names, although it resonates with the pronunciation of the original. Double “rr” is subject to transliteration.

McDonald’s (since 1940 McDonalds) / mək’dɒnəldz \ \ -’dɑ:-/ “McDonalds” and “McDonalds”, the largest American corporation and fast food chain. The handbooks recommend that in practical transcription of the “s” sounding like /z/, you pass the “z” between the vowels and the “s” in other cases. Traditionally, it is transmitted by one word, with only the first letter in the Russian version.

Microsoft /’maɪkrəʊ, sɒft \ \ -, sɔ: ft-/ – “Microsoft” is a brand of an American software company. The name comes from the abbreviation and subsequent merger of the two English words MICROcomputer and SOFTWARE, which literally means “software for microcomputers”. To preserve the morphological, written and sound structure of the brand, the initial vowel “i” is transmitted using the Russian combination of “ai” by transcription, and the remaining letters of the word are translated without any changes. In the practical transcription “micro-” [’maɪkrəʊ-], the Russian letter “o” replaces the diphthong [əʊ], which is more appropriate and acceptable for the Russian version, since the translated brand becomes more convenient in pronunciation.

Twitter – Twitter is a social network for public message exchange in the form of micro blogging. The service was created in 2006. Its name, which has become a brand, comes from the English “twitter” – “twitter”, “chirp”, “chatter”. The translation is done with the help of practical transcription: double “tt”, which means one sound /t/, is transmitted in Russian version by two “tt”, and the unspoken final “r” is traditionally transmitted by “p”, as in all names of its own. In this way, the brand acquires visual rec-

ognizability while retaining the Russian and Uzbek pronunciation as close to the original English as possible.

Recently, English language brands have been often introduced into foreign language texts and used in Russian and Uzbek advertisements in their original form – in English, without translation. In this case, the so-called *method of direct transfer of the graphic form of the brand without changes* is used: from the text in English to the text in Russian with the preservation of the alphabetic system of the English language.

D. I. Ermolovich writes: “The principle of preserving the original graphic <...> form of one’s own name can play an important role in interlingual communication. After all, the written shape of the name even more than its sounding, performs the function of legal identification. The method by which this principle is implemented is the method of direct transfer of the graphical form of the name of one’s own name without changes from the text in one language to the text in another language [9].

In spite of the fact that this method is more typical for languages that use a common graphic basis of writing, various Russian publications started to actively include foreign brand names in the Russian text in the original Latin script.

Examples of direct transfer are such brand names as KFC (abbreviation for “Kentucky Fried Chicken”) – a chain of fast food restaurants, which specializes in the preparation of dishes made of chicken); Stansky – a famous American company selling coffee, and the eponymous chain of coffee shops in different countries, including Russia and Uzbekistan; Technics – brand of Japanese company Panasonic, under which high-quality audio equipment is produced. Direct transfer of the graphical form of their own names has both advantages and disadvantages. Preservation of the foreign language appearance of the brand name on the letter makes it more recognizable due to the international character of a number of brands, and its constant use in oral speech in Russian

reduces the probability of variability of pronunciation. D. I. Ermolovich names the disadvantage of this method as “the fact that speakers of another language can not always determine from the spelling how a foreign name is pronounced and impose the name pronunciation corresponding to the rules of reading in their native language” [9].

Let's summarize some of this. When translating English-language brands into Russian and Uzbek, such methods are used as calculus (sometimes it is a half-rock used under conditions of complex composition of brands), transliteration, transcription and its subspecies – practical transcription. The use of the direct transfer (transplantation) method is not strictly related to translation matches, although it is becoming more and more common in the Russian context. Its advantage is the low variability of the spelling form, and the disadvantage is that the vast majority of native speakers of Russian and Uzbek – advertising consumers – do not have knowledge about the correct pronunciation of such brands. Practical transcription seems to be the best and most universal method, as it takes into account both phonetic and morphological peculiarities of the languages as much as possible, as well as graphic traditions established in the host language.

Conclusion

1. Since a brand contains linguistically functional semantics, i.e. the semantic load that the brand name carries, the brand name, formed with the help of spe-

cial methods, can generate trust and create a positive image.

2. Performance of the brand as a dynamic cultural construction of human consciousness, which can be linguistically classified and considered as a dictionary definition, as an associative and real frequency of use in speech.

3. In modern society, brand and its linguistic-functional semantics act as one of the mental units of the language picture of the world, accumulating various associative images, concepts, representations, attitudes, evaluations, which are realized in Russian and other languages. Semantic-notional filling of the brand name is carried out on the basis of revealing and analyzing the methods of forming brand names.

Name is one of the most important elements of the so-called marketing mix of the brand. It is the name that plays a huge communicative role and greatly facilitates the promotion, informing the consumer about the consumer properties and positioning of the product. In the modern, saturated market information, the consumer experiences continuous pressure from advertising, and therefore the “right name” can play a key role.

The above methods allow you to create brand names that can be classified Descriptive Names.

This category of names represents the advantages and quality of the product in a simple and direct form.

References:

1. Ширяева О. В., Хачмафова З. Р. Концепт "проект" в деловой картине мира (на материале дискурса деловых СМИ) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2014. Edit. 4. – С. 90–96.
2. Арбекова Т. И. Лексикология английского языка (practical course). – М.: Высшая школа, 1977. – 240 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 р.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
5. Пизани В. Этимология (история, проблемы, метод). – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 184 с.
6. Longman Dictionary of English Language and Culture. Pearson Education Limited. England, 2002. – 1568 p.

7. Crystal David. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge University Press, 1995. – 489 p.
8. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Soviet encyclopedia, 1969. – 605 p.
9. Ермолович Д. И. Основания переводоведческой ономастики: автореф. diss. ... Doctor of philology. М.: МГЛУ, 2005. – 48 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002929870>

Section 6. Pedagogy

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-22-5-77-81>

*Gurbanova Ulkar,
Researcher at the Institute of Education
of the Republic of Azerbaijan,
dissertation of Baku State University*

PRINCIPLES OF STUDENT ASSESSMENT IN A MODERN SCHOOL (ON THE EXAMPLE OF ENGLISH LESSONS)

Abstract. It is argued that the postmodern paradigm, which has been spoken about since the second half of the twentieth century, has led to some transformations in the field of education and school management, as in any other field. This transformation reveals a new understanding of education and requires new approaches. Especially when it comes to the management of the educational process, it is one of the priority areas of discussion. Schools are organized the same way or differently in every country in the world and have similar goals and functions.

Keywords: language assessment, assessment tools, assessment principles, school culture, modern school, English language, types of assessment, learning assessment.

*Гурбанова Улькар,
научный сотрудник Института образования
Азербайджанской республики
диссертант Бакинского государственного университета*

ПРИНЦИПЫ ОЦЕНИВАНИЯ УЧАЩИХСЯ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ (НА ПРИМЕРЕ УРОКОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. Утверждается, что постмодернистская парадигма, о которой говорят со второй половины XX века, привела к некоторым трансформациям в сфере образования и школьного управления, как и в любой другой сфере. Эта трансформация раскрывает новое понимание образования и требует новых подходов. Особенно, когда речь идет об управлении образовательным процессом, он составляет одну из приоритетных областей обсуждения. Школы организованы одинаково или по-разному в каждой стране мира и имеют схожие цели и функции.

Ключевые слова: языковая оценка, инструменты оценки, принципы оценки, школьная культура, английский язык, процесс обучения, виды оценки, учебная оценка.

Введение. Философия определяет, что человек думает, ценит или во что верит. У каждого человека есть своя собственная философия обучения, но выучить свою философию непросто. Требуется настойчивое размышление и много работы, чтобы добраться до сокровенных мыслей и откопать их. Философия преподавания и обучения каждого учителя, по мнению исследователей, вытекает из жизненного опыта, то есть ценностей, усвоенных от родителей, учителей и опыта работы.

Мы считаем, что обучение – это путешествие длиною в жизнь, и оно никогда не может быть отделено от жизни человека. Роль учителей в жизни учащихся заключается в том, чтобы быть для них примером, повышать мотивацию и создавать между ними гармонию и единство.

Их роль, также заключается в том, чтобы помогать учащимся в приобретении знаний и навыков. Наряду с этим очень важна позитивная и безопасная академическая учебная среда, чтобы учащиеся чувствовали себя комфортно и получали максимум знаний [4, с. 1–2].

Сфера философии образования ограничена областью образования. Таким образом, сфера философии образования связана с проблемами образования.

Надо отметить, что разные методы оценки могут подходить для разных стилей обучения, и поэтому поощряет использование во всех программах разнообразных методов оценки, чтобы позволить всем учащимся продемонстрировать свои знания, понимание и навыки.

Педагогический совет школы осознает необходимость проведения индивидуальной оценки учащихся с ограниченными возможностями и других особых требований и обеспечит наличие соответствующих процессов для рассмотрения и удовлетворения таких потребностей.

Перед выполнением любого оценочного задания учащиеся будут четко проинформированы о цели и требованиях задания, а также им будут предоставлены конкретные критерии оценки, ко-

торые будут использоваться для его выставления оценок. Обратная связь с учащимися будет связана с заявленными результатами обучения и конкретными критериями оценки. Четкая информация о политике и процессах, связанных с оценкой, должна быть легко доступна всем, кто участвует в процессе оценки [3].

Успех учебной программы в целом требует от учащихся достижения всех целей, которыми руководствуется программа, и, следовательно, целей отдельных блоков, включенных в программу. Таким образом, основная цель оценки состоит в том, чтобы определить, достиг ли учащийся целей программной единицы. Это определение делается путем оценки успеха учащегося в достижении целей обучения.

Оценка, которая должна быть сделана, также показывает степень успеха, достигнутого каждым учеником в отдельности. Тот факт, что оценка является безошибочной или незначительно ошибочной, требует, чтобы измерения, используемые при оценке, были релевантными и достаточными для целей оценки, и должен быть выбран соответствующий критерий. Чем более неточны измерения, на которых основана оценка, тем более неточной будет оценка. Поэтому, что более важно, требуется точное измерение.

Принципы и методы оценивания должны быть непосредственно связаны как с целями программы в целом, так и с целями обучения отдельных модулей программы. При этом процесс оценивания не следует рассматривать как изолированный процесс, а следует рассматривать как неотъемлемую часть процесса преподавания-обучения с точки зрения, как учащихся, так и учителей.

Достоверность оценки. Оценка – это процесс, посредством которого университет оценивает знания, понимание и навыки своих студентов. Оценка будет специально разработана для измерения достижения учащимися намеченных результатов обучения, и все намеченные результаты обучения будут оцениваться суммарно.

Процессы утверждения новых модулей и программ, а также внесения поправок в существующие модули и программы гарантируют, что оценка является неотъемлемой частью разработки модулей и программ, а действующая валидность оценки будет рассматриваться посредством ежегодного и периодического обзора. Это соображение полностью поддерживается внешними специалистами по предметам, внешними экспертами в отношении утверждения модулей/поправок к модулям/поправок к программе и ежегодной проверки, а также внешними специалистами по предметам, не являющимися внешними экзаменаторами, при утверждении программ и периодических проверках [5].

Изучаем принципы инструментов оценки английского языка. Инструменты, которые учителя иностранных языков используют для оценки обучения учащихся, редко изучаются, и они представляют собой важный источник информации о том, как понимается обучение и преподавание. Целью данного исследования является анализ инструментов оценивания, созданных учителями английского языка.

Оценка знаний по языку всегда привлекает внимание и интерес учителей, потому что они постоянно разрабатывают инструменты, методы и процедуры, стремясь эффективно оценить то, что учащиеся изучили, или предоставить обратную связь, необходимую им для улучшения их обучения. Оценка обучения на самом деле должна быть хорошо структурированной и важной деятельностью, ориентированной на определенные руководящие принципы и принципы, которые могут гарантировать, что оценка действительно отражает обучение, а также могут помочь учителям в разработке высококачественных инструментов [1, с. 462].

Оценка языка подверглась двум широким парадигмам. Оценка обучения, также известная как традиционная оценка, относится к методам, которые включают использование оценки в адми-

нистративных целях и анализируют, что учащиеся могут сделать в конце процесса преподавания и обучения, чтобы сопоставить свои уровни достижений со стандартом.

Оценка для обучения, также известная как аутентичная оценка, внедряет процессы оценки в процесс преподавания и обучения, чтобы постоянно корректировать преподавание и информировать учащихся о том, как они могут улучшить свои навыки. В реальной жизни учителя используют обе парадигмы оценки и рассматривают их как возможность получить представление о способностях учащихся.

Независимо от парадигмы оценивания, преподаватели должны разрабатывать инструменты оценивания, которые предоставляют им необходимую информацию об учащихся, с которыми они работают. При разработке этих инструментов, будь то традиционное или аутентичное оценивание, учителя должны следовать ряду принципов, чтобы создать «соответствующее оценивание» [1, с. 463].

Подлинность в оценивании относится к использованию действий и заданий, которые отражают реальную жизненную практику с использованием как можно более естественного языка, контекстуализированных заданий, значимых тем, заданий, снабженных тематической информацией, и реальных задач. Цель аутентичности заключается в том, чтобы учащиеся могли решать задачи реального мира, используя свои собственные базовые знания.

Использование аутентичных оценочных заданий является ключом к тому, чтобы дать учащимся осмысленное знакомство с используемым языком, потому что аутентичные задания приносят учащимся несколько преимуществ, таких как: повышение их мотивации, обогащение их учебного опыта за счет использования реального английского языка и овладение языком, который можно использовать вне класса.

Справедливость определяется как применение одного и того же набора правил, стандартов

и критериев в определенной ситуации оценивания для уменьшения предвзятости при принятии решений педагогом. Все учащиеся должны проходить все оценки в равных условиях с учетом их происхождения. Оценка является справедливой, когда учащиеся ясно понимают процесс оценки и соглашаются как с оценщиками, так и с учащимися, а также когда учитываются потребности и характеристики учащихся.

Одним из основных принципов оценивания учащихся является наблюдение. Наблюдение может быть в форме наблюдения за успеваемостью ребенка или наблюдения за его работой. В классе учителя всегда оценивают учеников, наблюдая за тем, что они делают. То есть учителя оценивают своих учеников, разговаривая с ними и задавая им вопросы. Здесь обоснованность решения учителя зависит от навыков наблюдения, опыта учителя и умения задавать вопросы.

Имеются данные о том, что все методы и принципы оценки представляют собой ту или иную форму наблюдения. Тесты и экзамены, журналы и контрольные списки используются в качестве инструментов для более систематического наблюдения. Однако, если учитель оценивает только по полученным данным, он может прийти к неверным суждениям в оценке. Выводы учителя из непрерывного наблюдения должны отражать фактическую успеваемость учащегося [2, с. 539].

Если кратко говорить о методах оценивания, отличных от оценок, основанных на наблюдении, то первым из них является формативное оценивание, такие оценивания проводятся для того, чтобы выявить недостатки обучения, результативность и результативность занятий в учебно-методическом процессе.

Еще одним методом оценки является итоговая оценка, которая представляет собой оценочную работу, проводимую в конце обучения. Опять же, в оценке процесса-продукта это оценка, сделанная путем рассмотрения того, что ребенок сделал или чего он достиг в результате. В оценке на основе

критериев это оценка, выполненная в форме сравнения результатов с заранее определенными критериями и целями. И, наконец, в оценке на основе норм; сравнение полученных результатов с нормами детей определенной возрастной группы.

Оценка завершает процесс разработки программы и прокладывает путь к новым разработкам. Какие данные будут собираться в процессе оценки, как полученные данные будут интерпретироваться и как они будут отражены в программе, зависит от характеристик оцениваемой программы. Следовательно, чтобы хорошо понимать процесс оценки учебной программы, необходимо хорошо знать основные концепции разработки учебной программы [2, с. 541].

Надежность относится к постоянству оценочного балла. Например, если оценка выставляется группе учащихся в определенный момент времени, не имеет значения, будет ли такая же оценка выставлена другой группе учащихся. Результаты должны быть одинаковыми для обеих групп. Надежность должна быть представлена, если должны быть подняты два вопроса: «Являются ли результаты испытаний надежными и заслуживающими доверия? А если студент сдаст тот же тест на следующий день, будут ли результаты теста такими же?».

Есть некоторые аспекты, которые могут повлиять на надежность; например, формат и административные вопросы (время, шум, свет, рассадка). Также необходимо принимать во внимание эмоциональные аспекты со стороны учащихся, такие как: усталость, индивидуальность и стили обучения.

Заключение. Для улучшения преподавания, помимо повышения эффективности методов оценки преподавания, необходимо разработать исследования или принципы оценки, касающиеся использования персонала в обучении.

В результате исследования был разработан способ определения того, насколько средства измерения, используемые в обучении иностранному языку, содержат в себе требования, необходимые в плане измерения и оценки, и определенные

особенности, которые являются одним из были определены наиболее распространенные инструменты измерения, чтобы определить, достигнут ли полный успех в достижении целей.

Успеваемость учащихся при выполнении оценочных заданий должна ежегодно контролироваться департаментами/школами, чтобы гарантировать, что оценивание по-прежнему соответствует принципам оценивания, изложенным выше.

В исследовании перечислены принципы, используемые при измерении и оценке в обучении

иностранному языку, и было определено, какие из этих принципов применяются в приложениях по иностранному языку. В обучении иностранному языку, когда разрабатывается инструмент измерения и оценки потребностей учащихся и языковых навыков, делается серьезный шаг для измерения целевого успеха. Однако одного определения потребностей и языковых навыков недостаточно; Кроме того, все элементы инструмента измерения, от его внешнего вида до каждой детали его содержания, должны соответствовать определенным критериям.

Список литературы:

1. Díaz Larenas C., Jara Díaz A., Orellana Y. R., Sanhueza Villalón M. J. Exploring the principles of English assessment instruments // Ensaio: aval. pol. públ. Educ. – № 111 (29). 2021. – P. 461–483.
2. Kayabashi Y. Current issues in the evaluation of teaching and possible corrections in the system // Kastamonu Education Journal, – № 2(15). 2007. – P. 537–548.
3. Principles of Assessment [elektron resurs] URL: <https://www.dur.ac.uk/learningandteaching.handbook/6/principles/> (son müraciät: 11.08.2022).
4. Sayani A. My Philosophy of Teaching and Learning // Open Access Library Journal, – № 2 (12). 2015. – P. 1–4.
5. Shepard Lorrie A., Diaz-Bilello Elena K., Penuel William R., Marion Scott F. Classroom Assessment Principles to Support Teaching and Learning [elektron resurs]. URL: https://www.colorado.edu/cadre/sites/default/files/attached-files/classroom_assessment_principles_to_support_teaching_and_learning-final_0.pdf (son müraciät: 09.08.2022)

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-22-5-82-86>

*Iskandarova Ainura,
Researcher at the Institute of Education
Doctoral student of Baku State University of the Republic of Azerbaijan*

ON THE ISSUE OF PHILOSOPHY OF APPLICATION OF TEACHING METHODS IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. This scientific article is devoted to the problems of the philosophy of applying teaching methods in the modern school of the era of artificial intelligence. The paper explains that the philosophy of education is a branch of philosophy that deals with philosophical questions concerning the nature, goals and problems of education.

Keywords: education, artificial intelligence era, school culture, modern school, traditional school, teacher, teaching style.

*Искандарова Айнура,
Научный сотрудник Института образования
Азербайджанской Республики
докторант Бакинского государственного университета*

О ВОПРОСЕ ФИЛОСОФИИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. Научная статья посвящена проблемам философии применения методов обучения в современной школе эпохи искусственного интеллекта. Она объясняет, что философия образования – это раздел философии, который занимается философскими вопросами, касающимися природы, целей и проблем образования.

Ключевые слова: образование, эпоха искусственного интеллекта, школьная культура, современная школа, традиционная школа, учитель, стиль преподавания.

Введение. Постоянное развитие технологий оказывает влияние на все сферы жизни человека, в том числе и на приоритеты образования. С этой точки зрения ЮНЕСКО определила цели образования за последние пятьдесят лет в своих различных отчетах.

Последовательность просвещения, промышленной революции, теории эволюции и других подобных разработок полностью изменила мир. Это изменение ускоряется с увеличением коммуникационных возможностей. В то время как мир быстро меняется, люди должны идти в ногу

с этими изменениями. В современном быстро меняющемся мире немисливо, чтобы образование, являющееся одним из факторов, формирующих людей, оставалось неизменным.

Философия имеет дело с самыми основными проблемами, с которыми сталкивается человечество. Содержание философии лучше рассматривать как вопросы, а не ответы. Можно даже сказать, что философия есть изучение вопросов.

Обучение следует рассматривать с философской точки зрения (метафизики, эпистемологии и аксиологии), чтобы понять, как оно работает

в другом контексте. Связь между эффективным обучением и слушанием широко обсуждалась. Критический и аналитический взгляд на обучение-аудирование имеет решающее значение как в традиционном обучении в классе, так и в онлайн-обучении. Обсуждение заключается в том, чтобы по-разному отразить реальную цель процесса обучения; источник, тип, категория и качество полученных знаний; и соответствующие положительные и отрицательные значения.

Взаимосвязь философии и образования. Философия образования относится к всеобъемлющему и последовательному набору убеждений о транзакции преподавания-обучения. Цель философии образования состоит в том, чтобы помочь «педагогам осознать необходимость четкого осмысления того, что они делают, и увидеть то, что они делают, в более широком контексте индивидуального и социального развития». Таким образом, это просто «заставить людей думать о том, что они делают». Делая это, преподаватели могут видеть взаимодействие между различными элементами в процессе преподавания-обучения, такими как учащиеся, учебная программа, администрация и цели. Это может «предоставить ценную основу, которая поможет нам более ясно мыслить» по вопросам образования.

В первой форме философия образования традиционно разрабатывалась философами – например, Аристотелем, Августином и Джоном Локком – как часть их философских систем, в контексте их этических теорий. Однако в двадцатом веке философия образования развивалась в педагогических школах в контексте так называемых основ образования, тем самым связывая ее с другими разделами педагогической дисциплины – историей образования, психологией и социологией, а не с другими разделами философии. Он также был разработан такими писателями, как Пол Гудман и Роберт М. Хатчинс, которые не были ни профессиональными философами, ни членами образовательных школ [3]. Посколь-

ку существует много видов философии, много философий и много способов философствовать, так что есть много видов философии образования и способов сделать это. В каком-то смысле философии образования не существует; есть только философии образования, которые могут быть классифицированы по-разному.

По мнению ряда зарубежных специалистов, философия и образование тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Философия указывает пути, а образование следует за ней. «Без философии образование было бы слепым усилием, а без образования философия была бы искалечена» [4, с. 23].

Философия образования выполняет различные функции:

- 1) определение аспектов образования;
- 2) гармонизация старых и новых традиций в сфере образования;
- 3) предоставление специалистам по планированию образования, администраторам и преподавателям прогрессивного видения для достижения развития образования;
- 4) подготовка молодого поколения к вызовам современности [4, с. 26–27].

В такой полноценной философско-нормативной теории образования, кроме анализа описанных видов, обычно будут содержаться положения следующего рода:

- 1) Основные нормативные предпосылки о том, что хорошо и что правильно;
- 2) Основные фактические положения о человечестве и мире;
- 3) Выводы, основанные на этих двух видах предпосылок, о склонностях, которые должно воспитывать образование;
- 4) Дальнейшие фактические предпосылки о таких вещах, как психология обучения и методы обучения;
- 5) Дальнейшие выводы о таких вещах, как методы, которые следует использовать в образовании [3].

Образовательная философия полезна для принятия подходящих методов обучения и повышения эффективности, привлекательности обучения в классе. Мы получаем знания о различных методах обучения, т.е. «обучении на практике» в натурализме, «методе лекций» в идеализме, «экспериментальном методе» в прагматизме. С помощью философии образования можно выбрать подходящие методы обучения в соответствии с характером предмета и школьной средой. Методология обучения – это, по сути, способ, которым учитель выбирает объяснение или преподавание материала студентам, чтобы они могли усвоить материал. Существует множество различных методологий, которые могут быть использованы учителем, и выбранные методы часто зависят от философии образования и предпочтений учителя. Также нередко учитель использует несколько методов в рамках одного урока или в течение нескольких уроков. Методология обучения может включать использование лекций, групповых или небольших групповых дискуссий, а также привлечение студентов в качестве учителей для своих сверстников [6]. Важно понимать, что методология обучения – это не то же самое, что образовательная философия для учителя, хотя они часто могут быть связаны между собой. Философия, которую выбирает учитель, обычно указывает, как, по мнению учителя, учащиеся могут лучше всего усвоить новый материал, а также способы, которыми учащиеся и учителя должны общаться и взаимодействовать в классе. Эта философия часто влияет на выбор, который учитель может сделать в отношении методологии или методологий обучения, которые он или она предпочитает использовать, но они не обязательно напрямую связаны. Учителя обычно ссылаются на свои предпочтительные методы обучения и философию вместе, чтобы дать другим учителям или учащимся понимание их подхода к образованию.

Традиционные классы можно определить как двустороннее взаимодействие между учителем

и учеником. Это ситуация, в которой в классе происходит взаимодействие между двумя сторонами, и они могут взаимодействовать лицом к лицу. Некоторые исследователи утверждают, что традиционный класс представляет собой сочетание отношений между учителем и учениками, отношений между учениками и предметами и методом обучения, межличностных отношений между учениками, а также мыслей учащихся о структуре классной комнаты [2, с. 20].

Как традиционное обучение в классе, так и онлайн-обучение играют роль в учебном процессе. Он был исследован многими исследователями ранее, и были обнаружены важные результаты. Оба играют разные роли. Есть исследователи, которые предложили смешанное обучение в качестве решения. Необходимо учитывать множество других факторов. Онлайн-обучение также считается дистанционным обучением. До этого существовали поколения, которые начали использовать методы дистанционного обучения при доставке материалов, которым необходимо было решить проблему неадекватного взаимодействия между учениками и учителями. Тем не менее, Интернет и веб теперь легко доступны, в то же время совершенствуя систему обучения за счет создания интерактивного видео, электронной почты и технологий Всемирной паутины, тем самым улучшая взаимодействие учителя и учеников. Хотя учитель может использовать ряд различных методологий, один распространенный и традиционный метод обучения часто называют чтением лекций или объяснением. По сути, это подход к образованию, при котором учитель рассматривается как эксперт по предмету, и он или она предоставляет информацию учащимся, которые должны усвоить и понять материал. Эта методология обучения, которую иногда насмешливо называют «мудрецом на сцене», в последние годы потеряла популярность у многих преподавателей. Даже те учителя, которые все еще используют этот метод, часто дополняют его другими методиками [6].

Некоторые все более популярные методологии фокусируются на важности студента в процессе обучения. Одна из таких методологий обучения использует групповые обсуждения со всем классом или небольшие групповые обсуждения с многочисленными небольшими группами одновременно. Учеников поощряют брать на себя ответственность за свое образование и быть активными участниками учебного процесса.

Некоторые все более популярные методологии фокусируются на важности ученика в процессе обучения. Одна из таких методологий обучения использует групповые обсуждения со всем классом или небольшие групповые обсуждения с многочисленными небольшими группами одновременно. Учеников поощряют брать на себя ответственность за свое образование и быть активными участниками учебного процесса.

Это также можно использовать с методологией обучения, в которой учащиеся берут на себя роль учителя, чтобы инструктировать других учащихся в классе. Например, за обсуждениями в малых группах часто следуют более крупные групповые обсуждения, в которых каждая группа представляет то, что они узнали или обсудили, остальной части класса. Точно так же отдельным учащимся может быть поручено исследование определенного предмета, а затем преподавание этого материала другим учащимся в классе [6].

Одним из ключевых элементов определения успеха в образовании является создание эффективной и действенной системы оценивания и обеспечение того, чтобы цели оценивания согласовывались с целями образования в программе. Чтобы добиться успеха, важно спроектировать реалистичные результаты, которые могут быть достижимы за заданный промежуток времени. Не менее важно разработать правильные инструменты оценки, чтобы оценить то, что преподаватель хочет оценить в успеваемости учащихся.

По нашему мнению, политика оценки должна быть разработана соответствующим образом,

и можно использовать непрерывную оценку для обеспечения достоверности и надежности; помимо всего этого можно использовать различные инструменты оценки, такие как различные типы викторин, экзамены для всех уровней, проекты, оценки за участие и домашние задания. Кроме того, для повышения достоверности используются проверки коллег и двойная оценка.

И последнее, но не менее важное: один из основных принципов обучения – равенство. Равенство здесь двоякое; равенство среди коллег и равенство среди студентов. Администрация и координаторы стараются не нагружать учителей лишним, чтобы дать им пространство для личного и профессионального развития. Что еще более важно, надо попытаться определить равную систему для учащихся, чтобы все они могли получать одинаковое образование независимо от их различий [5].

Чтобы гарантировать это, отдельная группа тестирования готовит инструменты оценки, они не передаются ни одному учителю, результаты любых предоставленных тестов передаются учащимся через определенное время, все классы одного уровня следуют одной программе и используют одни и те же материалы, каждый учитель оценивает успеваемость учащихся разных классов на любом экзамене, и любой жалобе или отзыву уделяется равное количество усилий и времени для создания лучшей системы.

Заключение. И так, философия образования – это раздел практической философии, занимающийся природой образования, а также философскими вопросами, которые могут возникнуть из образовательной теории и практики. Основные философии образования можно разделить на три основных типа: философии, ориентированные на учителя, философии, ориентированные на учащихся, и философии, ориентированные на общество.

Философия образования относится к рассмотрению целей, форм, методов и смысла образования. Термин может использоваться для описания

фундаментального философского анализа этих тем и анализа практических педагогических подходов. Его предмет включает в себя как основные философские вопросы, такие как природа знаний, достойных преподавания и изучения, и состояние образовательной справедливости, так и проблемы, касающиеся практической образовательной политики и практики, такие как стандартизированное тестирование или социальные, экономические и юридические последствия финансирования школы.

Личная философия преподавания педагога имеет важное значение, поскольку она помогает преподавателям анализировать потребности своих учеников, чтобы решать их с использованием наиболее подходящих методов. Такая модель описывает лучшие инициативы и методы, которые могут достичь намеченных целей. Эта статья дополняет нашу философию, оправдывая предпочтительные методы обучения. Обсуждение также определяет лучшего теоретика, концепции которого поддерживают мою структуру.

Список литературы:

1. Fries Cindi H. Teaching style preferences and educational philosophy of teacher education faculty at a state university [elektron resurs]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/215178626.pdf/> (son müraciät: 10.08.2022)
2. Hassan A., Zainal Abiddin N., Kuan Yew S. The Philosophy of Learning and Listening in Traditional Classroom and Online Learning Approaches // Higher Education Studies – № 4 (2). 2014.– P. 19–28.
3. Philosophy of Education: Historical overview, current trends [elektron resurs] URL: <https://education.stateuniversity.com/pages/2321/Philosophy-Education.html/> (son müraciät: 11.08.2022)
4. Ranjan Dash Sh. N. Philosophical foundation of education. Vani Vihar, 2015. – 153 p.
5. Teaching Philosophy and Principles [elektron resurs]. URL: <https://yadyok.29mayis.edu.tr/en/ihb/teaching-philosophy-and-principles/> (son müraciät: 15.08.2022).
6. Wiesen G. What Is a Teaching Methodology? [elektron resurs]. URL: <https://www.languagehumanities.org/what-is-a-teaching-methodology.htm/> (son müraciät: 11.08.2022).

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-22-5-87-93>

*Fayzullaeva Nilufar Sadullaevna,
Candidate of Pedagogic Sciences,
Tashkent State University of Economics
Tashkent, Uzbekistan*

ACTIVATION OF THE PROCESS OF ASSIMILATION OF THE TERMINOLOGICAL APPARATUS IN THE PREPARATION OF THE FUTURE ECONOMIST AT THE UNIVERSITY

Abstract. The article deals with the problem of implementation of innovative pedagogy, particularly teaching disciplines of the economic cycle. Presenting different forms of the basic methods of active means of teaching students in order to improve the quality of education, as well as the importance of personal and professional competence of the teacher.

Keywords: innovative methods of education, interactive education, students, education, knowledge, skills, competences, types of lectures, competence, briefing, business game.

*Файзуллаева Нилуфар Садуллаевна,
кандидат педагогических наук. доцент кафедры
«Профессиональное образование (экономика)» ТГЭУ
г. Ташкент, Узбекистан*

АКТИВИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА УСВОЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩЕГО ЭКОНОМИСТА В ВУЗЕ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы внедрения инновационной педагогики, в частности, при преподавании дисциплин экономического цикла. Показаны различные формы применения основных методов и активных средств обучения студентов в целях повышения качества образования, значение личностной и профессиональной компетенций преподавателя.

Ключевые слова: инновационные методы обучения, интерактивное обучение, студенты, образование, знания, умения, навыки, виды лекций, компетентность, брифинг, деловая игра.

Введение

Инновационное развитие системы образования, активная разработка инструментов образовательного менеджмента и маркетинга, совершенствование технологий обучения стали неотъемлемыми атрибутами образовательных и воспитательных технологий многих ведущих стран. Развитие инноваций в системе образова-

ния является базисом инновационной и технологической политики государства.

Инновационное образование – это образование, использующее современные цифровые технологии, главной целью которого является формирование навыков и компетенций XXI века, на основе междисциплинарного подхода, направленное на формирование личности будущего

специалиста в различных формах его деятельности. Оно предполагает все расширяющееся использование цифровых инструментов и ресурсов и влияет на развитие экономики.

За последние десятилетия появилось множество работ о новых методах преподавания, написанных как преподавателями методистами, так и экономистами исследователями.

Достижение высокого уровня профессиональной подготовки, соответствующего требованиям профессиональной компетентности специалиста квалифицированного труда, невозможно с помощью лишь традиционных методов обучения и организации учебной деятельности.

Одна из форм совершенствования учебно-воспитательного процесса – интенсификация обучения, переход от пассивных к активным формам обучения. Под активными формами и методами обучения следует понимать систему приемов преподавания, стимулирующих и развивающих познавательную деятельность студентов, их способность к самостоятельному творческому, профессиональному мышлению.

К понятию «интенсификация обучения» примыкает понятие «активизация обучения». Под активизацией учебно-познавательной деятельности обучаемых понимается целеустремленная деятельность преподавателя, направленная на разработку и использование таких форм, содержания, приемов и средств обучения, которые способствуют повышению интереса, самостоятельности, творческой активности студента в усвоении знаний, формированию умений, навыков, их практическому применению, а также формированию способностей прогнозировать производственную ситуацию и принимать самостоятельные решения.

Познавательный интерес является ведущим фактором активизации обучающихся. Студент не станет изучать конкретную ситуацию, если она надуманна и не отражает реалий его профессии. Профессиональный интерес предполагает применение методов проведения занятий, имитиру-

ющих или воспроизводящих профессиональную деятельность обучаемых.

Познавательная активность – это интеллектуально-эмоциональный отклик на процесс познания, стремление к учению, умение самостоятельно мыслить, способность ориентироваться в новой ситуации, находить подход к решению задачи, умение добыть информацию, а также независимость собственных суждений.

Основная часть. Обязанность преподавателя любой дисциплины – научить студентов активно мыслить, сформировать у них умение самим находить знания. Особенно большое значение это имеет при изучении экономических дисциплин. Современный этап обучения экономическим дисциплинам требует совместного создания знаний, совместного творчества преподавателя и студента. Открытая и теплая атмосфера обучения наряду с совместной работой в образовательном процессе, позволяет студентам увидеть новые возможности приложения экономических знаний и ощутить себя значимыми и ответственными людьми.

Как сделать занятия по экономической дисциплине более живыми, приближенными к практике? Как активизировать скрытые ресурсы студентов и стимулировать их к самостоятельному поиску ответов на важнейшие экономические вопросы?

Г. И. Щукина считает, что эффективное и интересное для студентов занятие можно создать за счет следующих условий: личности педагога, содержания учебного материала, методов и приемов обучения. Если первые два пункта не всегда во власти педагога, то последний – поле для его творческой деятельности [2].

Методика преподавания экономических дисциплин исследует совокупность взаимосвязанных средств, методов, форм обучения экономическим наукам. Что отличает данную методику? Это то, что обучение тесно связано с экономической жизнью государства, общества, каждого человека. Такие знания представляют собой знание экономических терминов, законов экономического развития,

а также понимание механизмов работы рыночной экономики, экономических принципов и законов.

Так, интерес к изучению дисциплины во многом зависит от того, насколько эффективно пройдет первое занятие. При первой встрече со студентами целесообразно организовать знакомство в форме тренинга, затем в игровой форме стоит повторить курс общей экономической теории, на котором базируется дисциплина «Прикладная экономика». После этого можно переходить к введению в изучаемый курс: в ходе беседы показать теоретическую и практическую значимость дисциплины для будущей профессиональной деятельности.

На сегодняшний день от преподавателей экономических дисциплин требуется целенаправленное использование активных и интерактивных методов обучения, тестовых заданий, приемов проблемного обучения и т.д., чтобы через активную познавательную деятельность студенты анализировали и постигали противоречивые процессы рыночных преобразований. При этом под активными методами понимаются такие методы обучения, применение которых объективно невозможно без высокого уровня внешней и внутренней активности студентов. Интерактивные методы, в свою очередь, – это методы, в результате применения которых обучающиеся находятся во взаимодействии друг с другом в режиме беседы, диалога. В отличие от активных методов интерактивные ориентированы на более широкое взаимодействие студентов не только с педагогом, но и друг с другом.

Особенностью методики преподавания экономических дисциплин является также широкое привлечение данных статистики, фактов и цифр, позволяющих раскрыть не только отдельные стороны экономических процессов и явлений, но и выработать для обучающихся правила поведения в условиях рыночной экономики. Представленные факты должны быть проверены, доказуемы, но при этом они могут вызвать сомнения у студентов, что позволит использовать проблем-

ные методы обучения, такие как мозговой штурм, круглый стол, дискуссии и т.д.

Интерес к изучению экономической дисциплины стимулируют и эвристические беседы, в процессе которых преподаватель путем постановки перед студентами определенных вопросов и совместных логических рассуждений подводит обучающихся к определенным выводам, составляющим сущность рассматриваемых явлений, процессов, правил и т.п. Так, изучая тему «Качество и конкурентоспособность товара» можно провести эвристическую беседу «Качество важнее цены?», в ходе проведения которой преподаватель должен выступать в роли модератора процесса общения. Как показывает практический опыт, в процессе экономического образования для студентов весьма интересно выполнять различные творческие задания.

Изучение экономических дисциплин требует от студентов запоминания большого количества новых для них терминов. Прежде всего методика изложения экономических категорий предполагает «оттапливание» от известных понятий и пройденного материала. Перечисленные ниже приемы способствуют быстрому изучению большого количества экономических терминов, учат формулировать определения, тренируют память и многое другое.

Следует обратить внимание на использование приема «наращивания» понятия, углубления содержательного компонента понятия. Немаловажен в методике изложения категорий прием сопоставления, когда одно и то же явление анализируется в разных общественных условиях, на разных этапах развития общества. Например, при изложении той или иной проблемы в конкретной экономической дисциплине можно предложить разные определения категорий.

Поскольку в рамках изучения экономических дисциплин много сложного теоретического материала, для облегчения их изучения можно воспользоваться методом позиционирования. Для этого студенты разделяются на 4 группы: понятия,

схемы, вопросы, тесты. Каждой группе выдается лекционный материал, который необходимо изучить, а затем переработать в соответствии с занимаемой позицией. После выполнения данного задания группа выступает перед аудиторией с полученными результатами.

Реализация инноваций в образовании – многогранный и сложный процесс. Классификация инноваций в образовании опирается на ряд классификационных признаков. Ключевым аспектом для типового разграничения инноваций в образовании является, в первую очередь, объект инновационной деятельности, а также компонента образовательного процесса, которая подвергается оптимизации.

Главной отличительной чертой интерактивных методов в образовании является то, что студенты проявляют инициативу в учебном процессе, которую стимулирует педагог с позиции партнера, координатора, коуча. Процесс и результат получения знаний приобретает личную значимость для каждого студента, что позволяет развить способности самостоятельного решения овладения информацией по дисциплине.

Эффективное использование учебных методов подобного типа зависит от того, насколько студенты заинтересованы в обсуждаемой теме, и от их общей готовности выступать. Интерес к теме пробуждается предварительными вопросами преподавателя, поставленными в необычной форме или нестандартным образом, что стимулирует студентов к более глубокому и всестороннему взгляду на рассматриваемую проблему. Когда постановка вопроса захватывает студентов, они готовы самостоятельно штудировать многочисленные учебники, учебные пособия, выискивать информацию в Интернете, СМИ, академических журналах по экономике. Например, словосочетание «предмет роскоши» у экономистов считается профессиональным термином, им обозначаются продукты, которые люди, становясь богаче, покупают во все большем количестве, – скажем, речь

идет о спортивных автомобилях и коллекционных винах. Забота об окружающей среде также считается предметом роскоши, хоть это и менее очевидно. Состоятельные люди готовы тратить на защиту экологии большую долю своих доходов, чем менее богатые. Такое же соотношение мы видим и в мировом масштабе: богатые страны выделяют на охрану окружающей среды больше ресурсов, чем бедные. Объясняется это довольно просто: судьба бенгальских тигров заботит их потому, что у них есть возможность заботиться о них. Ведь у них уже есть хорошие дома, прибыльная работа, чистая вода [1].

В связи с этим встает проблемный вопрос: а справедливо ли, что люди, живущие комфортно, навязывают свои предпочтения менее обеспеченным людям? Экономисты утверждают, что это несправедливо, хотя в действительности мы поступаем так постоянно.

Изучение экономических дисциплин требует от студентов запоминания большого количества новых для них терминов. Приведем пример из преподавания экономической теории.

Теория экономического роста в современной интерпретации может быть выделена в самостоятельную область научного знания со своим объектом и предметом исследования. Ее концептуальную основу составляют базовые положения, согласно которым объектом изучения является методология и практика управления инновационным развитием предприятий в условиях неопределенности, а заданиями являются дифференциация товаров, сегментация рынков, технологические отличия, причинно-следственные отношения и трудности в обеспечении экономического развития. Комплексный характер экономического развития предприятий на основе инновационной деятельности проявляется в сложности и многогранности понятийно-категориального аппарата.

Систематизация причин, тормозящих развитие инновационной деятельности и экономического роста, может быть построена на основе

диаграммы Исикавы. Эта диаграмма является инструментальным средством выявления причинно-следственных связей с ресурсной, коммерческой, политико-правовой и социальной группами и позволяет определить основные зарождаемые тенденции и внешние угрозы экономического развития с целью адаптации предприятия к динамическим изменениям внешней среды.

Диаграмму Исикавы иногда называют «рыбий скелет» в силу ее специфического вида. Вид диаграммы действительно напоминает скелет рыбы – глаза обычно движутся слева направо, как при чтении текста. Изучаемая проблема преобразуется в виде прямой горизонтальной стрелки. Факторы, прямо или косвенно влияющие на проблему, изображаются наклонными стрелками. От прямоугольника факторов к хребту проводятся наклонные линии – большие кости. Затем по каждому выделенному фактору определяются причины возникновения проблем (средние кости, проведенные к большим) и причины, их обуславливающие, т.е. мелкие кости.

Диаграмма Исикавы применяется с целью графического отображения взаимосвязи между решаемой проблемой и причинами, влияющими на ее возникновение. Эта диаграмма позволяет выявить и сгруппировать факторы, влияющие на изучаемую проблему, и провести сравнительный анализ цепочки взаимосвязанных причин, воздействующих на проблему.

Цель построения диаграммы Исикавы – визуализация связей между проблемой и возможными причинами, расстановка акцентов для анализа и решения проблемы.

Диаграмма Исикавы является одним из основных инструментов, используемых для измерения, оценки, контроля, усовершенствования процессов. Ее использование упрощает понимание и диагностику проблем и процессов и создает целостную структуру проблемы для поиска неординарных способов решения возможных задач управления процессами экономического

роста в условиях динамических изменений внешней среды.

Периодические издания также помогут в рассмотрении экономических примеров и пригодятся при составлении и анализе кейсов. Не секрет, что немало студентов скептически относятся к теоретическим дисциплинам, полагая, что «в жизни все по-другому и предложенные модели не имеют ничего общего с действительностью». Занятия, на которых сначала разбирались бы теоретические модели, а затем их выводы подкреплялись конкретными экономическими примерами, найденными в периодических изданиях, могли бы стать более интересными и дали бы студентам возможность самостоятельно анализировать процессы, происходящие в экономике, в частности в национальной экономике Узбекистана [3].

Коллективные проекты, когда небольшая группа студентов работает над определенной проблемой или решает общую задачу, также могут оказаться полезными, поскольку, во-первых, развивают навыки работы в группе, а во-вторых, дают возможность предлагать новые, оригинальные методы решения проблемы, обсуждать их, дискутировать. Необходимость отстаивать свою точку зрения в группе повышает интерес студента к предмету и изучаемым темам.

Подготовка студентов-экономистов осуществляется структурно сложно. Во-первых, студентам даются знания по общим экономическим дисциплинам. Во-вторых, студенты получают развернутые прикладные знания и практические навыки. Это все скомпоновано в учебных планах как по специальности «Макроэкономика», так и по специальности «Экономическая теория». В процессе обучения есть ряд сквозных видов работ, которые выполняют все студенты, выбирая различные темы (до написания студентами дипломной работы). К таким работам относятся курсовые работы, различные виды самостоятельной работы, которые обязательно выполняются на четырех учебных курсах.

Самостоятельная работа способствует дальнейшему углублению знаний студентов, развивает их практические навыки, которые они уже получили на предыдущих курсах университета. Именно самостоятельная работа предназначена для дальнейшего углубления и расширения компетентности студентов, в то время как дипломная работа отражает полученную компетентность.

Известно, что термин «компетентность» имеет различный смысл. Нередко этот термин в литературе употребляется наряду со смежными понятиями «профессионализм», «квалификация» (слово произошло от лат. «соответствую», «подхожу»). Самостоятельная работа входит в систему методических форм, которые эту компетентность формируют. Формирование и углубление такой компетенции в самостоятельной работе осуществляется как дополнительное развертывание содержания экономического образования. При этом развиваются и профессиональные навыки.

Заключение. Мыслить как экономист значит объединять дедуктивные цепочки с упрощенными моделями, такими, например, как модель спроса и предложения; это значит искать и находить компромиссы в контексте ограничений; это значит оценивать затраты на один вариант выбора с учетом упущенных выгод альтернативного варианта. Это также предполагает наличие четкой цели относительно эффективности, которая формулируется так: извлечь максимальную выгоду из ограниченных ресурсов. Это требует подхода на основе предельной полезности или поэтапных решений. Экономист задается вопросом, сколько дополнительных выгод можно извлечь за счет определенных дополнительных расходов.

Например, на основе диаграммы Исикавы можно эффективно показать систематизацию причин и трудностей экономического развития предприятий в условиях неопределенности, ко-

торая, в отличие от существующих, является инструментальным средством изучения причинно-следственных связей влияний внутренней среды производственных объектов.

Было проведено исследование, посвященное изучению степени распространенности альтернативных методов преподавания. Среди 359 респондентов, которые занимались преподавательской деятельностью.

Опросник состоял из нескольких блоков. Первый блок включал вопросы о стилях ведения занятий (чтение лекций, аудио- видеопрограмм, приглашении внешних специалистов), о заданиях, которые получают студенты (проекты, работа в командах), об использовании дидактических материалов, об упражнениях. Второй блок касался методов проведения контрольных мероприятий, а также содержал вопросы о личных характеристиках респондента.

Более 60% преподавателей ответили, что регулярно используют электронные ресурсы, среди преподавателей, которые пользуются электронными ресурсами, 54% респондентов применяют их как в качестве основных материалов.

На основе опыта преподавания можно сделать следующие **выводы**: Основой качественного образования должны стать такие методы преподавания, которые развивают у студентов критическое мышление и способность к саморазвитию. К выбору таких методов надо подходить дифференцированно. Инновационные методы работы со студентами разрабатывает и применяет преподаватель, поэтому преподаватель должен обладать необходимой методологической и личностной компетенциями. Успех применения любого инновационного метода зависит от содержательной, методологической и организационной подготовки занятия. Для преподавателя важно повышать свою квалификацию, любить свою работу, тогда и будет обратная связь от студента.

Список литературы:

1. Евплова Е. В. Как сделать преподавание экономики интересным (на примере изучения дисциплины «Прикладная экономика»)? / Е. В. Евплова // Экономика образования. – № 2. 2012. – С. 99–105.
2. Скакун В. А. Основы педагогического мастерства: учеб. пособие / В. А. Скакун. – М.: Форум: Инфра-М, 2015. – 208 с.
3. Методика преподавания экономики: опыт и проблемы. Сб. методич. статей. – Вып. 1 / Под ред. Е. В. Огурцовой. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2014. – 72 с.

Section 7. Psychology

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-22-5-94-101>

*Dacheng Zhong,
St. Anthony's High School, NY*

EFFECT OF PARENTING STYLES ON AGGRESSION

Abstract. Previous research has observed that parenting style can influence the level of aggression in children. In general, authoritarian and permissive parenting styles have been most commonly linked to aggressive behavior in children. This has been observed in a wide variety of populations and in college students. However, to date there is little research on the link to parenting style in older adult populations. The goal of the current study was to observe whether differences in parenting styles would predict aggression level in an adult population with a wide range of age groups. We administered the Parenting Authority Questionnaire (PAQ) along with the Aggression Questionnaire (AQ) to a sample of participants on Amazon's mechanical turk (N = 285). We found evidence that permissive parenting led to more aggressive behavior, but authoritarian parenting did not. These results became more extreme in later adulthood. These results present an interesting addition to the literature on parenting style and aggression and suggest future research is needed on how parenting in childhood leads to differences in adult behavior.

Keywords: Parenting, aggression, permissive parenting, authoritarian parenting.

Introduction

The relationship between aggressive and the parenting styles has been thoroughly researched with a focus on four main parenting styles (authoritative, authoritarian, permissive, and neglectful parents). First, authoritative parents have high responsiveness and high demand (Abdullah [1]; Alizadeh [1]; Mansor [1]; Talib [1]). This means, there is a combination of warmth, firm control and clear standards (Baumrind [7]). In general, authoritative parents set clear limits and encourage compliance with reasons and logics (Baumrind [8]). It is characterized by mutually warm, sensitive, and responsive interactions with the child (Chen et al. [17]). The second parenting style is the authoritarian parenting style which has high levels of control and low levels of respon-

siveness (Bornstein & Bornstien [1]). Parents value obedience and use strict rules. They usually punish children with absolute standards, restricting their children's autonomy. They are very low in warmth and lack connections with their children (Baumrind [8]; Coie & Dodge [19]). The third parenting style is the permissive parenting style which is high in responses and low in demands (Alizadeh et al. [1]). Permissive parents are responsive to their children's needs but do not set clear limits and boundaries. They do not make many demands and allow children to regulate by their own paces and desires. They often lack rules and discipline (Baumrind [7]). Finally, the fourth parenting style, neglectful or uninvolved, parents are emotionally detached with the child and do not spend time with children at all, being an un-

involved and irresponsible caregiver (Rothrauff et al. [32]).

Different parenting styles influence children in a number of ways. Parents, who adopt the permissive style, encourage their children's autonomy and let them make their own decisions and regulate their own activities (Baumrind [9] Reitman et al. [31]). Children raised by permissive parents have poor social skills and low self-esteem (Baumrind, [9]; Reitman et al. [31]), and are often seen as selfish, dependent, irresponsible, spoiled, unruly, inconsiderate of others' needs, and antisocial (Binger et al. 1994; Wennar [40]). Research has shown, permissive parenting style impacts on children's externalizing behavioral problems (Alizadeh et al. [1]). It has been suggested this effect may be related to children's use of relational aggression because it is a means of negative reinforcement (Casas et al. [16]). Permissive parents provide negative reinforcement for children's undesired or disruptive behaviors via their inconsistent discipline and laxness because they fail to provide sufficient behavioral control to counteract the development and maintenance of children's aggressive or disruptive behaviors (Nelson & Crick [30]). As a result, with lack of guidance from parents, children make their own decisions and result in unresponsive actions because they are passive and lack self-dependence and social responsibility (Alizadeh et al. [1]). Therefore, in certain public situations, children may be angered or distressed when provoked, and they might use highly aggressive actions to deal with their emotional stress (Crick [20]). Therefore, children of permissive parents often do not know how to make the proper decisions and hurt others because they have not thought about rules and from different perspectives. Quantitative research has been mixed about whether permissive parenting is related to aggression. Multiple studies have found permissive parenting related to physical aggression in high schoolers (Batool [6]; Moghadam et al. [29]). However, other studies have found no effect of permissive parenting styles on aggression

(Setiawati et al. [34], Azimi et al. [3]; McErlean et al. [23]; Anjum et al. [2]).

Authoritarian parenting style has been more consistently linked to aggression.

Authoritarian parenting focuses on their control of the child and his/her obedience (Baumrind [9]), and they are neither warm nor responsive to their children (Baumrind [8]). Authoritarian parents expect full obedience of rules without any explanation (Baumrind [9]). This leads to the child having problems with feeling emotions, known as alexithymia, and increased levels of aggression (De Panfilis et al. [21]). This effect is present especially in teenagers, where teenagers of authoritarian parents have been found to be very aggressive and cause disturbance in the climate of the family (Baumrind [9]). Further, authoritarian parenting is inherently aggressive and children may model this aggressive behavior (Azimi et al. [3]). In addition, the psychological control authoritarian parents exert over their children may lead them to feel great insecurity and result in aggressive behaviors because they want to compensate for their sense of instability (Soenens et al. [35]). As such authoritarian parenting has been linked to increased fighting, cursing and bullying (Alizadeh et al. [1]). Authoritarian parenting has been linked to greater aggression in elementary school student (Anjum et al. [2]) high schoolers (Moghadam et al. [29]; Azimi et al. [3]) and college students (McErlean et al. [23]; Setiawati et al. [34]). However, research by Batool [6] found no effect of authoritarian parenting on aggression.

Children raised from authoritative families tend to have an advantage over their peers who are raised in authoritarian or permissive families. Children raised according to this parenting style are not completely restricted but are allowed a reasonable degree of behavioral latitude. Children of authoritative parents display high self-esteem and tend to be self-reliant, self-controlled, secure, popular and inquisitive (Wennar [40]). So, when they grow up, they will be emotionally stable so that they will not easily become as aggressive. This may be related to

a sense of attachment. When a caregiver is sensitive and responsive in the child's life, the child is likely to develop a secure attachment with the caregiver because the caregiver is responsive and sensitive enough to develop a stronger bond with the child (Bowlby [12]). When compared to an authoritative parenting style, a low level of reasoning and high levels of physical, verbal and emotional aggressiveness, generates aggressive behavior in the children, whereas less aggressive and more reason-based discipline does not (Sheehan & Watson [35]). The trick is that love withdrawal and guilt induction are interactional styles that parents use to manipulate the love and attachment relationship with the child by implying that love, but acceptance will not be restored until the child changes his or her behavior (Barber [4]). Further studies show that authoritative/supportive parenting leads children towards prosocial behavior, more socially competent, less negative and low aggressive behavior (Collins & Steinberg [18]). Comparing the authoritative and the neglective parenting style, the benefit is clear. Numerous studies have supported that adolescents who have a close relationship with their parents report greater social competence, life satisfaction and closeness in peer relationship (Feldman & Wentzel [22]). On the other hand, Simons and colleagues [36] found that a lack of parental support and involvement was associated with adolescents delinquent behavior and drug use, which in turn was also associated with aggression (specifically dating violence).

The goal of the present research is to better understand the role of parenting style in later aggressive behavior. While many studies have been performed using qualitative evidence, not enough research has been done using quantitative studies (Masud et al. [27]). Further, while several studies have looked at aggression in college students (McErlean et al. [23]; Setiawati et al. [34]) no known quantitative study has looked at the relationship between parenting styles and aggression in an adult sample older than college students. We are curious to investigate whether the influ-

ence of parents on children's aggression continues later in life. To do this, we plan to survey adults of a wide age range using Amazon's mechanical turk. The most consistent effect in previous research on parenting styles and aggression is that authoritarian parenting leads to increased aggression (McErlean et al. [23]; Setiawati et al. [34]). Therefore, we predict we will find similar results in our sample. We also may find that permissive parenting leads to increased aggression, as has been found in some of the previous research (Batool [6]; Moghaddam et al. [29]). However, it is worth noting that multiple studies on adult populations did not find evidence of an effect of permissive parenting (McErlean et al. [23]; Setiawati et al. [34]).

Methods

Participants. We recruited a total of 300 participants from Amazon's Mechanical Turk and obtained 285 complete responses. In our final sample, 42% of our participants were female, 75% were White, 10% were African American, 7% were Hispanic, 6% were Asian, with 2% listed as two or more races or Other. Additionally, 66% of our participants had a college degree.

Our participants had a mean age of 40.17 years old ($SD = 11.38$).

Procedure. Participants were given a series of tests to understand what type of parents they had along with their current tendencies towards aggressive behavior. Participants were first given a modified version of the Aggression Questionnaire (AQ). Next, participants were given two forms of the Parental Authority Questionnaire (PAQ) one for questions about their mother followed by the same questions about their father. Finally, participants were given demographic questions including asking for their age.

Aggression Questionnaire (AQ). In this study we used a 12-item modified version of the AQ (Bryant & Smith [13]). This 12-item measure was based on the questions used in the original 52-item AQ (Buss & Perry [15]). Participants rated how characteristic each of 12 statements (ex. "Given enough provocation, I may hit another person.") were of them on a 5-point Likert scale from 1 (extremely

uncharacteristic of me) to 5 (extremely characteristics of me). For each of the 12 statements a higher score was indicative of more aggressive behavior.

Final scores were a sum of responses to all 12 items.

Parental Authority Questionnaire (PAQ). The PAQ is a set of thirty statements designed to understand parenting styles (Buri [14]). For each question participants would view a statement (ex. "While I was growing up my mother felt that in a well-run home the children should have their way in the family as often as the parents do.") and rate their agreement with the statement on a scale from 1 (strongly disagree) to 5 (strongly agree). Parents completed the set of thirty statements for both their mother and father. Of the 30 statements in the PAQ, 10 are related to each of three parenting styles (Authoritarian, Authoritative, and Permissive). Responses to each of the 10 questions for each parenting style were summed together to create scores for each parenting style. Participants had two sets of scores, one for their mother's parenting style and a second for their father's parenting style.

Results

Consistent with previous research on parenting styles and aggression (Setiawati et al. [34]) participants were labeled with the parenting style that had the highest score of the three.

When scores for two styles were equal, they were listed as combined. When questioned about their mother's parenting style, 130 (45.6%) participants reported their mother was authoritarian, 103 (36.1%) reported their mother was authoritative, 39 (13.7%) reported she was permissive, while 13 were labeled as combine (4.6%). For their father's parenting style 127 (44.6%) were authoritarian, 79 (27.7%) were authoritative, 41 (14.4%) were permissive, and 38 (13.3%) were combined. Participants had a mean score of 25.06 (SD = 10.72) on the AQ. Level of aggression did not differ by age ($r = -0.07$, $p = 0.23$) and age did not differ across parenting styles for the mother ($F(3,281) = 1.01$, $p = 0.36$) or father ($F(3,281) = 0.40$, $p = 0.75$).

Level of aggression was found to differ across parenting styles. Respondents who had a permissive mother had a mean aggression level of 32.07 (SD = 12.21) compared to 23.88 (SD = 10.00) for those with an authoritarian mother, 23.48 for those with an authoritative mother (SD = 9.64), and 28.23 (SD = 13.16) for those with a mother with combine parenting styles. We conducted an ANOVA test and found these groups were significantly different ($F(3,281) = 7.74$, $p < 0.001$). Post hoc Tukey tests revealed aggression level was significantly higher for those with permissive mothers as opposed to those with authoritarian ($p < 0.001$) or authoritative mothers ($p < 0.001$). Interestingly, there was no observed difference between aggression levels of those with authoritarian and authoritative mothers ($p = 0.99$).

When looking at the fathers' parenting style, we found a similar trend in the results. Of the three main parenting styles, participants with permissive fathers showed the highest level of aggression ($M = 28.39$, $SD = 12.43$), followed by authoritative ($M = 23.65$, $SD = 9.50$) and authoritarian ($M = 23.54$, $SD = 9.85$). Finally, those whose father had a combine parenting style had a mean aggression of 29.47 (SD = 12.61). There were again significant difference in aggression across father's parenting style ($F(3,281) = 4.99$, $p = 0.002$). Post hoc Tukey revealed a somewhat significant difference in aggression levels between those with permissive fathers as opposed to those with authoritative ($p = 0.08$) or authoritarian ($p = 0.05$). Again, surprisingly there was no difference in aggression level between those with authoritarian and authoritative fathers ($p = 0.99$) and the aggression level was indeed slightly higher among those with authoritative fathers.

The relationship between parenting styles and aggression was found to increase with age. We performed a pair of ANCOVA tests to investigate the interaction between parenting style and age on aggression level. When testing a mother's parenting style, there was a significant interaction between parenting style and age ($F(3,277) = 4.67$, $p = 0.003$).

This showed the higher aggression found when participants had permissive mothers was more extreme in older participants. When testing for the effect of father's parenting style, there was a somewhat signifi-

cant change in the same direction ($F(3.277) = 2.60$, $p = 0.05$). For a summary of results for participants over and under the age of 40, see Table 1.

Table 1. – Mean AQ score Across Parenting Styles by Age Group

Decision Task	Permissive	Authoritarian	Authoritative	Combine
Mother's Parenting Style				
Younger Adults	30.27	23.95	24.74	23.60
Older Adults	34.42	23.82	21.64	31.13
All Participants	32.08	23.88	23.48	28.23
Father's Parenting Style				
Younger Adults	26.45	24.49	23.90	27.96
Older Adult	30.23	22.40	23.41	32.38
All Participant	28.39	23.54	23.65	29.47

Discussion

There are a lot of consistencies in the data that support our hypothesis. First, the high aggression found when participants had permissive mothers was present in our adult sample (Setiawati et al. [34]). Compared to the AQ scores of 23–25 resulting from authoritarian and authoritative mothers, children raised by permissive parents show extremely high levels of aggression with an average AQ score of 32. The results for father's parenting style yield similar results though not as extreme. Therefore, our hypothesis about the aggressiveness resulting from permissive parents is proved valid.

However, there are also unexpected findings. Originally, according to the assumption, authoritarian parents are supposed to "cultivate" aggressiveness. That was not found in our sample. Younger (under 40 years old) and older adults (age 40 and older) raised by the mother's side both with authoritarian parenting style displays similar levels of aggressiveness as the authoritative parenting style with the mean AQ score from 23 to 25. So, authoritarian parenting style from mothers does not necessarily lead to aggressive adults. We found similar results for the fathers side. Even though it is claimed that authoritarian and permissive fathers bring aggressive children, this was not found in our sample.

Although the current study makes great contributions to the discovery of the relationship between the parenting styles and the aggressiveness of adolescents, few limitations should be considered. First, the reliance of correlational data precludes statements of cause and effect (McCormick et al. [28]). There has been no controlled manipulation of variables to provide clear causal evidence. Additionally, we used an American sample which may be what has led us to finding different results from other studies which surveyed members of a different cultural group (Setiawati et al. [34]; Moghaddam et al. [29]; Azimi et al. [3]). Additionally, this research is limited to parenting factors (Alizadeh et al. [1]). There are many relevant factors that influence children's behavioral problems, such as age, genetics, socio-economics, peer pressure, parent's income, society, and school. We considered only parenting style types. In addition, there is also a need to conduct studies in developing countries to compare the effect of parenting styles from different cultures and communities (Alizadeh et al. [1]). Finally, the study should incorporate different kinds of research because the present research incorporates

mostly quantitative data but not a lot of qualitative data (Masud et al. [27]). So, it is important to provide a mixed kind of research because there are

better ways to understand the data and the point that it wants to prove (Masud et al. [27]).

The present study results suggest that perceptions of parental authority play an important role in the aggressiveness of their children throughout their lifetime. In this study, the perceived authoritarian parenting does not have high correlation with adolescent aggression as expected, but permissive parenting

brings significantly high possibility for adolescents to become aggressive. This study reports that individual adolescents who are regulated by parents, whether with rules or strict control, are less likely to display aggression than adolescents coming from permissive families. Collectively, the results can be used to further understand the relationship between parenting styles and aggression throughout the life trajectory.

References:

1. Alizadeh S., Talib M. B. A., Abdullah R. & Mansor M. Relationship between parenting style and children's behavior problems. *Asian social science*,– 7(12). 2011.– P. 195–200.
2. Anjum A., Noor T., & Sharif N. Relationship between parenting styles and aggression in Pakistani adolescents. *Khyber medical university journal*,– 11(2). 2019.– P. 98–101.
3. Azimi A. L., Vaziri S., & Kashani F. L. Relationship between maternal parenting style and child's aggressive behavior. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*,– 69. 2012.– P. 1276–1281.
4. Barber B. K. Parental psychological control: Revisiting a neglected construct. *Child development*,– 67(6). 1996.– P. 3296–3319.
5. Bassett J. F., Snyder T. L., Rogers D. T., & Collins C. L. Permissive, Authoritarian, and Authoritative Instructors: Applying the Concept of Parenting Styles to the College Classroom. *Individual Differences Research*,– 11(1). 2013.
6. Batool S. S. Lack of adequate parenting: A potential risk factor for aggression among adolescents. *Pakistan Journal of Psychological Research*, 2013.– P. 217–238.
7. Baumrind D. Child care practices anteceding three patterns of preschool behavior. *Genetic psychology monographs*. 1967.
8. Baumrind D. Will a daycare center be a child development center? *Young Children*,– 28(3). 1973.– P. 154–169.
9. Baumrind D. The influence of parenting style on adolescent competence and substance use. *The journal of early adolescence*,– 11(1). 1991.– P. 56–95.
10. Binger B. R., Copple R. F., & Hoffman E. Use of Contingent Valuation Methodology in Natural Resource Damage Assessments: Legal Fact and Economic Fiction. *Nw. UL Rev.*,– 89. 1994.– 1029 p.
11. Bornstein L., & Bornstein M. H. Parenting styles and child social development. *Encyclopedia on early childhood development*. Montreal: Centre of Excellence for Early Childhood Development and Strategic Knowledge Cluster on Early Child Development. 2007.
12. Bowlby J. Attachment and loss: retrospect and prospect. *American journal of Orthopsychiatry*,– 52(4). 1982.– 664 p.
13. Bryant F. B., & Smith B. D. Refining the architecture of aggression: A measurement model for the Buss-Perry Aggression Questionnaire. *Journal of Research in Personality*,– 35(2). 2001.– P. 138–167.
14. Buri J. R. Parental authority questionnaire. *Journal of personality assessment*,– 57(1). 1991.– P. 110–119.
15. Buss A. H., & Perry M. The aggression questionnaire. *Journal of personality and social psychology*,– 63(3). 1992.– 452 p.

16. Casas A., Troosters T., Garcia-Aymerich J., Roca J., Hernández C., Alonso A. ... & Decramer M. Integrated care prevents hospitalisations for exacerbations in COPD patients. *European Respiratory Journal*,– 28(1). 2006.– P. 123–130.
17. Chen X., Dong Q., & Zhou H. Authoritative and authoritarian parenting practices and social and school performance in Chinese children. *International journal of behavioral development*,– 21(4). 1997.– P. 855–873.
18. Collins W. A., & Steinberg L. *Adolescent development in interpersonal context*. 2006.
19. Coie J. D., & Dodge K. A. *Aggression and antisocial behavior*. 1998.
20. Crick N. R. Relational aggression: The role of intent attributions, feelings of distress, and provocation type. *Development and psychopathology*,– 7(2). 1995.– P. 313–322.
21. De Panfilis C., Rabbaglio P., Rossi C., Zita G. & Maggini C. Body image disturbance, parental bonding and alexithymia in patients with eating disorders. *Psychopathology*,– 36(5). 2003.– P. 239–246.
22. Feldman S. S., & Wentzel K. R. Relations among family interaction patterns, classroom self-restraint, and academic achievement in preadolescent boys. *Journal of Educational Psychology*,– 82(4). 1990.– 813 p.
23. Janik Mc Erlean A. B., & Lim L. X. C. Relationship between parenting style, alexithymia and aggression in emerging adults. *Journal of family issues*,– 41(6). 2020.– P. 853–874.
24. Kawabata Y., Alink L. R., Tseng W. L., Van Ijzendoorn M. H., & Crick N. R. Maternal and paternal parenting styles associated with relational aggression in children and adolescents: A conceptual analysis and meta-analytic review. *Developmental review*,– 31(4). 2011.– P. 240–278.
25. Li X., Stanton B., & Feigelman S. Impact of perceived parental monitoring on adolescent risk behavior over 4 years. *Journal of adolescent health*,– 27(1). 2000.– P. 49–56.
26. Lorence B., Hidalgo V., Pérez-Padilla J., & Menéndez S. The role of parenting styles on behavior problem profiles of adolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*,– 16(15). 2019.– 2767 p.
27. Masud H., Ahmad M. S., Cho K. W. & Fakhr Z. Parenting styles and aggression among young adolescents: a systematic review of literature. *Community mental health journal*,– 55(6). 2019.– P. 1015–1030.
28. Mc Cormick W. H., Turner L. A., & Foster J. D. A model of perceived parenting, authenticity, contingent self-worth and internalized aggression among college students. *Personality and Individual Differences*,– 86. 2015.– P. 504–508.
29. Moghaddam M. F., Asli F., Rakhshani T. & Taravatmanesh S. The relationship between parenting styles and aggression in adolescents of Zahedan City in 2014. *Shiraz E-Medical Journal*,– 17(7–8). 2016.
30. Nelson D. A., & Crick N. R. Parental psychological control: Implications for childhood physical and relational aggression. 2002.
31. Reitman D., Rhode P. C., Hupp S. D., & Altobello C. Development and validation of the parental authority questionnaire-revised. *Journal of psychopathology and Behavioral Assessment*,– 24(2). 2002.– P. 119–127.
32. Rothrauff T. C., Cooney T. M., & An J. S. Remembered parenting styles and adjustment in middle and late adulthood. *Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*,– 64(1). 2009.– P. 137–146.
33. Sangawi H., Adams J., & Reissland N. The effects of parenting styles on behavioral problems in primary school children: a cross-cultural review. *Asian social science*,– 11(22). 2015.– P. 171–186.

34. Setiawati Y., Miranti K., & Syulthoni Z. B. The relationship between mother's parenting patterns and aggressive behavior of adolescent son in risk environments. *EurAsian Journal of BioSciences*, – 14(1). 2020. – P. 2513–2517.
35. Sheehan M. J., & Watson M. W. Reciprocal influences between maternal discipline techniques and aggression in children and adolescents. *Aggressive Behavior: Official Journal of the International Society for Research on Aggression*, – 34(3). 2008. – P. 245–255.
36. Simons R. L., Lin K. H., & Gordon L. C. Socialization in the family of origin and male dating violence: A prospective study. *Journal of Marriage and the Family*, 1998. – P. 467–478.
37. Spera C. A review of the relationship among parenting practices, parenting styles, and adolescent school achievement. *Educational psychology review*, – 17(2). 2005. – P. 125–146.
38. Steinberg L., Fletcher A., & Darling N. Parental monitoring and peer influences on adolescent substance use. *Pediatrics*, – 93(6). 1994. – P. 1060–1064.
39. Trenas A. F. R., Osuna M. J. P., Olivares, R. R., & Cabrera J. H. Relationship between parenting style and aggression in a Spanish children sample. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, – 82. 2013. – P. 529–536.
40. Wennar C. *Development psychopathology: From infancy through adolescence*. 1994.

Contents

Section 1. Journalism.....	3
<i>Ismailova K. F.</i> ORIENTATION TO PERSONIFICATION OF RADIO MESSAGES AS AN IMPORTANT TREND IN MODERN RADIO BROADCASTING	3
Section 2. Study of art	9
<i>Rosanna Misso</i> “SETTECENTO RIFORMATORE”: LUIGI VANVITELLI BETWEEN ROMA AND NAPOLI.....	9
Section 3. History and archaeology.....	13
<i>Abdukayumov A. R.</i> ENEOLITHIC AND BRONZE AGE IN CENTRAL ASIA: HISTORIOGRAPHIC APPROACHES.....	13
<i>Aghayev Yusif Shukur</i> STRATEGY OF THE NOMADIC WORLD OF THE EURASIAN PLAINS (FROM ANTIC TIMES TO THE LATE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIMES)	17
<i>Nizameddinkhujayev Otabek Ruslanovich</i> THE ROLE OF THE UN IN SUPPORTING CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN.....	31
<i>Uryumtsev Egor Romanovich</i> UNDER THE BANNER OF ORIFLAMME: QUESTIONS OF THE ORGANIZATION OF THE MILITARY STRUCTURE UNDER PHILIPPE II AUGUSTUS (1180–1223)	35
<i>Eric Shan</i> THE JUNGLE OF THE MEATPACKING INDUSTRY: HOW CONGRESSIONAL DEBATE PROMPTED INCREASED FEDERAL REGULATION	38
<i>Yuxuan Ye</i> LATE OTTOMAN PERIOD JERUSALEM: THE EXPANSION OF THE HOLY CITY BEYOND THE WALLS.....	47
Section 4. Cultural studies	58
<i>Valerie Zou</i> DOES DEATH WITHIN CHILDREN’S FILMS AND LITERATURE MAKE IT EASIER FOR A CHILD TO DEAL WITH LOSS IN A MORE SYMBOLIC MANNER?	58
<i>Nikiforova Sofya</i> LILITH AND SALOME: JUDAIC AND CHRISTIAN MYTHOLOGICAL CHARACTERS BECOMING “FEMME FATALE” IN THE MIDDLE AGES AND IN THE 19 th CENTURY.....	64
Section 5. Philology and linguistics.....	71
<i>Madieva Madina</i> ENGLISH-LANGUAGE BRANDS AND THEIR TRANSLATION CONVENTIONS IN UZBEK	71

Section 6. Pedagogy 77

Gurbanova Ulkar
 PRINCIPLES OF STUDENT ASSESSMENT IN A MODERN SCHOOL (ON THE
 EXAMPLE OF ENGLISH LESSONS) 77

Iskandarova Ainura
 ON THE ISSUE OF PHILOSOPHY OF APPLICATION OF TEACHING METHODS IN
 THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE 82

Fayzullaeva Nilufar Sadullaevna
 ACTIVATION OF THE PROCESS OF ASSIMILATION OF THE TERMINOLOGICAL
 APPARATUS IN THE PREPARATION OF THE FUTURE ECONOMIST AT THE UNIVERSITY 87

Section 7. Psychology 94

Dacheng Zhong
 EFFECT OF PARENTING STYLES ON AGGRESSION 94

